285
14

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКИЙ ФОЛЬКЛОР

И 285/14

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Ч 285/14

Дф.

4-57
801-01
1045-4

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКИЙ ФОЛЬКЛОР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1940

ОТ РЕДАКЦИИ

В сборнике «Чечено-ингушский фольклор» представлено художественное творчество двух небольших народов Кавказа — чеченцев и ингушей, вместе насчитывающих около полумиллиона человек. В культурно-экономическом отношении до Великой Октябрьской Социалистической революции они были отсталыми народами.

Советская власть дала Чечне и Ингушетии автономию и письменность, создала все условия для полного расцвета всех творческих сил народа.

В результате мудрой ленинско-сталинской национальной политики Чечено-Ингушетия добилась исключительных успехов во всех областях культурного строительства. Растет интерес к художественному наследию прошлого, к устному народному творчеству.

Сейчас проводится большая работа по собиранию богатого народного творчества чеченцев и ингушей. В сказках, рассказах, в песнях запечатлены история и борьба этого народа. Неиссякаемый оптимизм отражен почти в каждом произведении. Мечты о хорошей жизни, о будущем счастье — вот что окрыляло народ, вливало бодрость и силы в него, чтобы отстаивать свою самостоятельность в годы самого жестокого рабства.

В сказках и рассказах чеченцев и ингушей — много юмора и философской мудрости народа.

Вдребезги разбита вражеская теория о том, что якобы чечено-ингушский народ беден в области народного творчества, нечего-де собирать, тем более издавать на русском языке.

Стоит только заглянуть в старые краеведческие издания 1870—1880 гг., чтобы убедиться, что это клевета. Только один Ч. Ахриев, ингуш по происхождению, любитель фольклора своего народа, оставил огромное количество записей, исследований, очерков о чеченском и ингушском народном творчестве.

Пышным цветом расцветает народное творчество в стране социализма. Вместе со всеми народами нашей родины чечено-ингушский народ создает полноценные и красочные произведения, говорящие о больших художественных дарованиях его.

Яркими, солнечными словами поет освобожденный народ Чечено-Ингушетии о дружбе и счастье великой семьи народов нашей родины. И эти слова в первую очередь направлены к великим гениям человечества — Ленину и Сталину.

Певец спрашивает:

Кто, вдохновленный великой силой,
Смог передать бы людскую радость?
Кто чувства наши к тебе, желанный,
Выразить сможет пером дрожащим?

И слова любви и благодарности несутся к вождю народов:

Помолодевший Кавказ с приветом
К тебе несется, поют народы:
«Сталина имя звездою светит!
Дал ты нам счастье, раскрыл нам двери.
Брат и отец наш, в светлые дали.
Крепко желаем, в это мы верим:
Долго живи ты, любимый Сталин!»

Послереволюционное творчество чечено-ингушского народа отражает бурный рост и расцвет культуры Чечено-Ингушетии.

Материалы настоящего сборника «Чечено-ингушский фольклор» собраны Чечено-Ингушским научно-исследовательским институтом языка и истории и союзом советских писателей Чечено-Ингушетии.

ПОЭЗИЯ

ПЕСНИ ГЕРОИЧЕСКИЕ

ПЕСНЯ О ШИХМИРЗЕ, СЫНЕ ЗАЙТЫ

Вечерней зарей,
Под первой звездой,
В белом бешмете, с шашкой кривой,
В папахе, надвинутой на глаза,
Сидел на сходке Зайт-Шихмирза.
Не ветер пылит на склоне крутом —
То всадник, влеком
Гнедым конем,
Прискакал и стал пред Шихмирзой —
Под первой звездой,
Вечерней зарей.
— Ассалам алейкум, Зайт-Шихмирза!
Ты простись с покоем, Зайт-Шихмирза.
Заломи папаху, открой глаза.
— Алейкум салам, гонец удалой!

Что привез с собой?
Чем смутишь покой? —
Говорит Шихмирза, тряхнув головой.
Тут гонец молодой потемнел лицом:
— В круглой крепости был я,— промолвил он,—
Туда за добычей я прискакал,
Там — эй, Зайт-Шихмирза! — белый был генерал,
В гнутый рог он трубил, он войско сзывал,
В медный круг ударял,
Офицеров сбирал,
Тебе он войной кровавой грозил
И так говорил:
„Захочет биться — смерть ему,
Захочет мириться — плен ему,
Приведут его в крепость, бросят в тюрьму.
Стадо спрячем в загон — стада нет к утру,
Стадо выгоним мы — стада нет ввечеру,
Казаков на валу убивает он,
Казачек к ручью не пускает он;
Как пиявка в реке, как в небе гроза,
Так докучен, так страшен нам Зайт-Шихмирза.
Хочу, чтоб живым он пришел на суд,
А нет — пусть мертвым его привезут!“
Так промолвив, в крепость ушел генерал.
Тут пестрый сержант поднялся на вал,
Он увидел меня на круглой стене:
„Шихмирза — мой друг,— сказал он мне,—
Пусть бежит скорей, пусть кинет свой дом —
Окружат его ночью тройным кольцом“.
Так промолвив, замолк джигит молодой,
Говорит Шихмирза, тряхнув головой:
— Конь мой скачет под солнцем от тени своей,
Своей гривы стращится он в пору дождей,
Горячо люблю я коня своего,
Но тебе, джигит, подарю его.
Прекрасен зари восходящий свет,
Но шашки моей — прекрасней нет,
Когда воздух сечет, врагов казня.—
Так промолвив, гонцу подарил он коня.
Сам стал думу думать в сакле своей,
А гонец ускакал, ветра быстрей.
Под навесом, к столбу прислонясь плечом,
Жена Шихмирзы убивалась по нем:
— Да хранит тебя небо, Зайт-Шихмирза,
Брата нет у тебя, с кем рубиться вдвоем,
Ты беги, Шихмирза, брось родимый дом —
Окружат тебя ночью тройным кольцом.—
Тут промолвил с усмешкой Зайт-Шихмирза:

— Не трусливым природа меня создала,
Кровный друг есть под солнцем — Джумà-Актола:
Клятвой связаны мы, неразлучны мы с ним,
Ты его позови — пусть придет побратим.—
Так сказал своей милой Зайт-Шихмирза.
В смятеньи, тревогой окрылена,
К тому Актоле устремилась она.
— Будь весел день твой, Джума-Актола!—
— Будь жизнь твоя долга и светла!
Вольной волей ты иль неволей пришла?
— Вольной волей я и неволей пришла:
В великой беде Шихмирза-побратим,
Окружат его ночью кольцом тройным,
Тебя, кто клялся умереть вместе с ним,
Тебя, Актолу, кто тверд душой,
Тебя призывает друг верный твой,
Зовет на помощь, на смертный бой.—
Так промолвив, ответа она ждала.
Тут молвил в ответ ей Джума-Актола:
— Мне дороже души невеста моя,
Увезут ее завтра чужие князья,
Выручать ее еду в далекий край,—
Это слово мое Шихмирзе передай.—
И как только замолк Джума-Актола,
Шихмирзы голубка домой пошла —
Привет на устах,
Гнев в очах —
Медленным шагом домой пошла.
От ворот ей навстречу—старый Джумà,
Отец Актолы — старый Джума.
— Будь жизнь твоя долга и светла!
Вольной волей ты иль неволей пришла?
— Вольной волей пришла я, старый Джума,
И неволей пришла я, старый Джума,
Актолу зовет Шихмирза-побратим,
Окружат его завтра кольцом тройным.
Того, кто клялся умереть вместе с ним,—
Твоего Актолу зовет Шихмирза,
На помощь кличет Зайт-Шихмирза.—
Так промолвив, пошла своим путем.
Тут старый Джума потемнел лицом.
— Что ж ответил тебе мой сын родной? —
Шихмирзы голубка смутилась душой:
— Тоскует он по невесте своей,
Отбивать ее едет у дальних князей.
— Лучше б дочь, не тебя, я взрастил, Актола,
Дочь, уж верно б, в мужья удальца избрала,
Не пришлось бы краснеть мне на склоне дней,

Не пятнал бы он доброй славы моей.
Ты скажи: на смерть я, старый Джума,
И в бой, скажи, готов я, Джума,
Скажи ему: верен старый Джума,
Шихмирзе не изменит старый Джума.
Ты скажи ему: страха не знай, Шихмирза,
За тебя будет биться старый Джума.—
Ее отпустил он с речью такой.
Шихмирзы голубка летит домой.
Тут Зайт-Шихмирза подходит к ней:
— Что сказал Актола? Отвечай скорей.
— „Невесту увозят“, сказал Актола,
„Отбивать ее еду“, сказал Актола.
На смерть, сказал тебе старый Джума,
И в бой, сказал тебе старый Джума,
Я готов, сказал тебе старый Джума,
Будь тверд, сказал тебе старый Джума,
Не страшись, сказал тебе старый Джума,
Вдвоем будем биться, сказал Джума.—
Своей голубке внимал Шихмирза,
Умолкла она — сказал Шихмирза:
— Ах, не будь ты несчастлив, Джума-Актола,
Коли милая так тебе мила,
Возьми мою — иль моя лоза
Не слаще твоей? — так сказал Шихмирза.
Вечерней зарей,
Под первой звездой —
Тут лег Шихмирза на отдых ночной,
Чтоб думы и сердце сном укачать.
Вот свет прекрасный взошел опять,
Зайт-Шихмирза глядит из окна —
Сакля врагами окружена,
И речь генерала ему слышна:
— На небо не влезешь — глубока вышина!
Не уйдешь и в землю — земля плотна!
Захочешь биться —
Умрешь, Шихмирза,
Захочешь мириться —
Пропадешь, Шихмирза,
В круглой крепости нашей сгниешь, Шихмирза!—
— Чтоб сам ты умер, враг-генерал!
Я в небо уйду — недаром стрелял,
Я в землю уйду — мой отточен кинжал.
На свет я рожден не с трусливой душой,
Рожден я затем, чтоб рубиться с тобой!—
Так, промолвив, выбежал Зайт-Шихмирза,
Тонкой шашкой сверкнул, как молньей гроза,
И стал тут рубиться Зайт-Шихмирза.

Враги подступили кольцом тройным,
Тут вихрем густым
Всклубился дым,
Тут синий свинец загудел дождем,
Джума пробудился в доме своем.
К конюшне бревенчатой он бежит,
Уздечкой серебряной он гремит,
Словно невесту убрал он коня,
И был тот конь горячей огня.
Тут вскочил Джума на коня своего,
Тут молвил коню, лаская его:
— Горячим трехлетком снова будь! —
Так молвил Джума и пустился в путь.
— Ассалам алейкум, Зайт-Шихмирза!
Не дрогнул ли ты,— эй, Зайт-Шихмирза?
Не падай духом, джигит молодой,—
Старый Джума — рядом с тобой!
— Не пал я духом, старый Джума,
Чернокрылый ты сокол, старый Джума,
Соколенок я горный, старый Джума.
Ты зачем на бой прискакал незван?
Не снесет твое тело смертельных ран.
— Мое старое тело закалено,
Любую рану снесет оно,
Немало битв у меня за спиной.—
Тут кинулись в бой Джума с Шихмирзой.
Не трава растет — то войско встает,
Молодецкая кровь из ран течет,
Тут вышли из боя они сам-друг,
Тут склонились они на зеленый луг.
Промолвил, стеная, старый Джума,
Шихмирзе тут молвил старый Джума:
— Не будь ты несчастлив, Зайт-Шихмирза,
На тропинку вон ту обрати глаза,
Не скачет ли там мой сын Актола,
Не проведал ли он, что смерть нам пришла? —
На слабых руках приподнявшись с земли,
Глянул Зайт-Шихмирза на тропу вдали:
— Не будь ты несчастлив, старый Джума,
Белый полк окружал нас, старый Джума,
И я вышел один на полк царский тот,
Но несметное войско теперь идет,
Всё царское войско на нас идет.
— Не падай ты духом, Зайт-Шихмирза,
Глянь страху в глаза,— эй, Зайт-Шихмирза,
То не царское войско на нас идет,—
То мой сын Актола молодцов ведет,
Юный мой Актола к нам на помощь идет.—

И как только умолкнул старый Джума,
Вот уж едет, вот скачет Джума-Актола.
— Ассалам алейкум, Зайт-Шихмирза!
— Алейкум ва салам, Джума-Актола!
Не хотел ты помочь мне, Джума-Актола,
Тебе милая больше души мила,
Я б свою тебе отдал — моя ль лоза
Не слаще твоей? — так сказал Шихмирза.
Джума-Актола тут молвил в ответ:
— В твоих упреках правды нет.
Ты чем недоволен, Зайт-Шихмирза?
Что с недругом вышел на смертный бой?
У чеченских джигитов обычай такой,
Иль позабыл ты,— эй, Зайт-Шихмирза? —
Так промолвив, объехал его Актола,
Тут увидел отца своего Актола:
— Ассалам алейкум, мой старый Джума!
Что сталось с тобой,— эй, отец мой Джума?
— Алейкум ва салам, мой сын молодой,
Я телом здоров, но убит душой.
Лучше б дочь, не тебя, я взрастил, Актола,
Дочь, уж верно б, в мужья удальца избрала,
Он, уж верно б, не бросил меня в бою,
Он встал бы грудью за честь мою! —
Молодой Актола тут молвил в ответ:
— В твоих упреках правды нет.
Ты чем недоволен, старый Джума?
Что с недругом вышел на смертный бой?
У чеченских джигитов обычай такой,
Иль позабыл ты,— эй, старый Джума? —
Тут в бой устремился юный джигит:
Кто скачет в бой — с коня вдруг сбит,
Кто скачет из боя — попал в аркан,
Враг дрогнул, страхом обуян.
Актолу подзывает старый отец,
Актоле тут молвит старый отец:
— Уходит из тела душа моя,
Пока свет не потух, пока гневен я,
Ты голову сбей с генеральских плеч,
Чтоб мог я спокойно в могилу лечь.—
Так промолвил Джума и вновь затих.
Стал глядеть Актола на врагов своих,
Гневный взор пробежал по их рядам,
Но не нашел генерала там.
Тут пестрый сержант в дыму мелькнул,
К нему Актола коня повернул:
— Зачем генерала не видно в бою?
Отвечай — иль надвое раскрою,

Отвечай — иль синим свинцом залью!
— Ни свинец твой, ни шашка мне не сделают зла,
Я ведь друг Шихмирзы, эй, Джума-Актола! —
Так промолвив, тропинку он указал,
По которой умчался вскачь генерал.
Над конем засвистала тонкая плеть —
То Джума-Актола помчался вслед.
— Бог тебя да хранит,
Чеченский джигит!
Отпустишь меня в родные края —
Меру белого се́ребра дам тебе я,
Обнимет меня подруга моя —
Меру красного злата дам тебе я!
— Мне белое се́ребро — плоть твоя,
Злато красное мне — голова твоя,
Когда с плеч сниму ту голову я.—
Так промолвив, голову он срубил,
Он за ухо голову ту схватил,
К отцу прискакал: — Эй, старый Джума,
Ну что ж, забирай ее, старый Джума,
Ее ли просил ты, отец мой Джума? —
И как только увидел голову он —
Старый Джума тут встал, исцелен,
И Зайт-Шихмирза тут встал, исцелен,
И каждый боец вскочил на коня,
И рубились все трое до заката дня.
Тут враги распростились со счастьем своим,
Тут удальцы подружились с ним.
Врага опрокинув, разогнав воронье,
Генеральскую голову подняв на копье,
Зажав подпругами раны коней,
Пояса стянув над болью своей,
Отдохнуть от ран улеглись бойцы,
На зеленом лугу улеглись бойцы.
Тут был им желанный отдых дан,
Но горько томились они от ран.
Вдруг пестрый сержант прискакал на луг,
Их раны лечил, исцелял недуг,
Стал друг Шихмирзы — их общий друг.
Встали, смерти в укор,
Три бойца удалых,
Жили в дружбе с тех пор
Три бойца удалых.
Кто с поля битвы бежит, устрашен,—
Пусть душу, бегущий, извергнет он,
А кто до конца не покинет бой —
Пусть владеет счастье его рукой!

ПЕСНЯ О КНЯЗЕ МУСОСТЕ И О СУРХО, СЫНЕ АДЫ, ЖИВШИХ У БЕРЕГОВ ТЕРЕКА

Новый аул основал князь Мусост.
Мужей известных собравши по вызову,
Мужей безвестных созвавши по выбору,
Новый аул основал князь Мусост.
Старцев аула призвал князь Мусост.
К князю по вызову старцы являются.
Старцы с почтеньем пред старцем склоняются.
— Салам алейкум, наш князь Мусост.
Вот мы явились, как нам приказал ты,
В гости ль, по делу ли нас призвал ты?
— Звал вас по делу. Прошу я сейчас
Дани двойной небывалой от вас.
— Да хранит Аллах тебя, князь Мусост!
Отец твой был князем, а мать княгиней.
Князем и сам ты являешься ныне.
Мы же простые и темные люди.
Ты разоришь наших жен и детей,
Грех тебе, князь, перед ними будет.
Стыдно тебе перед князьями будет.
Дани такой не бери ты с людей.
— То, что решаю я, сбыться должно.
Что запрещаю — забыться должно.
От вас ожидаю дани двойной.—
Больше им князь не сказал ничего.
Старцы в печали ушли от него.
В пятницу старцы в мечеть пришли,
Чтобы о горе своем беседовать.
Старцы в мечети беседу вели,
Старцы на князя жестокого сетовали.
— Небывалую дань мы не в силах внести.
Где ж храбреца, где героя найти,
Чтобы он свергнул Мусоста жадного? —
Вспомнился тут им сын Ады, Сурхо.

Конь у Сурхо, сына Ады, лихой.
Сердцем герой сын Ады, Сурхо.
— Упросим мать, что Сурхо родила,
Чтобы нам сына она отдала.—
К дому Сурхо старики подошли,
Шапки свои во дворе они сняли,
Все, как один, на колени упали
И пред крыльцом распростерлись в пыли.
Вышла к ним мать молодого Сурхо,
Вышла, приветствовала стариков.
— Что привело, старики, вас сюда:
Добрая воля иль злая нужда?
— В дом твой по собственной воле пришли мы.
Нужен Сурхо нам, твой сын родимый.
Подвиг ему одному лишь по силе.
Сына отдай нам! — так старцы просили.
— Старцы, окиньте вселенную взглядом!
Старцы, вы вслушайтесь в сердце мое!
Кроме Сурхо, никого нет у Ады,
Он и отрада, и счастье мое.
Но родила я Сурхо моего
Не для того, чтобы нежить его.
Вам, если надо, отдам я его.—
Так старикам отвечала Ада.
Спал ее сын и не знал ничего.
Нежно дотронувшись до него,
Ада Сурхо своего разбудила.
— Не время спать, мой родной Сурхо,—
Время вставать, дорогой Сурхо,—
Утро совсем не для сна наступило.
— Ты разбудила меня, родная,
Но для чего разбудила — не знаю.
Что же случилось — ответь, родная!
— Старцы аула пришли за тобою.
Старцы просили тебя им отдать.
Я им не в силах, мой сын, отказать.
Если они твою душу потребуют —
Вырви из тела, отдай им душу...—
Выслушав мать, с постели поднялся,
Выбежал к старцам Сурхо молодой.
— Старцы почтенные, вас я приветствую.
Вам ли склоняться передо мной?
Молод еще я, вы ж — мудры и седы.
Выполню все я, что нужно вам.
Душу свою, если надо, отдам.
Сердцем я предан вам, сердцем вам верен...
Вам ли стоять на коленях пред дверью?
Встаньте же, старцы!.. (И старцев он поднял.)

Горе какое грозит вам сегодня?
Горе, что кружится в небе над вами,
Меткою пулей своею собью,
Гнет, что вгрызается в вас зубами,
Тонкою шашкой своей зарублю.—
Так им сказал Сурхо, сын Ады.
Старцы аула ему отвечали:
- В нашей печали Мусост повинен,
Лютая жадность Мусоста преследует—
Дани двойной, небывалой он требует.
Просим мы: свергни ты князя Мусоста.
Просим и молим: во имя Аллаха,
Храбрый Сурхо наш, не знающий страха,
Свергни ты жадного князя Мусоста!
— Бог да хранит вас, аульские старцы.
Я еще молод. И в силах я разве
Свергнуть Мусоста, могучего князя?
Братьев у князя Мусоста есть много,
Всех их Мусост призовет на подмогу.
— Мы тебе братьями будем тоже.
Мы тебе свергнуть Мусоста поможем.
Храбрый Сурхо наш, не знающий страха,
Свергни Мусоста, во имя Аллаха!—
Храбрый Сурхо собирался молча.
Вышел он к старцам в бешмете белом.
Черную бурку на плечи накинул он.
Серую шапку на брови надвинул он.
Шашку (клинок с головою волчьей [1])
Взяв вместо посоха, шагом смелым
Двинулся в путь он к дому Мусоста.
Старцы шагали вослед Сурхо.
(Жил князь Мусост от Сурхо далеко)
Но быстро пришли они к дому Мусоста.
Из дому князя Сурхо вызывает.
— Салам алейкум, наш князь Мусост.
— Алейкум салам,— ему князь отвечает.—
— В гости ль, по делу, сын Ады, пришел ты?
Старцев зачем за собой привел ты?
— Князь, я — по делу. Ответить прошу я:—
Правда ль, что подать ты просишь двойную?
Да сохранит тебя бог, князь Мусост!
Отец твой был князем, а мать княгиней.
Князем и сам ты являешься ныне...
Дань небывалую просишь ты с нас...
Князь, мы простые и бедные люди,—
Грех тебе будет и стыд тебе будет
Так обижать наших жен и детей.
Дани огромной не требуй с людей,—

Вот с какой просьбой к тебе пришел я.—
Князь отвечает, нахмурясь сурово:
— Ты ль мне указывать будешь, мальчишка?
Вместе со старцами, жалкий трусишка,
Прочь уходи подобру-поздорову.
То, что решаю я, сбыться должно.
Что запрещаю — забыться должно.
Подать двойную сберите быстрей!
Подать двойную вносите скорей!—
Гневно Мусосту сын Ады ответил:
— Чорт бы побрал тебя, вора-князька!
Раб ты, дурак наихудший в свете,
Помесь холопа и ишака!
Все, чего ты боишься, сбыться должно.
Все, к чему ты стремишься, забыться должно.
Подати мы не заплатим двойной.
Жалким трусишкой назвал тут меня ты.
Завтра узнаешь, князек проклятый,
Ведом ли страх мне, Сурхо, иль неведом.
Землю твою всю, что царь московский
В старые дни подарил твоим дедам,
Землю твою с заливными лугами,
Пастбища лучшие вместе с полями
Я отберу. И своими руками
(Смерив канатом и вырыв канавы)
Землю твою разобью на участки
И разделю их между земляками.
Старцы, на площади в час рассвета
Вы соберитесь! Я с вами вместе
Княжеские отберу поместья.
А чтоб Мусост без земли не остался,
Вдовий участок дадим ему, старцы.—
Так речь закончил Сурхо, сын Ады.
Вечером дома, от князя вернувшись,
В комнате, где принимают гостей,
Юный Сурхо постелил постель
И до рассвета уснул спокойно.
Утром, когда встают правоверные,
Утром погожим Сурхо пробудился.
Солнце всходило, и день был прекрасен.
Лошадь Сурхо, как невесту, украсил,
Сам, словно девушка, принарядился.
В путь собрался он. И свора борзых
Вкруг него прыгала, лая и воя.
Стая орлов, ему верных, ручных
С криком вилась над его головою.
Сдерживая свою лошадь горячую,
Грозным оружием весь обвешенный,

Волка храбрее, медведя грознее,
Едет Сурхо дорогой своею.
Мчатся борзые его, визжа,
В небе ручные орлы кружат.
Скоро приехал Сурхо, сын Ады,
К площади той, где встречу назначил он.
Дальше с аульскими старцами вместе
Ехал Сурхо наш до княжьих поместий.
Здесь на участки поместье Мусоста
Он разделял, обмеряя канатом,
Вместо границ вырывая канавы.
Кончил он дело свое до заката.
Земли, принадлежавшие князю,
Распределил он между земляками.
– Время в аул возвращаться вам, старцы.
Я же один здесь желаю остаться.
Грусть обуяла меня отчего-то.
Грусть я хочу поразвеять охотой.—
К дому, к аулу направились старцы.
Он же в поместьи Мусоста остался
И занялся молодецкой охотой.
Зверя бегущего ловят борзые.
Птицу летящую пуля сбивает.
Раненых птиц когтями хватают
И добивают орлы ручные.
Так развлекался охотой сын Ады.
После, когда надоело охотиться,
Наземь он спрыгнул, коня расседлал,
Вместо подушки седло свое взял,
Лег и укрылся он буркой черною,
Лег он, сжимая оружье грозное.
И на земле, у Мусоста отнятой,
Крепко Сурхо молодой задремал.
Но неспокойно Сурхо наш спал.
Видел во сне он невесту-красавицу,
Ту, о которой он годы мечтал.
Видел он, будто невеста-девица,
Та, на которой хотел он жениться,
Братом Мусоста похищена из дому
И за Мусоста выходит замуж.
Полон тревоги, Сурхо пробудился.
Потом горячим во сне он покрылся.
— Плохо мне спится в поместьи Мусоста.
Скоро ли смерть постучится к Мусосту? —
Так сам себе он спросонья сказал.
После прилег и опять задремал.
Но, задремавши, увидел он
Тот же тяжелый, тревожащий сон.

Видел он, будто невеста-девица,
Та, на которой хотел он жениться,
Та, о которой мечтал он издавна,
Братом Мусоста похищена из дому
И за Мусоста выходит замуж.
Видел он, будто бы мать Мусоста
Ныне на шумном пиру веселится.
Мать же Сурхо в печали томится,
Плачет, узнавши о свадьбе Мусоста.
Будто раненый зверь, Сурхо встрепенулся.
Быстро вскочил и к коню он рванулся.
Быстро коня своего оседлал,
Сел на коня и домой поскакал.
– Небо и звезды, ответьте вы мне:
Сбудется ль то, что я видел во сне? —
Тонкою плетью коня он стегал.
Конь все быстрей и быстрее скакал.
Скоро домчал его конь лихой.
Скоро примчался храбрый Сурхо
К дому родимой матери Ады.
Мать со слезами встречает его.
— Мать дорогая, ответь мне сейчас,—
Горе какое свалилось на нас?
Плачешь ты так, как над мертвыми плачут.
Что твои слезы горячие значат?
— Сын мой родимый, пришло к нам несчастье.
Сердце мое разрывают на части
Вести о том, что красавица-девушка,
Та, кого я полюбила издавна,
Братом Мусоста похищена из дому
И за Мусоста выходит замуж.
В час, когда мать Мусоста ликует,
Мать твоя плачет, томится, горюет.
Плакать заставь ты Мусостову мать,
Сын мой. Иль век нам покоя не знать.
Сын мой, заставь обливаться слезами
Женщину ту, что смеется над нами! —
Выслушав вести печальные эти,
Храбрый Сурхо, повернув коня,
К дому Мусоста помчался, как ветер.
К дому Мусоста Сурхо прискакал.
Спрыгнул на землю, коня привязал.
Шашки эфес сжимая рукою,
Быстро вошел он в покои Мусоста.
Там за столами княгини сидели,
Там за столами князья сидели,
Все веселились, и пили, и ели.
И, словно солнце, что тучкой прикрылось,

Скрытая под занавескою белой,
Здесь же в почетном углу сидела
Та, по ком сердце героя томилось.
— Салам алейкум,— сказал Сурхо
Тем, кто на свадьбе врага пировали.
Встав со скамеек при виде Сурхо,
Алейкум салам,— князья отвечали.
— Если к нам в гости, Сурхо, ты пришел,
Сядь на почетное место за стол.
Жирного мяса есть вдоволь тут.
Водки прекрасной тебе подадут.
Если скучаешь и хочешь развлечься,
Наши княжны тебя развлекут.
— Все ваши яства противны мне,
Мне ваша водка противней вдвойне,
Ваших княжен не надо мне,—
Так отвечал им Сурхо, сын Ады.
Старший князь подошел к Сурхо
С чашею, полной вина дорогого:
— Кубок почетный тебе подаю,
Выпей и дай мне заранее слово —
Выполнить первую просьбу мою.—
И отвечает Сурхо: — Я не знаю,
В чем заключается просьба твоя.
Может быть, просьба твоя такая,
Что не смогу ее выполнить я.
— Просим тебя — не смущай невесты,
Не для чего заговаривать с ней.
Любит красавица князя Мусоста,
Замуж идет по охоте своей.
— Выполнить просьбы твоей не могу я
Должен невесту мою дорогую
Сам расспросить я. Пусть даст мне ответ,
Любит Мусоста она или нет.
Если пришла добровольно она,
Свадьбе я больше мешать не буду.
Если же силою принуждена,
То без нее не уйду я отсюда.—
Путь заслонил ему брат Мусоста.
— Пропадом, подлый Сурхо, пропади!
Труса, тебя мы не пустим к невесте.
Лучше — покуда ты цел — уходи.
Станет женою Мусоста красавица.
В доме Мусоста невеста останется.—
Брату Мусоста ответил Сурхо:
— Здесь не придется остаться невесте.
Ты же останешься здесь на месте,
Ибо погибнешь ты смертью плохой.—

Из пистолета османского выстрелив,
В сердце он брату Мусоста попал.
Насмерть ужаленный пулей быстрою,
Тот бездыханным на месте упал.
Дулом второй пистолет направил
Храбрый Сурхо на князей других.
Взглядом грозящим молчать их заставил,
Ужас навел на врагов своих.
Все без движенья застыли на месте,
Страх им и ноги и руки сковал.
Храбрый Сурхо подошел к невесте,
Вот что Сурхо невесте сказал:
— Что мне ответишь, красавица-девушка?
Скажешь, что любишь ты князя,— тогда
Я распрощаюсь с тобой навсегда.
Если же скажешь, что князя не любишь ты,—
В дом свой тебя, как жену дорогую,
Из дому князя сейчас уведу я.—
Девушка шепчет:
— Сурхо, сын Ады,
Здесь у Мусоста мы, в доме чужом,
Здесь ни о чем говорить не надо.
Мы побеседуем в доме твоем.—
Девушка нежно к Сурхо прикасается:
— Выйдем отсюда.— И вместе во двор
Вышли, обнявшись, Сурхо и красавица,
Сели на лошадь, помчались в опор.
Едет Сурхо со двора Мусоста.
Там веселившихся княжеских жен —
Плакать от горя заставил он.
Там он, Мусостова брата убив,
Плакать заставил князей молодых.
Горькие вести дошли до Мусоста:
Земли Мусоста Сурхо поделил,
Брата убил и невесту отбил.
Вести такие дошли до Мусоста.
С шашкою острой, с ружьем, стремглав,
Лошади в спешке не оседлав,
Мчится Мусост за Сурхо в погоню.
Слышит погоню Сурхо, сын Ады.
Спрыгнул Сурхо с гнедого коня,
Видя, что к схватке готовиться надо.
Спрыгнул и князь Мусост с коня.
Крикнул он громко:— Сурхо, сын Ады!
Что же ты медлишь? Стреляй в меня.
— Где мне стрелять — я стрелок плохой.
Трусом ты, князь, называл Сурхо,—
Первым стрелять предлагаю тебе я.

Трус я, а земли твои разделил,
Брата убил и невесту отбил.
Трус я — стреляй же, Мусост, поскорее.—
Вскинул Мусост ружье кремневое,
Выстрелил в сына Ады, Сурхо.
Чуть покачнулся Сурхо после выстрела,
Словно под ветром камыш сухой.
Вскинул Сурхо ружье кремневое,
Выстрелил, в сердце Мусосту попал.
Пулею меткою насмерть ужаленный,
Наземь Мусост бездыханным упал.
К телу Мусоста Сурхо подбежал.
Может быть, жизнь еще в теле тлела
В миг, когда голову князя от тела
Острою шашкой Сурхо отсекал.
Руки Мусоста отсек он (не ими ли
Девушку князь собирался ласкать?)
И, возвратившись к невесте с трофеями,
Вспрыгнул Сурхо на коня опять.
В гору въезжая, с конем он играет,
Книзу спускаясь — невесту ласкает.
Скоро приехал Сурхо с невестой
К дому, где жил он, где Ада ждала.
Ада Сурхо во дворе встречает.
— Сын мой Сурхо, если в доме Мусоста
Мать его стонет и горько рыдает,—
Благословляю тебя тогда я.
Если же не плакала мать его,
Благословения нет моего.—
Так говорит ему мать родная.
Сын отвечает: — Законы адата[2],
Что соблюдал я и строго и свято,
Ты меня нынче нарушить заставила,—
Сам привожу я красавицу-девушку,
Ту, что в невестки тебе предназначена.
Князь наш, тебе доставлявший мучения,
Плакать тебя не заставит опять.
Вот голова его. Для развлечения
Этот трофей я привез тебе, мать.
Вот его жадные руки, которыми
Девушку он собирался ласкать.—
Кончил на этом рассказ Сурхо,
С лошади снял он невесту легко.
Вести услышав, от радости мать
Тут же в ограде пустилась плясать,
Сына Сурхо, удальца, восхваляя.
— Мальчики все, что родятся ныне,
Схожими быть с моим сыном должны.

Если ж не схожими будут, иными,—
Жить оставаться они не должны! —
С крепкой любовью, с мечтами красивыми
Зажили дружно Сурхо и красавица.
Песнь о герое на этом кончается.

ТРИ ПОБЕДЫ ШИХМУРЗЫ

Росчерк лишь вывел он ручкою синею,
Весть с письмоносцами в даль посылая,
В Тарково молодцев лучших сзывая,
Важно они лишь уселись с княгинями,
Шамхал из Таркова [3] дал повеленье,
Чтобы посланцы с невестой единого
Сына явилися без промедленья.
К свадьбе готовится сын его.
Только средь путников дальнего края
Нет Шихмурзы. Шамхал ждет, дожидается,
А Шихмурза, как жених, одевается.
Вот, как невесту, коня наряжая,
Выехал в Тарково краше дня яркого.
— Ассалам алейкум, Шамхал из Таркова!
Если все — истина, ваша невеста
Вечно да здравствует! Честь ей и место!
— Алейкум ва салам! С края далекого,
О, Шихмурза, Зайты сын, долго здравствуй!
Бравый! С коня соскочи крутобокого...
Ждут тебя добрые вина и яства.
Есть и княгини тут — лишь не скучай ты.—
Шамхал приветствовал так сына Зайты.
Слез Шихмурза с иноходца буланого.
Свадьбу справляли там гости три ночи,
А на четвертый день, горлицы кротче,
Мир лишь видавшая в окна стеклянные,
В сакле дотоле ступавшая наземь,
Вышла дочь Шамхала, чудная Заза.
Шелком в разводах себя нарядившая,
Серебром-золотом стан свой обвившая,
В окна стеклянные мир лишь видавшая,
Наземь лишь в сакле дотоле ступавшая,
Вышла к гостям после пирного гула

65—1—204

Заза, дочь Шамхала, жемчуг аула.
Чашу наполнивши брагою пенною,
Дочь свою к молодцам Шамхал направил.
— Здравствовать долго вам, гости почтенные!..
Но не нарушьте вы тарковских правил...
Чашу мне передал Шамхал из Таркова.
Кто из вас лучший — да выпьет он брагу.
Выпив, на скачках он, к склону дня жаркого,
Пусть на коне своем явит отвагу.
Если прискачет он первым — в награду
Стану я суженой, молодцу даденной.
А не прискачет он — рад иль не рад он —
Будет болтаться он под перекладиной.
Молодцы дрогнули, сжавшись от страха.
Плетью коня вдруг ударив с размаху,
Шихмурза выступил, весь полный удали:
— Ведать не ведаю, первым прибуду ли,
Буду ли лучшим; за здравие ваше
Пью я искристую пенную чашу,
Молодцы добрые, Заза прекрасная! —
Шамхал наполнил ей чашу вторую.
Заза взяла эту чашу хмельную,
Вышла как звездочка на небе ясная:
— Кубок второй выпьет молодец лучший,
Повелевает так Шамхал могучий.
А осушив его — медленно ль, быстро ли —
Только без промаху, молодец, выстрели.
Метко не выстрелив, знай, неутешенный,
Будешь качаться ты, нынче повешенный.—
Молодцы дрогнули, сжавшись от страха.
Плетью коня вдруг ударив с размаху,
Шихмурза выступил, весь полный удали:
— Буду ль на стрельбищах метким, не буду ли,
Добрый стрелок я иль нет, а за ваше
Здравие выпью я пенную чашу,
Молодцы добрые, Заза-жемчужина! —
К Шамхалу с воплями бросилась Заза:
— Участь такая ли мною заслужена?
Лучше родиться бы мне кривоглазой!
Смуглый чеченец ли будет мой суженый?
Мне ли к лицу убирать ему сакли?—
— Стой, мои чаянья, дочь, не иссякли!..—
Чашу наполнив, так молвил он дочери.
Дочь с третьей чашею вышла: — Чья очередь?
Молодцы добрые! С третьею чашей
Шамхал послал меня... С доблестью вашей
Не оттолкнете вы чашу последнюю.
Кто не решается, пусть отойдет он,

Чашу последнюю пусть и не пьет он.
Выпьет лишь доблестный чашу последнюю,
Так говорит гордый Шамхал.
Выпьет же молодец чашу, что пенится,
С клятвой святой, что жена — не изменница,
Так говорит гордый Шамхал.
Если жена его — верная женщина,
С молодцем буду сегодня обвенчана,
Так говорит гордый Шамхал.
Если ж — изменница,— истинно, гости! —
Голову сложит он здесь, на помосте...
Так говорит гордый Шамхал.
Пусть умирает он смертью бесславной!
— Славно! Изменница иль не изменница,
Молодцы добрые! Чашей заздравной
Здесь поднимаю я чашу, что пенится!..
Заза! Что думаю, то я и сделаю...
— Будьте же счастливы, молодцы смелые! —
Заза ответила, в саклю вбегая.
Глубже надвинув папаху мохнатую,
Остро отточенной саблей бряцая,
Словно за милую дочь свою ратуя,
К молодцам выскочил Шамхал суровый.
Кони их купаны, кони подкованы,
Кони к ристалищу натренированы,
Статные молодцы к скачкам готовы.
Вот оседлал коня и, не горюя,
Сел Шихмурза, ему молвив отечески:
— Хоть не беседуешь по-человечески,
Но понимаешь ты, что говорю я:
Конь чистокровный мой, ты не на привязи,
В скачках хозяина нынче ты вывези! —
Солнце взошло только на кругозоре,
Рысью поехали всадники в горы.
Скоро, построившись, всадники черные
К цели намеченной с гор устремились.
Долго в трубу свою глядя подзорную,
Шамхал из Таркова видит: пустились
Кони и тотчас же облаком пыли
Горы высокие густо покрыли.
Издали чудится: вот они около,
Только буланого не догоняют;
А Шихмурза его, трепля, ласкает:
— Поводья выпущу, легче ты сокола,
В бок стремя врежу и прянешь ты сразу.
Видно, мне выиграть хочешь ты Зазу...—
Остановились уж у палисадника.
Шамхал, растерянный, выбежал к всадникам.

— Вижу, добился ты, Шихмурза, цели! —
После приветствия, на расстоянии,
Так что заметил бы глаз еле-еле,
Шамхал и всадники—все в изумленьи,
Саблю заветную ставит мишенью.
Шихмурза целится. Быстро ль, не быстро ли,
Только не дрогнул он, метко он выстрелил.
Шамхал и всадники — все в изумленьи;
В самое лезвие пуля попала.
Шамхал не так уже горд, как бывало:
— Эй, Шихмурза! Этих молодцев нынче ты
Всех победил, видно — неполовинчатый! —
Шамхал из Таркова дал повеленье,
Чтобы пришли к нему без промедленья
Лучшие уздени. Лучшей одеждою
Двух наряжает он узденей верных.
Дал двух коней им и смотрит с надеждою:
— Жду от вас, уздени, дел беспримерных.
Если жену Шихмурзы соблазните вы,
Вам офицерские дам я погоны,
Каждый княгиню возьмет себе в жены.
Ныне же преданность мне докажите вы,
Не миновать тогда Шихмурзе казни.
Если ж с женой его не погуляете —
Оба вы жизнь свою в миг потеряете.
Утром, одевшися благообразней,
Серебром-золотом ей вскружив голову,
С ней погуляйте, и с пира веселого
Если с уликами явитесь оба,
Буду товарищем вам я до гроба!
А без улик вы вернетесь — быть гибели! —
Под вечер в дом Шихмурзы оба прибыли.
— Дома ль ты, Шихмурза? Здесь ты, сын Зайты?
Если ты дома, то дверь открывай ты! —
Шелком коричневым стан свой обвившая,
Голову шелковой шалью покрывшая,
Думая: „Поздно уж, кто б это, кто там?“
В миг Шихмурзы жена вышла к воротам.
— Путники добрые, мужи почтенные!
Муж мой на свадебный пир отлучился,
В Таркове Шамхала сын обручился.
Все же поверьте мне вы сокровенные
Помыслы, ваше я выполню дело.
Сделаю, выполню все я умело.
Гости, с коней своих быстро сходите! —
Тотчас же кони их в стойло отправлены.
Бравые всадники входят в обитель.
Яства и чудные вина поставлены.

Лик рукавом она скрыла стыдливо,
Очи потупила: гости ей в диво.
Вдоволь наевшися, гости взволнованы.
Старший храбрится и молвит без страха:
– О, Шихмурзы жена! Я ль, очарованный,
Не навлеку на себя гнев Аллаха?
Плаха уж лучше – молчать не могу я.
Сколько есть золота с нами, красавица,
Все бы мы отдали той, кто понравится...
Может быть, девушку знаешь такую?..
– В саклю как только вы оба направились,
Тотчас же, статные, мне вы понравились,
Но опасалась, что муж мой нагрянет.
Ночью же ездить он, право, не станет.
Если не нравлюсь вам, дело понятное,–
Будут вам девушки, путники статные!
Нравлюсь – за них послужить я готова! –
Золото принято ею без слова.
Приготовления сделав последние,
Горсточку золота взявши с собою,
Спрятавши бережно все остальное
Кинулась к вдовушке в саклю соседнюю:
– Здравствуй, родимая! Здравствуй, соседка!
– Ты, Шихмурзиха? Заходишь ты редко...
Чем бы помочь тебе нынче могла я?
– Два ко мне всадника вечером прибыли,
Золота дали, да толку что в прибыли!
Ты ж, одинокая, ты же, родная,
Кормишь сироточек... Вот тебе золото...
Может быть, грех тебе будет не в бремя!
Платье надев мое, выглядя молодо,
С ними ты вечером проведи время!..–
Щеки намазав ей алою краскою,
Вдовушку в платье свое нарядила,
К ним за себя ее на ночь впустила.
Гости, довольные жаркою лаской,
Утром готовятся в путь: – Шихмурзы жена!
Трижды Аллахом будь благословенна!
Время покинуть нам мирную хижину,
К Шамхалу выехать надо мгновенно!..
– Лучше б вы, путники, не уезжали,
Жаль! Вместе б ночь еще мы скоротали!.. –
Только два узденя саклю оставили,
Вновь с Шихмурзихою встретясь, вздохнула
Вдовушка: – Пир этот славно мы справили!..
Нет таких девушек в саклях аула –
Столь бесподобного телосложения,
Как эти путники! Веришь ли, мною

Обвороженные, в самозабвении
Косы остригли мне, взяв их с собою...–
Злое почуяла тут Шихмурзы жена
И, помолившись от сердца Аллаху,
Бурку набросив на плечи, папаху
На лоб надвинула; словно острижена,
Волосы скомкав, взяла Шихмурзы жена
Борзого, и, точно хищная птица,
Что на утес одинокий садится,
Так на коня она быстро вскочила.
Как небеса оставляет светило,
Так Шихмурзы жена в даль укатила.
Скачет без устали конь разгоряченный.
Ездила всадница, ногу вдев в стремя.
А впереди нее долгое время
Уздени хвастали полной удачею,
Младший и старший. Они гарцовали,
В Тарково весело путь продолжали.
Борзого горячит пуще красавица,
Вот уже молвит им слово приветствия:
– Ассалам алейкум! Аллах да славится!
Всадники! Дома с барантой был в детстве я
И у отца ведал худшую долю.
Время приспело, и дал он мне волю...
Люди, на свадьбу поехал бы ныне я!..
– Знаем мы, малый! Есть свадьба такая.
Весть с письмоносцами в даль посылая,
В Тарково молодцев лучших сзывая,
Важно уселись они лишь с княгинями,
Шамхал из Таркова дал повеленье.
Тотчас с невестою без промедленья
Прибыли слуги, и свадьба там сыграна
Сына любимого. Свадьбы нет краше!
А на четвертый день тешились играми.
Вызвался Шихмурза из страны вашей;
Споря с хозяином, выпил три чаши.
Первым на скачках пришел он и выиграл.
Метко он выстрелил – снова он выиграл,
Но проиграл третью чашу чеченец.
Клялся он всем, что жена ему предана:
Ласка ж ее нами ночью изведана,
Косы остригли мы, как у изменниц!..
Шихмурза клялся своей головою,
Только напрасно он честью тщеславится:
Выдала храброго ночью лукавица.
Первым был конь его; с чашей второю
Метко он выстрелил; зря только, знай ты,
Чашу последнюю выпил сын Зайты:

Слишком уверен он, самонадеянный,
В верности женщины, нами осмеянной...
Быть рогоносцем — какая досада!
— Рад я беде его! Был он нам мукою.
Я вспоминаю: из нашего стада
Коз уводил он... Теперь погляжу-ка я,
Как он умрет. Чашу не пил бы третью! —
Сильно ударив саврасого плетью,
Узденям молвила так Шихмурзы жена.
Прибыли в Тарково.— Шамхал великий!
Вот две косы тебе, это улики —
Косы жены Шихмурзы, нами стриженной! —
Шамхал допрашивал пленника гордо.
То — Шихмурза, по ногам уже связанный.
— Ну, Шихмурза! Ну, поганая морда!
К смерти готовься, жестоко наказанный!
Мнил я, когда все тебя величали,
Храбрый — ты, вот почему величали;
Люди ж тебя потому величали,
Что рогоносец ты... Ха-ха-ха! Здорово!
Зря третью чашу ты выпил... Хоть с норовом
Конь твой, жена-то твоя — потаскуха...
Что ж, помолясь, соберись-ка ты с духом!
Голову сложишь ты здесь, на помосте...
— Шамхал надменный! От сердца я чистого
Слово скажу тебе... Слушайте, гости!..—
Так над саврасым взмахнувши неистово
Плетью, жена Шихмурзы подскочила.
— Ах, ты, гяур! Ах, ты, глупое рыло!
Не за чеченца ли ты заступаешься?..
— Нет, Шамхал Тарковский, ты ошибаешься.
Я за него заступаться не буду;
Только скажу тебе: было бы чудо,
Если бы косы, тебе привезенные,
Были жены его... Чванятся эдак,
Косы срезая у вдов и соседок,
Мнимой победою лишь упоенные!..—
Молвила, быстро папаху снимая.
Как облепляет гумно птичья стая,
Так распустилися косы волнистые
Прямо до пояса.— Слушай, владыка
Таркова высокомерный! Взгляни-ка:
Разве могли твои жалкие молодцы
Срезать волнистые, чудные волосы?..—
Снова на всех она смело взглянула,
С плеч бурку сбросила, став средь аула,
И оглушила их речью пристойною:
— Что же, гляди, Шамхал гордый и злобный!

Стан мой сравнится с чинарою стройною!
Плечи сияют красой бесподобной!
Думать осмелишься ль, глядя на плечи,
Что целовали их грязные тарковцы?..
Мнила я, слушая славные речи,
Слушая имя твое „Шамхал Тарковский“,
Что ты из дома Корейшитов-Тарковский[1],
А оказалось, что ты — мерзкий Тарковский!
Что ж, запрягай ты карету рессорную
И посади в нее нежную Зазу —
Заза прислугою будет мне черною!..—
Села в карету дочь Шамхала сразу,
А Шихмурзы жена рядышком села.
— Дело! Езжайте! Пусть Тарковский кается!
Я ж — на коне... Едем в наши пределы.—
И Шихмурза с ними, доблестный, смелый,
В путь, на буланом гарцуя, пускается.

НЕКИЙ СЫН И СОЛСА

Говорят — калмыцких степей властитель
Появился в ауле гордых сынов.
И такую речь он держал пред ними:
— Внимайте, о, дети страны Нахчо!
Три коня мне нужны, три коня чистокровных,
Одинаковой масти, с одним тавром.
Тому, кто доставит коней быстроногих,
В жены тотчас отдам я красавицу дочь! —
Удалился калмыцких степей властитель.
Загудели в ауле гордых сынов,
В путь собрались джигиты, и каждый думал:
„Одинаковых я отыщу скакунов!“
И один из отважных сынов аула —
Некий юноша бедный — в тоске ушел.
„То, что детям больших богачей доступно,
Не под силу мне — сироте, бедняку.
Им тяжелый путь покажется легким,
Ну, а я от желанной цели далек.
Так устроено в мире — пути открыты
Тем, чей золотом туго набит кошелек!“
И взял он звонкий пондар и нежно
Коснулся пальцами нежных струн.
Наливался печалью высокий голос,
И дрожала песня в ночной тиши.
До рассвета он с грустью не расставался...
А когда сверкнула полоска зари,
Очнулся юноша, встрепенулся,
Словно раненый зверь, метнулся вдруг.
Он коня увел из чужой конюшни,
Из чужой конюшни ушел с конем.
На рассвете он снарядил гнедого,
Кабардинским его оседлал седлом.
Гарцовал гнедой под всадником статным.

За синий Терек лежал их путь.
— Салам алейкум, на тебе, мой Терек,
Аллах наведет мосты для меня! —
Так сказал он. И Терек переплывает,
И на берег выносит его гнедой.
И без отдыха скачет юноша статный,
В кабардинские земли вступает он.
А на землю сумерки тихо пали,
Когда он приехал в большой аул.
На площади жители были в сборе,
И всадника встретил нестройный гул.
— Салам алейкум, сыновья аула!
Да будет вечер приветлив, тих!
Вы мне укажите доброго друга,
Знакомых нет у меня в Кабарде! —
И, от толпы отделясь, выходит
Проворный малый и речь ведет:
— Алейкум салам, о гость приезжий,
Да будет радостен твой приезд!
Готовы помочь мы делам пришельца.
Если же наших не хватит услуг,
Наш славный Солса тебе поможет,
За мною следуй, любезный друг! —
Рассыпался звездами синий вечер.
И юноша к Солсе въехал во двор.
— Салам алейкум, знаменитый Солса!
Да будет вечер тих над тобой!
— Алейкум салам, молодой наездник,
Великий Аллах да продлит дни твои!
Оставь стремена, отпусти гнедого
И гостем желанным входи ко мне.—
Так говорил знаменитый Солса,
Но юноша молвил ему в ответ:
— Найди мне трех коней одноцветных,
Тогда я сойду с коня своего! —
А славный Солса ему отвечает:
— Зойбуллу — невесту мне привезли.
Ну, как я могу оставить невесту,
Ну, как от любимой мне быть вдали?
— Какая важность — твоя Зойбулла!
Я не сойду с коня своего.
Калмыцкий властитель мне обещает
В жены отдать красавицу-дочь!
Придется коня повернуть обратно...—
И снова Солса заговорил:
— Имя мое в горах известно,
А ты роняешь его небрежно,
Как утреннюю росу в траву.

Оставь стремена, отпусти гнедого! —
Сказал и в саклю гостя повел.
Собрался в путь знаменитый Солса,
Махнул рукою — и был таков...
И в эту ночь подошла Зойбулла
К постели гостя, чтоб с ним делить
Ночное ложе. К плечу Зойбуллы
Нечаянно прикоснулся гость...
Неверную он отстранил невесту,
А пальцы, коснувшиеся плеча,
Отрезал он ханипийским кинжалом,
И кровь на постель текла горяча.
Когда из-за гор подымалось солнце,
Приехал могучий Солса домой.
Он трех коней привел одноцветных,
Трех легких коней с одним тавром.
И встал он у ложа юного гостя,
Слегка потрогал его, разбудил.
— Я выполнил просьбу твою, пришелец,
Возьми быстроногих своих коней! —
Приветливо с гостем расстался Солса:
— Да будет дорога твоя в цветах! —
Вернулся в саклю могучий Солса
И видит Зойбуллу свою в слезах.
— Как слезы твои мне понять, невеста?
Быть может, мной тяготишься ты?
Что ж, если выбор мой неудачен,
В отцовскую саклю вернешься ты! —
И отвечает ему Зойбулла:
— Нет, не тобой тяготилась я.
Выслушай, Солса, меня спокойно,
Только не гневайся на меня!
Спал на твоей постели пришелец,
Я же за Солсу его приняла.
После полуночи к ложу гостя
Слишком близко я подошла.
Но отстранил меня гость рукою
И отшатнулся в страхе назад.
Пальцы свои он кинжалом срезал —
В стеклянном блюдце они лежат.—
Солса молчал. Только брови сдвинув,
Стал запрягать он своих гнедых.
Новая упряжь светло сияла.
Стал он грузить первосортный шелк.
И посадил он с собой Зойбуллу
И поскакал он в страну Нахчо.
Встретил его с почетом и лаской
Некий сын из страны Нахчо.

Три дня, три ночи они пировали,
Три дня наполнялись кубки вином.
И другу сказал знаменитый Солса,
Гостеприимный покинув дом:
— Вот тебе упряжь, гнедые кони,
Вот для жены первосортный шелк.
Мирно живи со своей Зойбуллой.—
...И топот его скакуна замолк.
Мы кровную дружбу навек прославим!
За кровную дружбу, приятель, пей!
Пусть братский союз прославляют жены,
Отважных рожая нам сыновей!

ПЕСНЯ О ДЖАММИРЗЕ, СЫНЕ МАДИ

Кони бьются в упряжи, не сдержать коней,
Из Ростова двинулись генералы в путь,
Генералы молоды, всех Ортум[5] знатней,
Генералы шалинским полем держат путь.
Все шатрами выбелив, точно выпал снег,
Генералы весело коротают день.
Где скакали шалинцы, на полях Шали,
Спирт мешая с водкою; на полях Шали
Генералы весело коротают день.
Со словами хитрыми генерал встает:
— Ассалам алейкум,— он речь свою ведет,—
Хлеб молол меж пальцами, пни рукою гнул
Князь Алхан[6], чтоб выстроить наш чечен-аул,
Джаммирзой воинственным знаменит аул,
Альбика, сестра его, славится красой.
Полно тебе без толку кушать царский хлеб,
Пленницей взять ее будь, Ортум, готов,
Белою невестою привести в Ростов.—
Кончил слово хитрое старший генерал,
А Ортум начальнику вот что отвечал:

* * *

— Сколько мне захочется, белых царских войск
На подмогу выведи, старший генерал;
А без них мне Альбику пленницей не взять,
Белою невестою к вам не отослать.—
Выслушав, ответствовал старший генерал:
— Сколько вам захочется, белых царских войск
Приведу...— и выехал в Петербург к царю.
Мерно войско движется за кривой зурной[7],
С барабанным грохотом движется вперед,
С войском возвращается старый генерал,

Полчища несметные ведет он за собой.
По дороге движется стадо поросят,
Как свинья огромная — впереди он сам.
Быстро подвигается старший генерал,
С войском возвращается к шалинским полям:
— Ассалам алейкум,— он говорит,— Ортум,
Вот и войско царское, то, что ты просил,
Если и теперь тебе недостанет сил,
Чтобы в плен взять Альбику и в Ростов прислать,
Будешь опозоренным век свой доживать.—
Точно волны синие окружают мыс,
Точно птицы стаями кружат над гумном,
Точно заводь сонную обступил камыш —
Так тройными кольцами окружен аул.
Только полночь к отдыху темнотой влечет,
А уже для праведных утро настает;
С кувшином серебряным выйдя за водой
Рано утром из дому, Сулейман мулла
Впился взором пристальным в сумрак над рекой,
Слухом тонким старческим Сулейман мулла
Слушает, чем полнится шорох за рекой.
Точно в муравейнике муравьи кишат,
Так вокруг неверные, как шмели, гудят.
Но с молитвой набожной на сухих устах
В дом свой возвращается Сулейман мулла.
„Видно, наказанье нам ниспослал Аллах.
Если он не вступится за своих сынов,
То чеченским юношам не снести голов".
Так подумал горестно Сулейман мулла,
И в мечеть направился Сулейман мулла,
Только приготовился Сулейман мулла
Совершить, как надобно, утренний намаз,
Вдруг письмо подметное видит зоркий глаз.
Кем в мечеть подброшено белое письмо?
Взял рукой трепещущей Сулейман письмо,
Подпись генеральскую разобрал мулла,
Прочитал послание Сулейман мулла:
„Да не ведать горя вам, жители Чечни,
Вы должны заложницей Альбику отдать.
Коль не захотите вы Альбику отдать,
Будут ваши первенцы в ямах истлевать
И в неволе младшие скоротают дни.
Да не ведать горя вам, жители Чечни.
Коль не захотите нам Альбику отдать,
То мечеть старинная будет так пылать,
Что из окон вырвутся красные огни.
„Вот что здесь написано",— думает мулла
И молитвой на ноги поднял всех мулла.

Старцами почетными полнится мечеть,
Молодцами гордыми полнится мечеть;
Вот что всем собравшимся говорит мулла:
— Старики почетные, горя вам не знать,
Молодцы бесстрашные, горя вам не знать,
Точно в муравейнике муравьи кишат —
Так вокруг неверные, как шмели, гудят,
Просят им заложницей Альбику отдать.
Коль не захотите вы Альбику отдать,
Будут ваши первенцы в ямах истлевать,
И в неволе младшие скоротают дни.
Да не ведать горя нам, жители Чечни...
Коль не согласимся мы Альбику отдать,
То мечеть старинная будет так пылать,
Что из окон вырвутся красные огни.
Да не знают робости старики Чечни,
Да не знают робости юноши Чечни!
Лучше б нас мужчинами не рождала мать,
Если согласимся мы Альбику отдать...—
Точно псы, что прячутся в полдень от жары,
Старики почетные скрылись по домам;
Как щенки, что прячутся в полдень от жары,
Юноши бесстрашные скрылись по домам.
Под пустыми сводами голос потонул,
Никого на улице — опустел аул,
Только мальчик маленький посреди села,
Он один не спрятался из всего села.
И окликнул мальчика Сулейман мулла:
— Сбегай, мальчик, к Альбике, Альбике скажи,
Что в мечети ждет ее Сулейман мулла.—
Быстро мальчик маленький в этот день бежал,
К дому славной Альбики быстро прибежал,
Увидал он Альбику, Альбике сказал,
Что в мечети ждет ее Сулейман мулла...
— Добрый день да ждет тебя, Сулейман мулла,
Мне мальчишка сказывал, чтобы я пришла,
Но зачем ты звал меня, Сулейман мулла?
— Вот зачем я звал тебя, Альбика моя;
Точно в муравейнике муравьи кишат,
Так вокруг неверные, как шмели, гудят,
Просят им в заложницы Альбику отдать.
Коль не согласимся мы Альбику отдать,
Будут наши первенцы в ямах истлевать,
И в неволе младшие скоротают дни.
Коль не согласимся мы Альбику отдать,
То мечеть старинная будет так пылать,
Что из окон вырвутся красные огни.
Ты должна послушаться и пойти к врагам,

Надо старцев слушаться и птенцов жалеть,
Надо нашу старую сохранить мечеть.—
Все лицо у Альбики в горестных слезах:
— Да не слышит грешную речь твою Аллах,
Нет, я не послушаюсь, не пойду к врагам,
Нет, к врагам не выйду я, сердце не отдам,
Пусть хоть пламя синее обовьет аул,
Нет, к врагам не выйду я, сердца не отдам,
Пусть хоть волны синие хлынут на аул,
Так чтоб рыба к берегу выплыть не могла,
Ни за что не выйду я, не пойду к врагам,—
И тогда ответил ей Сулейман мулла,
Горестным, рыдающим голосом сказал:
— Да не знаешь горя ты, Альбика моя,
Пред Аллахом выступлю как свидетель я,
Клятву дам, что силою враг тебя забрал.—
И мулла и Альбика изошли в слезах.
— Пощажу я первенцев, пощажу детей,
Распрощаюсь с матерью милою моей.
В это утро страшное не было тебя,
Так прощай же, доблестный брат мой Джаммирза,
Может, не увидимся и за гробом мы...
В это утро страшное не было тебя,
Так прощай, двоюродный брат мой Бейбулат,
Может, не увидимся и за гробом мы.—
Кончив речь прощальную, Альбика пошла.
К генералам Альбику проводил мулла.
— Ассалам алейкум, мой генерал Ортум,
Вот к тебе заложницей Альбика пришла,—
Уведи ж войска свои,— говорит мулла.
— Кони бьются в упряжи, Альбика, садись.
— Нет, еще не сяду я,— Альбика в ответ.—
В наш аул ненадолго мне пойти позволь.—
Так сказала Альбика и пошла в аул.
К саклям гордых молодцев Альбика пошла;
Горько плача, Альбика говорила им:
— Берегла я честь свою, прячась под чадрой,
А теперь безбратною стала сиротой.
Да не ведать горя вам, молодцы Чечни,
Берегла я честь свою, прячась под чадрой.
Кто ж из вас заступится, кто же вступит в бой,
Я тому покорною сделаюсь женой!..—
Так, рыдая, Альбика говорила им.
Не осталось молодцев храбрых средь Чечни,
Ни один не выступил, не рванулся в бой.
Повернулась Альбика и пошла к врагам,—
Там в коляске бархатной ждал ее Ортум.
— Ни один не выступил, не рванулся в бой,

Нет в ауле храброго, чтоб метнулся в бой,—
Так сказал, прощаясь с ней, Сулейман мулла.
И сказал пристыженным молодцам мулла:
— Ни один не выступил, не рванулся в бой,
Нет средь вас бесстрашного, чтоб рванулся в бой,
И досталась пленницей Альбика врагам...—
Лишь стемнеет, по воду девушки идут,
Юноши аульские тут уже как тут.
Джигитуют весело, лишь не весел тот,
Кто не мог у недруга скакуна отбить.
Чтоб в селе у каждого был бы свой скакун,
Джаммирзою пригнан был вражеский табун:
— Выбирайте,— крикнул он,— вот вам весь табун,
Тут коней на каждого хватит у меня,
Выходи-ка, Альбика, поводи коня,
Для тебя армянские я привез шелка,
Ты ведь любишь, Альбика, пестрые шелка.—
Только вместо Альбики выбежала мать.
Видя слезы матери, молвил Джаммирза:
— Только бога гневаешь ты слезами, мать,
Отчего же плачешь ты, разве умер кто?
Что же будешь делать ты, если кто умрет,
Иль тогда от слез твоих рухнет небосвод?
Позови-ка Альбику, пусть возьмет коня...—
Но в ответ лишь горестней плачет мать, стеня:
— Как позвать мне Альбику, храбрый Джаммирза,
Гости понаехали из чужих краев,
Побежала Альбика угождать гостям.
— Нет, ни разу не было, чтоб к соседям в дом
Уходила Альбика развлекать гостей.
Правды не утаивай, все скажи мне, мать...—
Пуще еще слезы льет и горюет мать:
— Если правду выскажу, то тебя лишусь,
Буду боль утаивать — Альбики лишусь.
— Если правду выскажешь — жив останусь я,
Станешь боль утаивать — Альбике беда.
— Что же делать матери, Альбика моя?
Нет другого выхода, все скажу тогда;
Точно в муравейнике муравьев полно,
Так от войска царского было тут темно,
К нам они приехали Альбику забрать,
И никто не выступил, не рванулся в бой,
Не нашлося храброго, чтоб рванулся в бой,
Так удалось Альбику генералам взять.
— Что же горе тяжкое ты скрываешь, мать?
Верно, скошен пулею двоюродный брат.
Как иначе Альбику удалось им взять?
— Нет, не скошен пулею брат твой Бейбулат;

Скакунов у юношей нашего села
Молодцам мержоевским[8] удалось угнать,
И в погоню выехал брат твой Бейбулат.
— Да не ведать горя нам, что же делать, мать,
Разве слову царскому можно не внимать?!
Возвратится Альбика, если суждено.
Молодцов мержоевских навестить давно
Мне хотелось с саблею, вот настал и срок,—
Джаммирза ответил ей и погнал коня.
Вскоре след он высмотрел — след больших дорог,
И к Ростову плеткою он погнал коня...
На лету он быстрому говорит коню:
— С табуном на пастбище гнал ли я тебя?
Отдыха не ведая, мой скакун гнедой,
Сам холил, кормил тебя, мой скакун гнедой,
Для такого случая, мой скакун гнедой.
Вот и случай выдался, чтоб нести меня.
Так лети ж, уздечкою черною звеня...—
Так сказал и плеткою он стегнул коня,
И рванулся радостно конь под Джаммирзой.
Чуть поводья выпустит — конь летит вперед,
Чуть коня осадит он — конь не отстает,
Он к палаткам вражеским Джаммирзу примчал
В час, когда над лагерем прозвучал сигнал,
В час, когда усталому войску отдохнуть
Дал Ортум, чтоб наутро продолжать свой путь.
Под шатрами белыми сели отдохнуть
За день утомленные царские войска;
Джаммирза с высокого соскочил коня,
К дереву высокому привязал коня
И бесшумно двинулся к вражеским шатрам.
Чуть пригнув геройские плечи, он ползет,
По траве без шороха Джаммирза ползет,
Волчьим слухом слушает — ловит каждый звук.
— На беду умчался ты в этот страшный день,
Так прощай же, доблестный брат мой Джаммирза,
Может быть, не встретимся и за гробом мы.—
Голос славной Альбики слышит Джаммирза,
У него от горести сжалось сердце в ком,
Подобрался к главному он шатру ползком,
Полотно суровое полоснул ножом.
— Ассалам алейкум, мой генерал Ортум,
Шурин твой наведаться поспешил к тебе...—
Так с усмешкой грозною молвил Джаммирза,
Точно иней дерево под утро покрыл,
Так от слова грозного побелел Ортум.
И вскочила на ноги Альбика тогда.
— От него все горе нам, от него беда,

Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина

Так сними же голову хищнику, мой брат!—
Слова не окончила Альбика еще,
Как сверкнула тонкая шашка Джаммирзы,
И взмахнул он шашкою, чуть раздался свист.
Покатилась по полу голова врага.
За уши приподняла Альбика ее
И в фуражку бросила голову врага.
С Альбикой направился Джаммирза к коню,
На траве некошенной бурку разостлал,
А на бурку черную положил платок,
На платок он высыпал порох и свинец.
К бою так готовится храбрый Джаммирза.
И сорвала Альбика шерстяной платок,
На колени кинула Джаммирзе его:
— Да умри я в юности, удалой мой брат,
Лишь Аллах сумел бы тут перечесть врагов,
Тут вокруг неверные, как шмели, гудят;
Что же мне завидовать девушкам чужим,
Матери завидовать матерям другим,
Что их сын единственный, брат, вернулся к ним?
Нам и так завидовать будет весь аул,
Коль Ортума голову с честью привезем.
- Да не ведать горя нам, Альбика, с тобой,
Мне страшиться некого под седой луной,
За конем присматривай, мне же надо в бой,—
Так ответив, начал он вызывать врагов.
— Ружья не заряжены — зарядите их,
Притупились лезвия — наточите их,
С чернокрылым соколом начинайте бой.—
Дробью барабанною подняты войска,
Выстроены взводами медною трубой,
Так враги готовились к бою с Джаммирзой
Джаммирза увидел их и рванулся в бой:
Пулею случайною поражал двоих,
Пулею нацеленной трех он поражал,
Самых знатных первыми пулями настиг.
Как туман, окутал все дым пороховой,
Точно дождь предутренний, падает свинец,
И дымиться начало тело и тряпье,
Но с врагом сражается храбрый Джаммирза,
И устала Альбика скакуна держать,
Но с врагом сражается храбрый Джаммирза.
В час, когда для отдыха весь аул притих,
Подвязав веревкою потроха коня
И стянувши поясом раненый живот,
Возвращался медленно Бейбулат домой.
С плачем его встретила верная жена,
Осторожно подняла, раны не задев,

И сняла с коня его, раны не задев,
Как с такими ранами уложить в постель,
Чтоб не жгла несчастного мягкая постель,
И не знает бедная, как ему стелить.
В час, когда для отдыха весь аул притих,
Стали в саклю дальние звуки долетать...
— Эй, жена, послушай-ка, показалось мне,
Что я слышу выстрелы брата Джаммирзы,—
Так едва очнувшийся Бейбулат сказал.
Быстро все разведала верная жена:
— Да не знаешь горя ты, храбрый Бейбулат,
То врагов, что Альбику увели в Ростов,
Джаммирза, Мадиев сын, наконец настиг.
Он один сражается с полчищем врагов,
Если ты останешься в стороне, как трус,
Будет опозорено имя Бейбулат.
Если марлей легкие раны затяну,
Башлыком тяжелые раны я стяну
И ружьем присохшие раны придавлю,
И коня любимого выведу тебе,
То тогда не сможешь ли, мой желанный муж,
На подмогу выехать к брату Джаммирзе? —
Бейбулат внимательно выслушал жену
И тотчас ответное слово обронил:
— Видно, пьявки высосать кровь мою хотят,
Неужели мало им отдал я уже?
Ты возьми-ка русскую медную трубу,
Погляди, что делает брат мой Джаммирза.—
Слыша слово мудрое, верная жена
Глянула в подзорную русскую трубу.
— Да умру я нынче же, муж мой Бейбулат,
Уж дымиться начало тело и тряпье,
Но с врагом сражается храбрый Джаммирза,
И устала Альбика скакуна держать.
Но с врагом сражается храбрый Джаммирза.—
Тонкой марлей легкие раны затянув,
Башлыками тяжкие раны затянув
И ружьем присохшие раны придавив,
Скакуна любимого вывела жена.
Так, готовясь к тяжкому бою, Бейбулат
На прощанье вымолвил: — Верная жена,
Нашей жизни горестной — наш последний день,
В райских кущах сладостный, первый тихий день
Может неожиданно нас в бою застичь.
Если в битве с недругом буду я убит,
Конь мой верный, сокол мой, прилетит к тебе.
Есть обычай давнишний, чтимый всей Чечней,—
Вдовам запрещается замуж выходить.

Лучше ты за молодца замуж выходи,
Чем ходить по улице, чтобы весь аул
Улыбался вслед тебе, тешась над вдовой;
Но не смей трусливому руку отдавать.—
Так промолвив, плеткою он стегнул коня.
Не сводя с дороги глаз, плача и стеня,
Провожала храброго верная жена.
Но едва он скрылся с глаз, как тотчас она
Нарядилась павою и пошла гулять...
— Ассалам алейкум, мой храбрый Джаммирза.
— Здравствуй, двоюродный брат! Кто призвал тебя?
Против войска царского сам я устою...
— Джаммирза, мой храбрый брат, так не говорят,
За подмогу слабую не взыщи мою,
Ведь чеченцы издавна ищут смерть в бою...—
И опять с неверными закипает бой.
Много войска царского в трупы превратив,
Много генеральского отобрав добра,
Повернули храбрые в свой родной аул,
Вместе с милой Альбикой прибыли туда.
— Отвези-ка Альбику в дом наш, Бейбулат,
У меня тут важные есть еще дела,—
Джаммирза сказал ему, и на край села
Он пошел и юношей начал выкликать.
И собрались юноши со всего села,
И такое слово им Джаммирза сказал:
— Вы умрете бабами, жалкие трусы,
Тем, кто был без лошади, я дарил коня,
Мало ль вас одаривал, жалкие трусы?
Вы ж хотели издавна оскорбить меня.
Коль воры Мержоева уведут быков,
То арбы аульские под навесом спят.
Коль воры Мержоева уведут коней —
Седла молодецкие на стене висят.
Пусть один останусь я на земле отцов,
Вы ж ищите новые земли для себя.
Побеждать и славиться — доля храбрецов,
Кто боится недругов, тот падет как трус.

АКТОЛА, СЫН ДЖУМИ

В дорогу коня снарядил Актола,
Себя окружил он стройными гончими.
Садятся на плечи к нему покорно
Серебряноклювые серые ястребы.
Отправился в путь отважный Актола.
Туда он погнал коня быстроногого,
Где диких кошек не сыщет охотник,
Где только птичьи крики разносятся.
К высоким горам, говорят, Актола,
Сын славного Джуми, примчался, странствуя.
В тот час опускалось все ниже солнце,
В тот час приближались медленно сумерки.
Тогда стремена оставил Актола,
На землю он спрыгнул с коня высокого,
Тогда скакуна своего стреножил
И лег отдыхать под покровом вечера.
Седло положил он под изголовье,
К бокам он придвинул сумки седельные.
Над ним загорелись первые звезды,
И ветер его убаюкал шорохом.
К нему прикоснулся холод рассвета,
И, словно олень под стрелой охотника,
Тотчас встрепенулся юный Актола,
Взглянул на сёдые вершины горные.
И Терек окинул он зорким взглядом —
На желтой земле островка песчаного,
Там, где шумят камышевые стебли,
Он увидал табуны черкесские...
Там люди стояли и песню пели,
Летела песня над синим Тереком.
И слушал молча юный Актола,
И мчался напев над вершиной горною.
И сын Шаби, Шахбулат, подъехал

На легком коне и сказал приветливо:
— Салам алейкум, храбрый Актола,
Да будет день твой отмечен радостью!
— Алейкум салам, Шахбулат отважный,
Прими простое мое приветствие!
Скажи, Шахбулат, какими вестями
Меня ты хочешь сейчас порадовать? —
Так обратился к нему Актола.
А Шахбулат отвечал задумчиво:
— Выслушай слово мое, Актола.
Брата ищу я, брата названного!
Спутник мне нужен, верный товарищ,
Чтоб разделял он со мною горести,
Чтобы делил он со мною радость.
Вот я какого ищу товарища! —
Так Шахбулат свою речь закончил.
И улыбнулся Актола ласково:
— Нелегкое дело ты задумал,
Но я помогу Шахбулату смелому!
Я честью своей поклянусь, товарищ,
Тебя никогда не покину в бедствии,
С тобой разделю я радость и горе,
Во мне ты увидишь брата названного! —
Они провели за беседой сутки.
Их речи были теплы и радостны.
Когда же им время пришло расстаться,
Обнялись они, словно братья кровные.
И сын Шаби, Шахбулат, явился
В дом Актолы, под кровлю желанную.
И вышла во двор сестра Актолы,
Прикрытая легкою шалью шелковой.
Она лицо свое закрывала —
Так месяц облаком заслоняется!
По имени гостя она назвала...
— Входи, Шахбулат, о тебе я слышала!
Правда ли то, что ты друг Актолы,
Верный товарищ брата любимого?
Я с почестью гостя такого встречу.
Слезай же скорее с коня высокого!
— То, что ты слышала, справедливо.
Но дай наглядеться сперва, прекрасная,
На стройный стан, на твою улыбку.
Потом я покину седло высокое.—
И на эти слова Шахбулата
Гордо сестра Актолы ответила:
— Если ты голоден — в нашем доме
Пища для путника приготовлена.
Если сразила тебя усталость —

В доме готова постель для путника.
Но не гляди на меня так долго,
Но не гляди на меня так пристально!
То, что ты в сердце своем скрываешь,
Лучше с собой унеси далеко...—
И Шахбулат повернул обратно,
Выслушав эти речи суровые.
И в этот день отважный Актола
Меж тем пригнал табуны черкесские
В большой аул.
У мечети старой
Собрались большого аула жители.
— Сколько б у вас их ни угоняли,
Не переводятся кони быстрые! —
Слово такое молвив, Актола
Легких коней возвращает жителям.
Затем он в родной аул прибывает.
Сестра встречает его, печальная.
И, брови высоко подняв, Актола
К прекрасной сестре своей обращается:
— Я никого не убил в дороге
И сам невредим явился, сестра моя!
Зачем глядишь на меня так грустно?
Зачем слезой глаза затуманены? —
И отвечает сестра Актоле:
— Я огорчу тебя этим признанием.
Брат твой названный сюда приехал.
Меня полюбил он любовью пылкою.
Любовь затаив, он домой вернулся.—
Сказала и опустила голову.
Тогда приказал ей юный Актола:
— Одежду невесты надень, сестра моя!
И отправляйся в дом Шахбулата.—
Сестра исполнила приказание.
Быстрые кони ее примчали
В большой аул, к Шахбулату статному.
— Вот я к тебе, сын Шаби, явилась.—
Гостью встречает хозяин радостно.
— Ты оказала честь Шахбулату.
— Ты полюбил меня...
Я приехала!
— Входи же в дом, о сестра Актолы!
Я отлучусь на одно мгновенье.
Есть у меня небольшое дело.—
Он остается один, в раздумьи...
— Не погуби меня, злое сердце.
Многие шли навстречу желаньям,
Многие сердцу давали волю —

И навеки себя опозорили...
Я укрощу тебя, сердце злое!
Я нанесу тебе рану страшную! —
Он пистолет берет восьмигранный,
В грудь посылает пулю свинцовую.
Падает он на твердую землю.
— Скоро ты, сердце мое, успокоишься! —
На выстрел вышла сестра Актолы.
— Горе, горе тебе, безрассудному!
Всадника в миг она снаряжает.
Всадник помчался быстрее молнии.
— Выйди скорей, не медли, Актола!
Я привез тебе вести тревожные!
— Ты запыхался, я вижу, всадник.
С чем ты примчался ко мне?
Рассказывай! —
И, не слезая с коня, ответил
Всадник, дыша тяжело, прерывисто:
— Кровного друга беда постигла.
Твой брат названный лежит, не движется.
Он пистолет поднял восьмигранный
И прострелил себе грудь в отчаяньи.—
И вышел Актола во двор поспешно,
Вывел коня из конюшни бревенчатой.
Его оседлал он седлом широким
И молчаливо в дорогу отправился.
Скакун летел, как быстрая птица.
Актола сзывал врачей ученейших,
Искусных врачей из аулов ближних,
Из дальних аулов мудрейших лекарей.
И прибыл Актола в дом Шахбулата.
На ложе горячем метался раненый.
Глаза покрывались пленкою смерти.
У ложа столпились врачи искусные.
И сын Шаби, Шахбулат, увидел
Актолу юного, брата названного.
И сын Шаби, Шахбулат, услышал
Слова Актолы, простые, теплые:
— Салам алейкум, Шахбулат отважный,
Ты встанешь с постели живой и радостный.
— Алейкум салам, мой верный товарищ,
Спасибо тебе за речи хорошие! —
Тогда на врачей поглядел Актола
Суровым взглядом:
— Врачи искусные!
Если он с этого ложа встанет,
Шелком я вас награжу и золотом.
Если ж померкнут глаза Шахбулата,

Острая сабля снесет вам головы! —
И взялись за дело врачи не медля.
Не спали ночей ученые лекари.
И время летело.
И встал с постели
Сын Шаби, Шахбулат отважный.
И в дом Шахбулата радость вернулась.
И жил Шахбулат с женою любимою.
Была нерушима дружба с Актолой,
И все изумлялись той дружбе пламенной.
И волосы им заснежила старость...
Они благородно и мудро жили!
И песня об этой дружбе осталась,
Которую поколенья сложили!

ЭЛИ, СЫН УМАРОВ, ИЗ АККИ[9]

Шкурой дикого зверя плечи свои обвив,
Мохнатую папаху надвинув до бровей,
Сын Умара — Эли — на крыше стоял своей,
Стоял с трубой подзорной, взор на степь устремив;
Весел он был душою; а степь дымилась вдали.
Тогда трава степная зашевелилась вдали:
Это дорогой длинной храбрый летел ездок,
Это — навстречу взору — храбрый летел ездок.
Вот к ездоку спустился Эли, Умаров сын.
— Ассалам алейкум, Эли, славный Умаров сын.
— Въезжай во двор скорее, табунщик мой молодой;
По делу ли приехал, табунщик мой молодой?
— К тебе я приехал, Эли, поговорить с тобой.
Я три месяца летних водил твой табун в горах,
Он три месяца зимних был на лучших кормах.
Пыль с коней прекрасных я теплой водой смывал,
В студеных горных реках для резвости их купал.
Старые любовались — боялся: сглазят коня.
Гляделй молодые — я зорче берег коня.
И твой жеребец любимый, что ходил в табуне,
Из-под моей охраны украден на горе мне;
И вора я не знаю — и плàчу я о коне!..—
Сказал — и уехал обратно табунщик молодой.
Шкура дикого зверя сползает с могучих плеч,
Мохнатая папаха лоб начинает жечь.
Сдерживая потоки в груди закипевших слез,
Эли, сын Умаров, с крыши на землю слез.
И лошадь, что бродила по выгону до тех пор,
Эли поймал за гриву, поймал и загнал во двор,
Украсил, как невесту, и ценный надел убор.
И краше юной девицы принарядился он,
Вскочил на седло, тяжелой думой омрачен.
— Пока не увижу снова я своего коня,

Дотоль меня не увидит родимая Чечня.—
И поклялся Аллахом коня своего вернуть
Сын Умара — Эли — и в дальний пустился путь.
Коня он искал повсюду — близко и далеко,
Ущелья и горные реки перелетал легко
И, наконец, приехал в черное Тарко[10].
Он в Тарковском ауле подъехал к толпе людей.
— Ассалам алейкум, тарковские молодцы!
Да будет ваш вечер долгим, да любит вас Аллах!
— Алейкум ва салам, чеченский молодец!
По делу ль ты приехал, да любит тебя Аллах,
Давно ли ты расстался с дальней Чечней своей?
— Кто здесь гостеприимен, тарковские молодцы,
Кто из вас не прогонит меня от своих дверей?
— Коль будешь нашим гостем — любой тебя приютит.
Но есть у нас хозяин — он знатен и именит,—
Тебя, чечен одинокий, к Шамхалу отведем.—
И, это сказав, указали на шамхалов дом.
Вышел во двор по их зову сам Тарковский Шамхал.
— Ассалам алейкум, о Тарковский Шамхал!—
Шамхал ответил Эли:
— Алейкум ва салам.
Ты, молодец чеченский, по делу ль приехал к нам?—
Эли ему ответил:
— Приехал я по делам.
Больше души любимый был в моем табуне
Конь, прекрасный и резвый. Он у меня пропал.
Презренное имя вора неизвестно мне.
Тебя именуют всюду,— я слышал: Шамхал, Шамхал!..
Шамхал, прославленный в мире, слово промолви мне,
Утешь меня в печали. Что знаешь ты о коне?—
Так Эли, сын Умара, тогда Шамхалу сказал.
— Как сытый кобчик на ветке сидит, клонясь во сне,
Так чечен какой-то приехал верхом ко мне.
Мне сказал приезжий: „Купи у меня жеребца“.
Спереди посмотрел я на этого жеребца —
Он был как ясное солнце на утренней заре.
Сзади посмотрел я на этого жеребца —
Он был как красное солнце на вечерней заре.
Не видел я красивей того коня ничего.
Не любил я, кроме того коня, ничего.
Отдал я полсостоянья и приобрел его.
О нем ты теперь скучаешь? В конюшню я ввел его!
— Есть у нас обычай: владелец находит коня
И благородные люди всегда его отдают.
Уплаченное тобою сполна тебе возвращу;
Отдай мне коня гнедого, которого я ищу.
— Умри, чеченский ублюдок, хватит коня искать,

Коня вернуть не надейся и возвращайся вспять,
Не то я заставлю силой тебя из Тарко бежать.
— Придется мне возвратиться, раз так Шамхал велит,
Я человек неизвестный, а ты, Шамхал, именит.
Слава твоя по свету, Шамхал, разнеслась далеко,
Я думал, что ты и вправду князь большого Тарко,
А ты, как теперь посмотришь, бесчестный вор из Тарко.—
Отъехав на край аула, Эли с коня сошел
И себе в изголовье свое седло положил
И по зеленым травам коня бродить отпустил.
Черной буркой укрылся, оружье к груди прижал.
Так, разъяренней медведя, Эли в тот вечер лег.
Уже в ауле спали, был полночный час недалек.
И выехал из аула тарковский молодец,
Увидел лежащего Эли тарковский молодец
И сыну Умара — Эли — он в эту ночь сказал:
— Не будь никогда несчастен, лежащий молодец,
Зачем на траве зеленой ты, странник, лежишь без сил?
Иль нет гостеприимных в нашем большом Тарко? —
С такими словами рукою тронул и разбудил
Сына Умара — Эли — тарковский молодец.
— Много гостеприимных найдется в большом Тарко,
Только надежного друга мне найти не легко.—
И Эли тогда ответил тарковский молодец:
— Я отдам охотно все, что копил до сих пор.
Чем непроглядней полночь, тем лучше видит мой взор,
Любым оружьем сумею удар нанести в упор.
Поэтому мне поведай — зачем приехал в Тарко?
Ты рассказать мне должен — зачем приехал сюда?
Тому, кто помощи ищет, я помогу всегда.
— Тебе расскажу всю правду, тарковский молодец.
Больше души любимый, был в моем табуне
Конь, прекрасный и резвый. Он у меня пропал.
И долго имя вора неведомо было мне,
Долго по белу свету я жеребца искал.
Теперь я знаю: гнедого присвоил сам Шамхал.
Есть у нас обычай: владелец находит коня
И возвращает деньги, отданные за коня —
Всякий должен без спору ему возвратить коня.
Так я сказал Шамхалу, он бранью обжег меня.
И вот я лежу пред тобою, тарковский молодец.
— Есть конь в конюшне Шамхала, клянусь, он краше, чем твой,
И, если коня Шамхала сведу ночною порой,
И будет тебя, чеченец, носить жеребец другой,
Ты будешь ли доволен, отважный молодец? —
Сказал — и пошел аульчанин, а Эли, Умаров сын,
За ним. И они проникли в неосвещенный двор,
У конюшни установились, как нищие, они.

И молодец тарковский рукой ощупал затвор
И двери, прибитые прочно к бронзовым столбам,
Ощупал засов железный и висячий замок.
Собрал он все свои силы — тарковский молодец,
Схватил руками пониже, и повыше плечом налег —
И пошатнул большие шамхаловы столбы.
И говорил, негодуя, тарковский молодец:
— Да умрет ваш отец проклятый, шамхаловы столбы,
Неужто вы корни пустили, шамхаловы столбы? —
Столбы шамхаловы проклял тарковский молодец.
И вот к нему обратился Эли, Умаров сын:
— Я сказать не посмею, что я сильнее тебя,
Я сказать не посмею, что я умнее тебя,
Дай-ка схвачу я покрепче проклятый шамхалов столб,
Тот, кто коня теряет, сердцем бывает зол.—
Схватил он руками пониже, повыше плечом налег
И дернул, что было мочи, Эли шамхалов столб.
Об угол дома Шамхала ударил он этим столбом,
Вошел в конюшню Шамхала и руки он протянул,
Под рукой незнакомой вздрогнул шамхалов жеребец,
Не поддается Эли шамхалов жеребец.
— Да погибнет отец твой, шамхалов жеребец!
Тебя никогда не стану вареным пшеном кормить,
Тебя никогда не стану теплой водой поить! —
И вздрогнул под тонкой плетью шамхалов жеребец.
У Эли в руках натянулась кожаная узда,
И жеребца из конюшни Эли вывел тогда.
Снял он седло с кобылы, на жеребца надел
И свою кобылу поставил в стойло жеребца.
Оставив за собою окраину Тарко,
Прилегли на траве зеленой два удалых молодца,
И так тогда промолвил тарковский молодец:
— Тебя, сын Умара, Эли, да сохранит Аллах,—
Так тогда промолвил тарковский молодец,—
Я говорить не стану о свершонных мною делах.
Бери жеребца Шамхала и поезжай домой,
Буду тебе я нужен — ты приезжай за мной,
А я гостей отправлю — и пред твоим лицом
Не позже полдня предстану с гнедым твоим жеребцом.
— Этого не говори мне, тарковский молодец,
Я крепкую клятву нарушу, тарковский молодец,
Если в чужой конюшне останется мой жеребец
И без него поеду в родимую Чечню.
Как я тогда возвратиться смогу в аул родной?
Будут тогда смеяться и дети надо мной.
Где, молодец таркозский, пасется шамхалов табун?
В том табуне, я знаю, и мой жеребец гнедой.—
Так тогда промолвил Эли, Умаров сын.

— Понапрасну об этом просишь, Эли, Умаров сын,
Вы ничем не довольны, так повелось в Чечне.
Я поклялся Аллахом, клятва моя велика.
Если домой уедешь ты на этом коне,
Буду с гнедым до полдня в твоей родной стороне.—
Так обратился к Эли тарковский молодец.
Ни слова ему не ответил Эли, Умаров сын.
- Если меня ты просишь, то я отвечаю так:
Горы покрыты снегом, спустился шамхалов табун
К Тереку на зимовье, там, на речном берегу,
Средь камышей засохших пасется шамхалов табун.
Лучше по-моему сделай, я тебе говорю;
Если б табун шамхалов ты бы теперь угнал
И началась тревога в нашем черном Тарко,
И за тобою в погоню кинулся бы Шамхал,
Опередив погоню, я бы к тебе прискакал.—
Так сказал и уехал тарковский молодец.
Не внял его совету Эли, Умаров сын.
И туда поехал Эли, где пасся шамхалов табун,
И вышел к нему охранщик шамхалова табуна.
— Ассалам алейкум, охранщик шамхалова табуна.
— Алейкум ва салам, чеченский молодец.
По делу ли ты приехал, чеченский молодец?—
Так спросил охранщик шамхалова табуна.
— Я приехал по делу,— Эли ему отвечал,—
К родственникам в гости хочет поехать Шамхал.
Он жеребца гнедого доставить ему приказал.
— Я часто бывал обманут, я эти слова слыхал,—
Коль нужен конь Шамхалу, печать присылает Шамхал.
Если печать имеешь, коня тебе отпущу,—
Так отвечал охранщик шамхалова табуна.
Мгновенно выхватил Эли свое ружье из чехла,
Он прицелился метко в охранщика табуна,
Пуля попала в то место, откуда, в даль спеша,
Легко и быстро на волю выходит наша душа.
— Это печать Шамхала, и нет у меня другой.—
Эли табун шамхалов обошел с четырех сторон,
Он свистнул — и хворостиной погнал табун пред собой.
Был неприятным известьем встревожен гордый Шамхал:
— Чеченский проходимец твой лучший табун угнал.
Скорей поднимай тревогу, скорей в погоню, Шамхал.—
Когда поднялась тревога в черном ауле Тарко,
Выехал из аула тарковский молодец,
И Эли, Умарова сына, он догнал, наконец:
— Ассалам алейкум, Эли, Умаров сын!
Храни большую добычу, создатель мира, Аллах!
— Алейкум ва салам, тарковский молодец,
Да будет жизнь твоя долгой, да любит тебя Аллах! —

И так тогда промолвил тарковский молодец:
— Когда стрелять в меня будешь, стреляй, чтоб ранить меня,
Я буду целиться мимо, когда я буду стрелять.—
Так промолвив, стали они друг в друга стрелять.
Потом повернул обратно тарковский молодец,
И на обратной дороге Шамхала он повстречал:
— Ассалам алейкум, тарковский молодец.
Не встречал ли ты по дороге, тарковский молодец,
Чеченского проходимца, что мой табун угнал?
— Когда твой табун угнали, я тоже затосковал,
Выехал в час тревоги раньше тебя, Шамхал.
Быстрее ветра — лошадь чеченского молодца,
Душа лисицы и волка у этого хитреца:
Острая сабля не ранит чеченского молодца,
Пуля не настигает чеченского молодца,
Поедешь и не догонишь чеченского молодца,
Догонишь и не осилишь чеченского молодца.
Лучше меня послушай: вернись обратно, Шамхал!
— Ну что ж, погляжу — поеду.— И мимо проскакал
Со свитою многолюдной гордый Тарковский Шамхал.
И поднял ружье мгновенно тарковский молодец.
И пуля попала в то место, откуда, в даль спеша,
Легко и быстро на волю выходит наша душа.
Упал Шамхал Тарковский с высокого седла,
Ударился о землю гордым своим лицом.
Была остановлена свита тарковским молодцом,
И быстро тонкая шашка свистнула на лету,
Клинком молодец тарковский провел по земле черту.
— Гей, тарковские трусы, бегите скорей домой!
Сниму я головы ваши, коль перейдете черту.—
Так их вернул обратно тарковский молодец.
И был им настигнут вскоре Эли, Умаров сын.
— Ассалам алейкум, Эли, храбрый Умаров сын,
Тебя и твою добычу да сохранит Аллах!
Нет за тобой погони, спокойно в черном Тарко.
Я тебя полюбил, как брата, встретив подле Тарко.
Тебя не забуду, покуда мир не падет во прах.
Не говорю, что вершил я доблестные дела,
Но приезжай непременно, если будут дела,
Если в наше селенье тебя призовут дела,
То будь уверен в успехе...
А теперь такие дела:
Прямо по этой дороге князь могучий живет,
Богатой землей издревле владеет княжеский род.
Если, тебе оставив только двух жеребцов,
Тебе он топтать позволит землю своих отцов,
Остальной добычей пожертвуй и поезжай домой.—
Так сказал и уехал тарковский молодец.

И тронулся к дальнему дому Эли, Умаров сын.
И, наконец, добрался до княжеских земель.
И так обратился к Эли князь богатых земель:
— Самые быстрые птицы перья свои уронить,
Самые храбрые звери пятой своей наступить
На землю сию не смеют. Кто с табуном впереди?
Кто ты таков, скажи мне, отважный молодец? —
Всадник ему отвечает:
— Я — Эли, Умаров сын.
— Ну что ж, посмотри получше, Эли, Умаров сын,
Скажи мне: на этих кольях сколько круглых голов?
Вот кол стоит понапрасну, он для тебя готов.
Твоей голове придется торчать средь этих голов.
— Зачем мне смотреть напрасно, князь богатых земель?
Зачем считать мне, сколько на кольях круглых голов?
Ты сам погляди получше: есть ли здесь голова,
С моей головою круглой схожая хоть едва.—
Когда так ответил князю Эли, Умаров сын,
Выстрелил по Эли князь богатых земель.
Но уклонился от пули Эли, Умаров сын,
Пулей ответил на пулю Эли, Умаров сын,
И пуля попала в то место, откуда, в даль спеша,
Легко и быстро на волю выходит наша душа.
Он чучело сделал из князя, чтобы птицу пугать,
Он бурку накинул на князя, чтобы зверя пугать.
И с табуном Шамхала Эли поехал домой.
Долго ехал Эли и прибыл в аул родной.
Резвый табун шамхалов Эли на площадь пригнал,
Бедных сирот аула на площади он собрал
И роздал табун богатый, которым владел Шамхал.
А жеребца гнедого Эли повел домой.
Так со славой вернулся Эли в свой дом родной.
Со дня его возвращенья одна неделя прошла,
Умарова сына — Эли — вызвал сельский мулла.
— Ассалам алейкум, здравствуй, сельский мулла.
Меня по какой причине ты вызвал, сельский мулла?
— Я вызвал тебя по делу, ты недаром пришел.
(Мулла при этом слове письмо положил на стол.)
Скажи, ты верного друга имел ли в черном Тарко?
Своей рукою убил он Шамхала из Тарко.
Он сидит под арестом в городе Буре,
Письмо прислал оттуда тарковский молодец,
Тебя полюбил он, как друга, встретив подле Тарко,
Тебя он помнит: так пишет тарковский молодец.
Тот молодец тарковский на утренней заре
Завтра будет повешен в городе Буре.—
Сельский мулла закончил горестный свой рассказ.
Почувствовал Эли: слезы, как дождик, льются из глаз.

Но, глубокие вздохи сдерживая в груди,
Домой направился быстро Эли, Умаров сын.
К себе тогда он вызвал Астемира из Шато,
К себе тогда он вызвал сына Мади — Джаммирзу,
К себе тогда он вызвал Бейбулата, сына Тайми,
К себе тогда он вызвал сына Ади — Сурхо,
И с ними вместе он вызвал сына Ахи — Темарко.
Так сын Умара — Эли — в доме своем собрал
Самых отважных соседей и вот что им сказал:
— Мне нужно выручить друга, тарковского молодца.—
И сразу с ним согласились все лучшие молодцы,
Отправились немедля и прибыли в город Буре.
Приехали, остановились отважные молодцы
В гостеприимном доме русского молодца.
Издавна был с ним в дружбе Эли, Умаров сын.
Хозяин гостеприимный в конюшню отвел коней,
В чистую половину он пригласил гостей,
Мясо гостям предлагает русский молодец,
Водкой гостей угощает русский молодец.
Сидит с друзьями Эли за накрытым столом,
Сидит, нахмурясь, Эли за накрытым столом,
И обратился к Эли русский молодец:
— Скажи, зачем ты не весел, Эли, Умаров сын?
Чтоб вволю ты мог наесться — жирное мясо есть,
Чтоб вволю ты мог напиться — светлая водка есть,
Чтоб горем ты мог поделиться — друг у тебя есть.
Я ли тебя не утешу, Эли, в горе твоем?
Что же ты грустен, Эли, когда мы едим и пьем?
Что же ты голову клонишь за накрытым столом? —
Выслушав, отвечает Эли, Умаров сын:
— Будь здоров и счастлив, русский молодец,
Новости мне поведай, русский молодец.
— Есть у нас в городе новость, Эли, Умаров сын:
К нам молодец доставлен из черного Тарко,
Его рукой молодецкой сражен Тарковский Шамхал.
И за это будет повешен тарковский молодец,
И белый свет от горя черным как полночь стал.
Завтра будет повешен тарковский молодец.—
Когда промолвил это русский молодец,
Такое вымолвил слово Эли, Умаров сын:
— Аллах тебе да поможет, русский молодец,
Был моим верным другом русский молодец,
Можно ли что-нибудь сделать до завтрашнего дня,
Скажи, повидаться с другом пустят ли меня? —
К русскому так обратился Эли, Умаров сын.
И слезы и горькие вздохи сдерживая в груди,
Вот что ему ответил русский молодец:
— Если мы сможем, Эли, сделаем что-нибудь.

Сидите дома спокойно,— сказал он и вышел вон.
Офицерские погоны покупать отправился он,
Ни с кем не торговался: что просили, то и платил.
Форменные мундиры быстро он купил,
Домой принес покупки русский молодец.
Ты не печалься, друг мой, Эли, Умаров сын,
Формы завтра утром наденем мы на себя,
Шашки и револьверы навесим мы на себя,
К виселице пробьемся, станем все вокруг,
Увидим, когда бесстрашно к ней подойдет твой друг.
Когда у помоста увидим тарковского молодца,
Стальные выхватим шашки,— не дрогнут наши сердца,
В глаза врага заглянем, смело шагнем вперед.
Их первый залп, быть может, мимо Аллах пронесет,
Второго дать не успеют, мы врежемся в их толпу,
Стальные острые шашки будут врага рубить,
Так мы с врагом покончим. Придется ему отступить.
Мы возвратим свободу тарковскому молодцу.
Ты не грусти напрасно, Эли, Умаров сын.—
И наступило утро — белый прекрасный свет.
Они офицерские формы надели на себя,
Шашки и револьверы навесили на себя,
Стали возле помоста бесстрашные молодцы.
Синие солдаты расположились вокруг.
С завязанными глазами к виселице подошел
В сопровожденьи стражи тарковский молодец.
Тогда стальные шашки они обнажили вдруг
И на солдат напали бесстрашные молодцы.
Первый залп раздался, ветер пули отнес,
Второго дать не успели, врезались молодцы,
Пошли плясать по солдатам тонкие шашки их,
Налево и направо рубили шашки их:
Тройное кольцо, которым был окружен их друг,
Они превратили в двойное, и, сладив с двойным кольцом,
И третье кольцо разомкнули тонкие шашки их.
С поля битвы вместе с тарковским молодцом
Вернулись домой обратно бесстрашные молодцы.
Придя домой, пировали, сидя за круглым столом.
Да будет жизнь их долгой, да поможет им Аллах!
Да будет тому удача, кто бесстрашен в бою,
Пусть на бегу задохнется спасающий жизнь свою!

СЫН МАТЕРИ, ЖИВУЩЕЙ МЕЖДУ ДВУМЯ ОТРОГАМИ ПРЕДГОРЬЯ

В час, как вечер надвигался, ночь стояла у ограды,
В первой комнатке, что служит для гостей, которым рады,
Разостлав постель удобно для распластанного тела,
Лег сынок ее любимый, удалой молодчик, смелый.
Удалой молодчик думам, сердце давящим до боли,
До утра велел смиряться, до утра им не дал воли.
На заре, когда с молитвой люди набожные встали,
У сынка ее родного думы темные блуждали
Там, где павшие в сраженьи остаются без могилы,
Где за труп взимают выкуп, там — в краю ему постылом.
Словно зверь, что в сердце ранен, он вскочил, открывши вежды.
В сшитой женщиной кумыкской и черкешенкой одежде
Он сорвал с гвоздя оружье; как медведь, что рвется воя,
С божьим именем оружье нацепил на тонкий пояс;
Он к бревенчатой конюшне побежал, не молвя слова;
Из бревенчатой конюшни вывел он коня гнедого,
И серебряной уздечкой он во двор его направил,
Возле коновязи дрёмной гарцовать его заставил;
И коня он разукрасил, словно ждет его невеста,
Повернул, вскочил, нагнулся, и уж тронулся он с места.
С плачем вышла мать родная, закричала возле тына:
— За тебя и я погибну, прославляя имя сына!

ГОРНЫЙ СОКОЛ [11]

Немало часов
Промчала ночь,
Багряный засов
Отмыкала ночь.
Тут крикнул криком
Сокол горный,
Застонал тут стоном
Сокол горный.
Его услыхал
Предгорный ястреб,
В ответ завизжал
Предгорный ястреб:
— Эй! Житель гор!
На равнинный простор
Зачем на заре вылетаешь ты?
Что птиц, зверей
Отчизны моей
Протяжным криком пугаешь ты?
Ты зачем летишь,
Горный сокол мой?
Ты зачем вопишь,
Чернокрылый мой?
Что стенаешь ты
Во мгле ночной?
Ты зачем кричишь,
Горный сокол мой?—
Отвечал ему
Горный сокол тот,
Так промолвил ему
Чернокрылый тот:
— Недаром я лечу,
Предгорный ястреб белый,
Я недаром кричу,
Предгорный ястреб белый:

Свой синий Терек
Облетаю я,
Синегорбый Терек —
Граница моя! —
Тут крикнул ответно
Ястреб белый,
Завизжал ответно
Предгорный ястреб:
— Эй, сокол ты мой!
Не кажи границ!
Иль князь ты какой?
Не кажи границ!
С вершины крутой
Не кажи границ!
Пусть зол ты душой —
Не кажи границ!
Не то — берегись: земля, велика,
Добычей богата Идал-река [12],
Но тебя не пущу в ту землю я:
Идал-река — граница моя! —
Тут крикнул криком
Сокол горный,
Застонал тут стоном
Сокол горный:
— В последний раз,
Предгорный ястреб белый,
Услышь мой сказ,
Предгорный ястреб белый:
Ютится голубка средь чащ лесных,
Высокий мох она щиплет в них,
Она из Сунжи [13] прозрачной пьет,
Тебе та горлинка подстать:
Готов тебе в жены ее отдать —
И больше не смей пререкаться со мной,
Предгорный ястреб,
Ты, белый мой!

ПЕСНИ ЛИРИЧЕСКИЕ

ПЕСНЬ КАТОРЖНИКА

Утро ты сладкое, жизнь дорогая!
Сможешь ли сердце насытить до края!
Ах, перестань трепетать, мое сердце!
В счастье высокой идешь ты горою,
Словно ребенок ты нежно со мною.
В горе — сиротка ты на пепелище,
Словно медведь в дикой ярости рыщешь,
Злобным становишься ты, мое сердце!
Отца я оставил в ауле, где жил...
Забудет отец, когда свалится камень могильный.
И мать я оставил в ауле, где жил...
Забыть ей, лишь прах мой травою покроется пыльной!
Сестру я оставил моложе себя...
Забудет сестра, когда встретит юнца удалого.

Я брата оставил, а жить он не мог без меня!
Ему не забыть. Он в могиле б хотел быть со мною.
Ах, если б, родная, я часа рожденья не ведал!
Ах, если бы мир меня сладостной жизни не предал!
Не зная вины, я томлюсь в этой мрачной Сибири!
Звенят кандалы на ногах, я навеки в безрадостной ширп.
Вы умирайте, вечерние зори!
Всем вы — как девушки с лаской во взоре,
Схожи с волками голодными вы в моем горе.
Горы — как медь от вершин до подножий,
Многим всего она в мире дороже.
Только лишь с другом беседа была бы мне кладом!
Как серебро эти снежные ложа,—
Многим всего оно в мире дороже.
Все бы я отдал за то, чтобы с братом быть рядом!
Вечером небо с червонцами схоже,—
Многим всего они в мире дороже.
Все бы я отдал, чтоб с милою встретиться взглядом!

СЕТОВАНИЯ ВЛЮБЛЕННОГО

Молви, небо голубое,
Молви, черная земля,
Для чего я человеком
Уродился на земле?
Если б был я шалью белой,
Без труда б тогда и смело
Гладил косы дорогой,
Протянулся бы я смело
Рядом с жаркою щекой.
Молви, небо голубое,
Молви, черная земля,
Для чего я человеком
Уродился на земле?
Серебром бы я родился —
Я б наверно устремился
Шейку милой обогнуть,
Я б наверно устремился
Нежить розовую грудь.
Молви, небо голубое,
Молви, черная земля,
Для чего я человеком
Уродился на земле?
Был бы шелком я шуршащим —
Стал платочком бы блестящим
Плечи милой обвивать,
Стал бы поясом блестящим
Стан упругий обнимать.

ДЕВУШКИ

Девушки, девушки, гляньте кругом —
Гляньте, не тут ли Харон?
Девушки, девушки, прячьтесь в свой дом —
Коршуном схватит вас он!
Девушки, гляньте — грозит небосклон,
Коршун там кружится. Эй!
Девушки! В дом убегайте скорей!
Гляньте — крадется Харон!

ЕСТЬ РЫБА

Есть рыба, говорят, одна,
Осталась без воды она.
Была бы ей вода дана —
Наверно плавала б она.
Есть ветка, говорят, одна,
Без листьев зыблется она.
Когда бы листья дали ей,
Она б качнулась веселей.
Есть птица, говорят, одна,
Без крыльев в горести она.
Когда б ей дали два крыла,
Лететь бы в даль она могла.
Нам, молодцам, еще грустней:
У нас ведь нету нужных дней.
Когда б нам дали нужный год,
Мы все б отправились в поход.

К ПТИЦЕ

Куда летишь, куда летишь ты, птица?
Куда твой лёт над облаком стремится?
Я знаю, что не солнечный восход
Куда-то устремляет твой полет.
О, как свободно, быстро, без усилья
Тебя несут играющие крылья!
Тебе открыт свободный весь простор,
Весь этот свет твой обнимает взор!
А я в плену тюремного засова,
Закован я в булатные оковы.
За то, что полюбил свободу я,
Врагами воля связана моя.
Оповести ж, порхающая птица,
Что царская меня сковала власть.
Оповести ж, порхающая птица,
Что этой власти в будущем упасть!
Оповести ж, порхающая птица,
Всем в общий путь пора направить шаг.
Оповести, порхающая птица,—
Народ поднять свободный должен стяг!
Оповести, порхающая птица,
Что к делу славы все должны итти.
Оповести, порхающая птица,
Что правды свет на этом лишь пути!

ЧТО ЖЕ ТЕБЯ УВЕЛИ?

Что же тебя увели?
Что же ушел ты, Ризван?
Смертную жертву принес
Ты за аул свой, Ризван!
Пусть ты с другим молодцом
Сделался ратным, Ризван!
Вы у железных ворот
Вместе исчезли, Ризван!
Ах, да умрет твоя мать,
Ах, да умрет, о, Ризван!
Думаю, вот он придет,
Вот он придет, о, Ризван!
Вижу — тропа твоя к нам
Травкой покрылась, Ризван!
Здесь, на прибрежье Сунжи,
Виделся статный Ризван!
Все возрастают пески
Там, где стоял ты, Ризван!
Царский сказал человек:
Кончился сказ твой, Ризван!
Уж и мулла и хаджа
Саван готовят, Ризван!
Мать твоя, нежная мать,
Плачет да плачет, Ризван!
Ах, да умрет, да умрет
Мать с этим плачем, Ризван!
Плача все бродит она,
Ей умереть бы, Ризван!

НЕ ОБЕЗДОЛЬ МЕНЯ

Благоуханна
Даль Гюлистана,
В дальних полянах
Тают туманы.
Вешним пожаром
Грудь запылала.
Справиться с жаром —
Моря мне мало.
Тяжкие думы
Голову кружат.
Вытравить шум их
Сможет ли дружба?
Только одна мне
Светит головка...
Ветер утрами
Нежит дубраву,
Вечером ветер
С белой вершины
Хлещет как плетью
Моря пучины.
Солнце мне утром
В сердце сверкнуло,
Вечером хмурым
Сердце уснуло.
Нет жизни сердцу,
Милая Асет!
Тягостно сердцу,
Милая Асет!

ВЫСОКИЕ ГОРЫ

Выситесь стройно вы, горы высокие!
Ширитесь мощно вы, горы высокие!
Сколько сирот, обездоленных голодом,
Вы приютили на скалах заоблачных.
Сколько в ущельях скитается витязей,
Желчь на которых льет солнце лучистое.
Что же за горе вам пало на головы?
Что ж за печаль в наши груди вгрызается?
Если не знающие настоящего
Горя застонут, то грудь моя горькая
В клочья порваться должна от страданья!
Если печалей не испытавшие
Плачут, моя голова, истомленная
Жуткой печалью, должна бы растрескаться.
Если б из сердца я горе мог выплеснуть
В синее небо, то небо низвергнется
Наземь, в пустыню морскую безводную,—
Так необъятно горе в груди моей!
Если печаль я бы вылить мог на землю,
Грудь бы земная черная лопнула,—
Так безысходна печаль в голове моей!
Если зажечь реки горем груди моей,
Мигом иссякнут они, многоводные,—
Так оно пламенно, горе груди моей.
Если печаль головы моей выплакать
Темному лесу, в нем почки не вскроются,—
Так тяжела печаль головы моей.
Что же за горе, запавшее в грудь мою?
Солнце согреет льдины на озере,
Иней под утренним солнцем растопится,—
Кто же согреет мне грудь и сердечные
Льдины растопит лаской весеннею?
Кто в моих мыслях печаль беспросветную
Сможет рассеять лаской весеннею?

ПИСЬМО

Если море синее в чернила превратится,
Если станет облако большим листом бумажным—
Все равно словам не уместиться на страницах,
Да и слез не выплакать о юноше отважном!
И пускай вершины гор надвинутся высокие,
Ветви гибкие колышутся от гнева!
Пусть опять всплывают в памяти те дни далекие,
Грудь сжимается от грустного напева!
Лишь начну рассказ о гибели любимого,
Слышу сердца частые удары.
И горит, горит щека, слезой палимая!
Горе матери героя, горе старой!
К вам в аул пускай течет, блестя, слеза моя,
Престарелые родители героя!
Не забыл народ чеченский партизана,
Не забудется и время боевое!
Не утешит вас письмо мое печальное.
Горе давших жизнь и горе жен едино!
Вижу я отсюда и селенье ваше дальнее,
Ваши благородные седины!
На столе передо мною облик милого.
Снимок сделан был по вашему заказу!
На портрет его смотреть уже не в силах я!
Вот он — улыбающийся, остроглазый!
Хорошо сидит на нем шинель походная,
И надвинута папаха низко.
Вот рука его, по-зимнему холодная,
Возится с винтовкою австрийской.
Вспоминаю дни сражения великого.
Вот она, тоски моей причина:
Светлый лоб его — по милости Деникина —
Красная пересекла морщина...
Пусть лежит на вас проклятье, банды белые!

Вы с убийством, с грабежом дружили.
Подожгли со всех сторон селенье целое
И родителей наследника лишили!
Ваша память предана позору черному,
Вот он — список небывалых преступлений!
Разрушать пришли аулы наши горные,
Убивать садов весеннее цветенье!
Вороны вам выклюют глаза несытые,
Кожееды искромсают спину.
Старики вам не простят вовек убитого —
Милого единственного сына!
Весь аул запомнил облик юноши,
И его прославят поколенья.
Вся Чечня сложила песнь о юноше:
„Смелость льва и быстрота оленя...“
Я себе скроила, сшила платье темное,
Я ношу его как знак моей печали.
Не одна я со своей тоской огромною —
Ведь со мной портрет, что вы прислали.
И на этом прерываю я послание.
Больше я перо держать не в силах.
Навещу родной аул весною раннею,
Навещу любимого могилу!

КРАСНОЕ СОЛНЦЕ

Каждым утром восходишь
Ты, красное солнце!
Каждый вечер заходишь
Ты, красное солнце!
Моего голубочка
Не увидя, взошло ты.
Заходи, заходи же
Ты, красное солнце!
В час урочный приходишь
Ты, вечер красивый!
В час урочный уходишь
Ты, вечер красивый!
Ты, ударника-друга
Не увидя, уходишь!
Уходи, уходи же
Ты, вечер красивый!
Пусть он будет счастливым!
Ах, его не увидя,
Убываешь, уходишь
Ты, вечер красивый!
В синем небе сверкают
Созвездья,
Полыхают, играют
Созвездья.
Что же медлит с приходом
Магомет мой прекрасный?
Трепетать перестаньте,
Созвездья!
Пусть он будет счастливым!
Не пришел он, я сон потеряла.
Полыхать перестаньте,
Созвездья!

СКОРБЬ О БРАТЕ

Нет, не забуду, вовек не забуду
То, что ступни наши сжаты железом!
Нет, не забуду, вовек не забуду —
Шею стянули нам дьявольской пе́тлей!
Воском базарным гладя веревку,
Врывши столбы с перекладиной грубой,
Под ноги ставя скамью из чинары,
Голову скрывши мешком парусинным,—
Знаю, любимого брата повесят.
Нет, не забуду, вовек не забуду
Брата, лежавшего в чреве родимой!
Нет, не забуду, того не забуду,
Кто говорил о неправде царящей!
Нет, не забуду того, кто от жизни
Требовал истины, истины только!
Нет, не забуду того, кто отбросить
Требовал узы, гнетущие слабых!
Все вспоминается брат мой любимый
В утро цветущее!
Все вспоминается брат мой любимый
В утро встающее!
Все вспоминается, если увижу
Зелень травы у гробничных подножий!
Все вспоминается, если увижу
Белую ткань, что на саван похожа!

ОСТАВЬ МЕНЯ

Оставь меня, милый отец.
Мой добрый, меня не терзай!
Ведь трудно в час смертный душе
Уйти от земли, говорят.
Но так же, отец, не легко
И милого друга забыть.
Оставь меня, милая мать,
Не мучь, дорогая, меня.
Что матери трудно уйти
От дитятки, все говорят.
Но верь, дорогая моя,
Расстаться и нам не легко.
Оставь меня, юный мой брат,
Красавец! Мне душу не мучь.
Ведь сердце, в котором свинец,
Ведь трудно ему, говорят.
Но раны такие же мне
С возлюбленным нанесены.

ПЕСНИ КОЛХОЗНЫЕ

О ЛЕНИНЕ

Как трава взрастало дружно наше племя.
Только родились мы в тягостное время.
Мы безвольно жили в сумраке суровом
Под воскрыльем хищным, под крылом царевым.
Как туман к нагорью тянется и к чащам,
Так нас царь далекий облекал несчастьем.
Не любил он горных инородцев смелых,
Злость его нам помощь дать не захотела.
Для богатых яства множа на базарах,
Царь искал подмоги в ненасытных барах.
И чиновник каждый для царя был братом,
Возвышал его он, чтоб он был богатым:
От жратвы добротной их башки жирели,
От густых напитков их тела пьянели,

Рушились тела их в ложа пуховые,—
Так их ублажали времена былые.
Как на мир находит сумрак ночи черной,
Так надвинул горе царь на край наш горный.
Как зарей свет ясный в небесах расстелен,
Так и в этом мире появился Ленин.
Как на взгорьях бродят долгие туманы,
Так меж нас бродили царские обманы.
Как туман сгоняет вечер, вея благом,
Так великий Ленин с алым вышел стягом.
Дни царя прогнал он, и настало время —
С бедняка он скинул тягостное бремя.
Выгнал сильный Ленин, выгнал злое горе,
И следа от горя не осталось вскоре.
И закон он издал, наделив землею
Тех, кого давила бедность теснотою.
Для крестьян, рабочих — след его нетленен! —
И права и волю дал великий Ленин.

ЧЕЧЕНСКАЯ ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ

Если бы море стало чернилом,
Если бы небо легло бумагой,—
Кто, вдохновленный великой силой,
Смог передать бы людскую радость?
Кто чувства наши к тебе, желанный,
Выразить сможет пером дрожащим?
Не хватит неба и океанов,
Чтобы поведать помыслы наши.
Дал ты нам счастье, раскрыл нам двери,
Брат и отец наш, в светлые дали.
Крепко желаем, в это мы верим:
Долго живи ты, любимый Сталин!
Как в перламутре сокрылся жемчуг,
Тебя родившее чрево священно.
Счастливейшая изо всех женщин,
Сын твой стал солнцем нам неизменным!
Как будто звезды, ярко сияя,
Твой нам на солнце вывели облик.
Слава твоя от края до края
Гулко помчалась ко всем народам.
Нам, своим детям, счастье дал Сталин,
Росой желанной стал для нас Сталин.
Цветы украшают поля и горы,
Цветок сердец наших,— с ними ты споришь.
Дал ты нам счастье, раскрыл нам двери,
Брат и отец наш, в светлые дали.
Крепко желаем, в это мы верим:
Долго живи ты, любимый Сталин!
И если враг нож отточит снова,
Знай, что Союз наш мы охраняем.
Когда же, Сталин, ты молвишь слово,
Мы, точно тигры, всех раскромсаем.
Чище росинок и слаще меда

Помолодевший Кавказ с приветом
К тебе несется, поют народы:
— Сталина имя звездою светит!
Дал ты нам счастье, раскрыл нам двери,
Брат и отец наш, в светлые дали.
Крепко желаем, в это мы верим:
Долго живи ты, любимый Сталин!

ИНГУШСКАЯ ПЕСНЯ О СЕРГО

И немолчными дубровами
Горцы шли.
И нагорьями суровыми
Горцы шли.
Со знаменами багровыми
Горцы шли.
С пистолетами кремневыми
Горцы шли.

Увидали: в далях туманных —
Белые господа.
У могильников безымянных —
Вражья стоит орда.
У могильников безымянных —
Бой закипел тогда.

Над могилами у надгробий
Стояли горцы.
Под защитой старых надгробий
Стреляли горцы.
Немного имели железа
Ингуши,
Имели зато Эржкинеза[14]
Ингуши!
Имели вождя бедноты
Ингуши,
Боролись до темноты
Ингуши!
И попала тогда гадючья пуля
В седовласого партизана.
Крохотная была эта пуля,—

Заалела большая рана.
Наклонился над стариком
Серго Эржкинез.
Повязал ему рану платком
Серго Эржкинез.
Был великим большевиком
Серго Эржкинез,
Был у соколов вожаком
Серго Эржкинез!

Поглядите на полет
Ласточки чернокрылой,
Певуньи чернокрылой.
Опустилась,— и поет
Над высокою могилой,
Над братской могилой.
О нашем крае она поет,
О нашем счастье она поет,
О партизанах боевых,
За нас боровшихся, поет.
О том, кого уже нет в живых,
Об Эржкинезе она поет.

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

Мой друг детства саклю покидает:
Он в детдом идет на воспитанье,
Отданный туда родными.
Как его там воспитают?
Обращаются с чужими
Хорошо ли? Со вниманьем?
Мой друг детства саклю покидает,
В школу отданный на воспитанье
В город надолго родными.
Как его там воспитают?
Обращаются там с ними
Хорошо ли? Со вниманьем?
Вот мой милый снова уезжает
В техникум далекий на учебу,
Посланный аульцами своими.
Как его там обучают
И заботливы ли с ними?
Смотрят ли за ними в оба?
Окна все в колхозе расцветают,
Мне сказали, яркими огнями,
Как под вешнею зарею, розы...
Это нового встречают
Председателя колхоза...
Мама, милый снова с нами!

О КОЛХОЗЕ

Стыдно вам, колхозники!
В помощи нуждаетесь,—
Вы ведь — отстающие.
Школьники из Грозного,
С „Молота“ рабочие
К вам идут на помощь.
Дружно соревнуйтесь
На поле в работе,—
Девушки с мужчинами
Дружно соревнуйтесь.
Каждая бригада
Вызывай соседнюю.
Осень подошла к нам
Сытая, хорошая...
Мы к зиме готовиться
Дружно все должны теперь...
Как бы было весело,
Если б с Саидом
Вместе мы учились?
В будущем году я
Догоню Саида
И во всех науках.

СПЕШИ, МОЯ СЕСТРИЧКА

Любят все дети Саида Ахмада.
Он второклассников грамоте учит.
Любят все дети Саида Ахмада.
Девочки учатся очень охотно.
Любят все дети Саида Ахмада.
Вот у него бы я тоже училась!
Как бы мне весело было там с ними!
Гулом уроков гудела бы школа.
Умный скользил карандаш бы в тетради,
Как бы мне весело было с ними!
Ну, собирайтесь скорее, сестрички!
В школу скорее пойдем мы учиться!
Выйдем на свет из всегдашнего мрака.
Весело, весело в школе советской!
Людям наука умы развивает,
Неучи ж вечно бродят во мраке,—
Мрак не спасет от неволи и горя.
Ну, поспешим же в школы, сестрички!
В школе нас учат советским наукам,
Весело в школе советской учиться.
Как бы мне весело было с ними —
В классе втором у Саида Ахмада!
Ну-ка, колхозники!
Бейте в ладоши!
Танец начнем мы!
Ла-ла-ла! Ла-ла!

ВЫХОДИ ЗА МЕНЯ

Бежать за тобой, как за горною серной,—
Не советуй мне.
Добыть тебя, девушка, саблею верной,—
Не советуй мне.
С тобой проститься в печали безмерной,—
Не советуй мне.
Выходи за меня, если любишь меня,
Девушка!

Баранов пригнать необъятное стадо
Не требуй ты.
Кармана большого, богатого клада
Не требуй ты.
Для нашей любви нам калыма не надо,
Не требуй ты!
Выходи за меня, если любишь меня,
Девушка!

Никчемных адатов мы скинули бремя,
И горы — в цвету.
Настало в аулах колхозное время,
И горы — в цвету.
Цветет молодое, веселое племя,
И горы — в цвету.
Выходи за меня, если любишь меня,
Девушка!

Везде, где ты будешь, я буду с тобою,
Любимая.
Пойдешь по горам,— побегу я рекою.

Любимая.
Пойдешь по долине,— я стану травою,
Любимая.
Выходи за меня, если любишь меня,
Девушка!

АВТУРИНЦАМ

Как у вас дела идут
С новыми хлебами?
Очень недовольны мы,
Автуринцы[15], вами!
Мало ярости у вас
В полевой работе!
Вы неважную, друзья,
Жатву соберете!

Припев:

Ва-лай-ла, Я-ла-лай-и-и...

Пользы в пахоте такой,
Автуринцы, мало!
Вы работали, друзья
Автуринцы, вяло!
Вы примите наш совет —
Помните о сроках!
И пройдитесь по полям
Вспашкою глубокой!

Припев.

Чтобы труд ваш полевой
Не пропал без толку,
Автуринцы, во-время
Делайте прополку!
Вам поссориться пора
Со старинной ленью,
Скоро снежная зима
Явится в селенье!

Припев.

Автуринцы, как мелка
Ваша кукуруза!
И не стыдно вам, друзья,
Перед всем Союзом?
Автуринцы, что же вы?
Даже нам неловко!
Где же гордость пахаря,
Где его сноровка?

Припев.

Автуринцы, честный труд
У страны в почете!
Ну, когда же вы большой
Урожай сберете?
Нам стыдиться нечего
Перед всем Союзом!
Тяжела, увесиста
Наша кукуруза.

Припев.

Автуринец, не ленись,
Хватит бить баклуши!
Автуринец, не ленись,
Слово дружбы слушай!
Если дальше так пойдет,
Автуринец, слушай —
Как ты будешь зимовать,
Что ты будешь кушать?

Припев.

Подучились бы у нас,
Автуринцы, право!
Легче птицы полетит
По аулам слава!
Надо вам свои поля
Привести в порядок.
После трудового дня
Отдых вдвое сладок!

Припев.

Вы подумали о том
Разве, автуринцы,
Что не вечно будем мы
В ваших пашнях рыться?

Вы безделие свое,
Автуринцы, бросьте!
Ведь на вашем поле мы —
Временные гости!

Припев.

Вы страдаете, друзья,
Вечною зевотой!
Дайте нам ответ прямой,
Но ответ работой!
Распрощайтесь поскорей
С ленью и покоем!
И тогда своих похвал
Мы от вас не скроем!

Припев.

Девушка, танцуй, танцуй
Танец легкий, дробный!
Легче ветра пробеги
По поляне ровной!
Мы работаем не так,
Как соседи наши!
Хороши у нас хлеба,
Хорошо и пляшем!

Припев.

Ты в Автуры нас привел
В день веселый, ясный.
Что ж, спасибо, бригадир,—
О, Шамиль[16] прекрасный!
А сейчас ты поведи
В Герменчуг[17] бригаду!
Знают лодыри теперь,
Как работать надо!

Припев.

Автуринцы, убран хлеб!
Мы убрали скоро!
Радуйтесь, вы спасены
От клейма позора!
Автуринцы, нам пора
И домой собраться.
Вам желаем от души
С ленью поругаться!

Припев.

ЮНЫЙ АЛИ

Как заря прекрасен
Мой любимый
И как месяц ясен
Мой любимый.

Или мне просто кажется это
Из-за дневного яркого света.
Скажи мне, Али?

Человек серьезный
Мой любимый:
Бригадир колхозный
Мой любимый!

И потому-то мне месяцем ясным,
И потому-то мне солнцем прекрасным
Кажется юный Али!

Всех способней в школе
Мой любимый!
Всех проворней в поле
Мой любимый!

Или мне просто кажется это,
Сердце, быть может, мое задето.
Скажи мне, Али?

Честен и бесстрашен
Мой любимый.
Орденом украшен
Мой любимый!

И потому-то мне месяцем ясным,
И потому-то мне солнцем прекрасным
Кажется юный Али!

ПРОЗА

СКАЗКИ

ХИТРОСТЬ МУЖА И ЖЕНЫ

Глава первая

Много лет тому назад родственники выдали замуж девушку за нелюбимого человека. Они не любили друг друга, не хотели работать, запустили свое скудное хозяйство и потому-то и жили бедно.

„При моей бедности мне трудно будет жениться на другой“,— думал он и ждал удобного случая.

Точно так же думала и жена его:

„Положим, я уйду от него и выйду за другого, а тот окажется хуже этого. Что тогда мне делать? Ведь у чеченцев считается позорным не уживаться с мужем и стыдно оставаться девушкой“.

Детей у них не было, с каждым днем жизнь становилась

тяжелее и беднее. Муж все время думал о других женщинах, а жена думала о других мужчинах; так жили они долгое время.

При этом муж изменял жене, а жена изменяла мужу. Оба они были хитрые, умели выходить из самого тяжелого положения.

Как-то жена пошла в дом своего отца на побывку. Недалеко от отцовского дома жил друг ее мужа. Она пошла к нему повеселиться. Этот друг ее мужа был человек очень веселый и в то же время очень хитрый.

Он сказал жене своего друга:

— Твой муж, как видно, один дома. Сегодня ночью мы с тобой его обманем. По соседству со мной живет вдовушка, которая никого не стесняется. Мы ее вызовем сюда и сговоримся с нею.

Сказав это, он сейчас же пошел к вдовушке, привел ее к себе домой и в присутствии жены своего друга сказал ей:

— Муж этой женщины сегодня дома один; пойди к нему и спроси: „Дома ли твоя жена? Я к ней, мол, имею дело". Нужно сделать это так, будто ты в самом деле имеешь дело. Я не сомневаюсь, что он сейчас же начнет приставать к тебе. Ты не отвергай его, назначь ему время свидания и вернись к нам. Тогда я переодену его жену в твое платье и пошлю к нему вместо тебя. За это дело я тебя вознагражу деньгами. Нам это доставит большое удовольствие...

Он дал вдовушке денег и отправил ее к своему другу.

Подойдя к крыльцу, вдовушка постучалась.

— Эй, выйди-ка на крыльцо! — крикнул хозяин дома жене, думая, что та дома, и, закручивая усы и гладя бороду, выскочил из комнаты на крыльцо.

Вдовушка, увидев его, нарочно поправила головной платок.

Чем более приближался он к ней, тем более радовался женщине, от радости сильнее билось сердце. Вдруг в голову ему пришла мысль: „Надо попытаться поухаживать за ней, с нею можно говорить; она, как увидела меня, поправила головной платок, а это у чеченцев означает только одно: если женщина, увидев мужчину, поправляет что-либо на своем платье, то это — первый признак, что любит мужчин... А ну-ка начну!.."

И, подойдя, он очень вежливо поздоровался с нею и мягко сказал ей:

— Жена моя ушла в дом отца своего и ее нет здесь; по доброй ли воле ты пришла? По нужде ли ты пришла? Чем могу помочь? Дело твое могу выполнить и я.

Вдовушка ответила ему:

— Если бы была дома твоя жена, я бы к ней имела дело, ее нет дома, а с тобой говорить о своем деле неудобно.

Чтобы затянуть с ней разговор, он сказал:

— Что значит говорить со мною о деле неудобно? Мне можно говорить, какое бы важное и большое ни было дело. Я все

могу сделать; кроме того, я — верный человек и никому ничего не расскажу.

Вдовушка ответила:

— Правда ли, что ты такой верный человек? Если бы ты был на самом деле таким мужчиной, ты бы не прозябал с одной этой старушкой-женой!

„Чеченских женщин деньгами не подкупишь,— подумал он,— а с тобою теперь я поговорю".

И обрадованный, обнадеженный, он продолжал:

— Клянусь тебе, что я женюсь еще на другой и люблю женщин, но женюсь только на такой интересной, как ты... Ты меня упрекаешь в том, что я прозябаю с одной старушкой-женой, а сама ты ходишь вдовушкой... Пропадает у тебя и молодость, увянет и красота... Почему не выходишь замуж?

Вдовушка, прихорашиваясь, сказала:

— Меня никто не берет, поэтому я сижу дома. Кому, ты думаешь, я нужна?

— Тогда выходи за меня! Разве не хочешь выйти за меня?

— Тебе не нужна жена, у тебя есть жена, она лучше меня,— сказала вдовушка.

Наконец, он сговорился с нею о свидании, и вдовушка согласилась, сказав ему:

— Я сегодня ночью приду к тебе, когда все лягут спать, но смотри, чтобы свету нигде не было, а то узнают все про наши делишки; кроме того, знай, что долго быть с тобой тоже не смогу.

Сияющий от радости, протирая глаза от удовольствия, вернулся он к себе. Вдовушка же всю дорогу хохотала и, придя к себе, все подробно рассказала его другу и жене. Они вместе решили переодеть его собственную жену в платье вдовушки и направить вечером к нему.

Он с нетерпением ждал вечера; день этот ему казался длинным, как целый год; он волновался и беспокоился, как курица, потерявшая свое гнездо, куда она кладет свои яйца. Все время он ходил по двору, пока, наконец, наступил желанный вечер.

„Вот-вот,— думал он,— удочка моя поймает рыбку",— и в то же время думал: „А чем бы ее угостить? Что бы ей такое подарить?" Наконец, он решил подарить вдовушке ту материю, которую он купил недавно жене своей на платье.

В то самое время раздался стук в окно: у окна остановилась его жена.

Сидевший в темноте муж быстро вышел к ней навстречу и, приклонившись к уху, тихо сказал:

— Не бойся, заходи... в комнате, кроме меня, никого нет...

Молча, не говоря ни слова, шурша шелковым платьем, зашла в темную комнату его жена, которую он принимал за вдовушку. Он ластился к ней, как ребенок к матери, возился с нею, душа у него, как говорят, „вышла из рук".

Из осторожности жена не долго сопротивлялась: он мог узнать ее, а потому она легко отдалась ему. Муж никогда с таким удовольствием и наслаждением не лежал рядом с ней и не возился так с женой.

Тихим голосом жена ему сказала на ухо:

— Я боюсь дольше оставаться, отпусти меня скорее домой.

„Пусть уходит себе, теперь можно и отпустить ее“,— подумал он, утомленный ее ласками.

Он подошел к ней и сказал тихим голосом на ухо:

— В знак того, что тебя я больше люблю, чем жену свою, дарю тебе вот эту материю, которую я купил для жены на платье.

Передавая материю ей в руки, он с наслаждением поцеловал ее и проводил со двора.

Жена, смеясь, в эту же ночь пошла к другу своего мужа, где ждала ее вдовушка.

Преподнесенную мужем материю она подарила вдовушке; рассказала все подробности; не ложась спать, весело провела она с другом мужа ночь и громко смеялись. Все трое условились никому об этом не рассказывать.

На второй день муж ее, проснувшись, решил навестить своего друга.

„Пойду к нему посидеть, поболтать и повеселиться,— подумал он,— посмотрю, как мой друг“...

А друг его, как будто бы ничего не знает, спросил его:

— Как поживает жена твоя и дома ли она?

Тот ответил:

— Жены моей нет дома: уже третий или четвертый день, как она находится в доме отца своего.

Друг сказал ему:

— Мне кажется, что ты постарел, ибо твоя жена часто ходит в дом отца, да и не скоро возвращается оттуда.

— Эх, друг мой! Не говори так. Я и без жены не плохо живу. Я, брат, бываю с полненькими вдовушками! Пусть это останется между нами! Смотри, никому не рассказывай. Такой вдовушки, которая у меня была вчера, ни в одном доме я в жизни не встречал! В нашем ауле такой женщины нет! Никогда я не имел дело с женщиной с таким хорошим телосложением: ее нельзя сравнить ни с моей женой и ни с твоей женой...

Друг его спросил:

— Правда ли все то, что ты рассказываешь? Ты же некрасив, немолод, не к чему такой интересной вдовушке ходить к тебе.

Он ответил:

— У чеченцев есть пословица: „Бывают люди старо-молодые и молодо-старые“... И еще: „Для любви не нужна красота, и когда сильно захочешь спать, не нужно и подушки“. Так и со мною; я имею влагу сладкую, и вдовушка меня очень любит, мой друг!

Поговорив об этом много и долго, они разошлись.

Пробыв пять-шесть дней вне дома, жена вернулась к мужу. Муж притворялся, что он очень рад возвращению жены, а жена, словно ничего не знает, взялась за свои дела. Вдруг спросила мужа:

— Слушай, куда делась та материя, которую ты мне купил на платье? Я ищу, ищу и не нахожу ее в комнате!

Муж ответил:

— Как-то я запер дверь на замок и пошел в мечеть помолиться. Вернувшись домой, нашел замок отомкнутым, а в комнате нехватало моего башлыка и материи, которую я тебе купил на платье... Словом, ты о материи не беспокойся, я тебе куплю другую материю на платье...

— Ну, что же делать? Пропало, так пропало! Это неважно, лишь бы тебя не потерять, а остальное все можно вытерпеть,— сказала жена.

Этот свой разговор с мужем она подробно передала другу своего мужа. Тот сейчас же позвал вдовушку и сказал ей:

— Завтра в нашем ауле базар. Ты нарочно вынеси на базар ту материю, которую мы получили от мужа этой женщины и подарили тебе, и делай вид, что ее продаешь.— И, обращаясь к жене своего друга:— А ты со своим мужем приходи на базар покупать себе материю на платье взамен пропавшей. На базар приду и я, и там встретимся все вместе.

Сговорившись на этом, они разошлись.

Жена пришла домой и сказала своему мужу:

— Завтра у нас базар, пойдем на базар, и если ты согласишься — купи мне материю на платье!

Муж ответил:

— Пойдем на базар и во что бы то ни стало купим тебе материю на платье.

Утром муж с женой пошли на базар. Жена сказала мужу:

— Мне очень нравилась та пестрая материя, которую ты мне купил и которая пропала; постарайся и на сей раз купить мне материю подобного цвета, если найдешь.

Когда они подходили к базару, то их догнал их друг, который тоже шел на базар. Друг спросил:

— Зачем идете на базар? Что вам тут делать?

Муж ответил:

— Думаем купить жене материю на платье, потому и пришли на базар.

Жена обратилась к другу мужа и сказала:

— Молодец, пойдем вместе пройдемся по базару и поищем мне материю на платье!

Они встретили вдовушку, которая держала в руках материю. Муж, увидев материю, моментально свернул в другую сторону и сказал:

— Что такое? Кажется, там где-то меня зовут! Я пойду туда и вернусь!

— Подожди-ка! Посмотри на ту материю, которую держит вот эта женщина! Как эта материя похожа на нашу, которая у нас пропала из дому...

— Да это моя соседка! Вдовушка! Пойдемте! — сказал друг, и они подошли.

Когда ты должен кому-либо деньги и у тебя их нет, чтобы расплатиться, то не с особенным удовольствием идешь в дом, где можешь встретить человека, которому ты должен. В таком состоянии духа, с трудом волоча ноги и не находя ни одной причины, чтобы отойти от них, подошел он вместе с ними к вдовушке.

Он притворился, что не знает ее; смотрел по сторонам и был так растерян, что каждый человек, который мог бы видеть его в это время, догадался бы, что он провинился, что он натворил что-то. Он вел себя так, как будто бы его поймали на месте преступления в чужом курятнике.

Зная это, жена и его друг спокойно затягивали дело и торговались с вдовушкой, споря о цене.

Муж не раз обращался к жене:

— Не торгуйся! Скорее покупай! Лучшей материи не найти тебе!..

Жена сказала мужу:

— Вдовушка очень дорого просит за материю; а ты, кажется, подобную материю купил гораздо дешевле... Впрочем, мне кажется, что эта материя и есть наша пропавшая; или же эта вдовушка украла ее у нас, или же она перекупила ее у другого вора...

Тогда вдовушка с деланной грубостью обратилась к жене:

— Женщина, так говорить нельзя! Я не воровка! Может быть, эту материю мне кто-то подарил? Неужели только у тебя может быть такая материя?

Чтобы не дать повода для спора, муж быстро полез в карман, не торгуясь, расплатился с вдовушкой, и вернулись домой.

Они оба знали, что они неверны друг другу, а между тем жили вместе и продолжали друг другу изменять.

Муж, зная, что жена его изменяет ему, подумав, решил:

„Завтра выеду из дома, а потом ночью неожиданно вернусь домой и послушаю через окно: тогда точно узнаю, что она делает втайне от меня и с кем она гуляет".

Однажды он сказал своей жене:

— Жена, будь на-чеку, стереги наш дом. Я уезжаю по делам и приеду только через пять-шесть дней...

— Пожалуйста, человек, скорее возвращайся, а то мне скучно без тебя дома! — сказала жена.

Жена же без него не скучала дома, наоборот — радовалась и веселилась, когда он уезжал.

У нее был любовник, живший по соседству. После отъезда мужа она пошла по воду и, встретив по дороге своего любовника, сказала:

— Этот чурбан — мой муж — уехал, приходи ночью ко мне.

Когда все люди легли спать, неверный сосед стал подкрадываться к своей любовнице, как волк к баранте. У любовницы была пегая собака, которая на эту ночь осталась без ужина, так как хозяйка в ожидании любовника была не в себе и забыла накормить ее. Собака со зла не подпускала любовника во двор, сильно лаяла.

Не зная, как поступить с собакой, любовник вернулся домой, украдкой вошел в дом свой и тайком от своей жены второпях (расщедрившись для любовницы) схватил большой кусок мяса весом в восемь-девять фунтов и незаметно для жены выскочил во двор.

Сосед действовал энергично, словно на свадьбе брата: как только собака любовницы выбежала на крыльцо, любовник бросил ей большой кусок мяса, и собака утихла, как утихают лягушки, когда ударяешь по воде палкой.

Легкими шагами, быстро, как вор, подбежал сосед к окну любовницы и постучал. Несмотря на то, что мужа не было дома, хозяйка с удовольствием приняла гостя.

Собака грызла мясо и кость и думала: „Побольше таких гостей, на них можно и не лаять", и, считая себя счастливее тех двух, любовника и любовницы, вела себя так тихо, как они: боялась соседних собак, как бы они не обнаружили мясо.

Любовница сделала тонкие пироги с творогом, полила их горячим маслом, весьма любезно ухаживала за гостем. „Теперь муж не приедет" — подумала она и обрадовалась. „Теперь хозяин не приедет",— подумал любовник и, почувствовав себя свободным, разделся.

Насладившись как следует, утомленные, они принялись за пироги. Ели они со вкусом и не торопились.

— Какие вкусные твои пироги,— сказал любовник хозяйке.

— Как им не быть вкусными,— ответила хозяйка.— Я знала, что ты придешь, и, приложив все усилия для тебя, от души работала. Даже бедную собаку свою оставила без ужина и не накормила ее, забыв о ней, ибо вся я ушла в тебя.

— О собаке не беспокойся,— сказал любовник,— ее я как следует накормил большим куском мяса.

Хозяйка очень обрадовалась этому и сказала:

— Что ты скажешь своей жене, если она все это узнает? И как она поступит с тобой? Что твоя жена будет кушать?

Сосед на это ответил ей:

— От этого я выкручусь, найду причину... Жена пусть кушает хоть яд, лишь бы ты жила для меня...

В это самое время легким кошачьим шагом подбирался к дому муж.

До сих пор собака его, когда он возвращался домой, бросалась к нему навстречу и ласкалась, а теперь ее и не видно, а потому он подумал: „Вероятно, ее кто-нибудь убил",— стал

ходить по двору и искать ее. В углу своего двора он увидел свою собаку за большим куском мяса. Скаля зубы, она готова была броситься на него с лаем.

— Да накажи тебя бог! Ты и на меня готова броситься? Откуда же это мясо тебе досталось?— И про себя подумал: „Тут что-то неладное". Подумав так, он пошел к окну своего дома, тайком посмотрел и увидел, как там... В светлой комнате они вдвоем сидели и вкусно ели. Хозяин смотрел и думал: „Люди, которым нет дела до других, говорят, что нельзя разбивать красивые минуты какой-нибудь пары людей — мужчины и женщины... но не стоять же мне до утра на дворе!"

Он постучал в дверь и крикнул:

— Эй, жена, проснись! Слышишь?

Жена, узнав голос мужа, убрала пироги и привела комнату кое-как в порядок; любовника спрятала в большой глиняный кувшин, а чувяки любовника забыла убрать; сама же быстро оделась.

Муж, видя, как долго она возится, постучал в дверь еще раз со словами:

— Эй, открой, что ты так крепко спишь? Это я приехал!

Тогда жена потушила свет и, словно со сна, ответила:

— Кто стучит? Мужа моего нет дома? Без мужа я не имею права впустить гостя в свой дом!

— Жена, это приехал я!— сказал муж таким тоном, словно ни в чем не подозревает ее.

— Ой, ой! Это ты? Как хорошо, что ты приехал! Я спала и видела во сне, что тебе в дороге не повезло... Очень беспокоилась... Видишь? Сильно сердце мое билось из-за тебя,— говорила она, открыв двери. Она крепко обняла мужа, а муж, как будто бы ничего не знает, сказал:

— Да, жена, я вернулся домой, ибо скучал по тебе! Без тебя мне скучно!— и вошел с такими словами в комнату.

Когда вошли, муж говорит жене:

— Нужно зажечь нашу лампу. Я до того голоден, что если не покушаю, то я спать не смогу.

— Тебя не было дома, то я и не зажигала лампы... Рано легла спать. Но где наши спички?— Она стала искать спички, как будто бы она не знает, где они, но взяла их оттуда, куда недавно положила, и зажгла лампу.

Муж, будто бы ничего не знает, просил:

— Приготовь покушать: я голоден до смерти!

Жена обрадовалась, что она так удачно выходит из положения.

Сердце коварного соседа, спрятавшегося в глиняном кувшине, билось, как у мыши, попавшейся в мышеловку. Дышал он слабо, как умирающий человек. „Вот-вот что-то случится со мною,— думал он.— Если я выйду невредим из этого положения, то никогда не повторю этого; не кашлять кое-как я могу, а вдруг захочется чихнуть. Что будет тогда со мною?.."

Пироги, которые были приготовлены любовнику, жена подогрела и подала мужу.

И опять, словно ничего не зная, муж говорит:

— Какие вкусные твои пироги, моя жена! Как ты их сделала? Ведь у нас не было ни масла, ни муки, ни творогу?

Говоря так, он повернулся спиной к глиняному кувшину, где находился любовник, и стал кушать пироги.

— Да,— говорит жена,— у меня не было возможности их делать, но я хранила немного продуктов для гостей. А сегодня ведь вечер пятницы, и ты выехал в дорогу, то, чтобы раздать милостыню сиротам и бедным, я сделала пироги, большинство раздала, а оставила немного себе. Но не было желания кушать и оставила их, и что же оказывается: предначертанием бога они были предназначены тебе. Мы, жены, все несчастные, когда мужья уезжают куда-либо, мы и кушать не можем, у нас же, у чеченцев, есть пословица: „Если мужа нет дома, через трубу дома идет дым, значит — жена плохая".

— Я вижу, что ты голоднее меня. Подойди и садись, вместе покушаем,— сказал муж своей жене и заставил ее сесть с собою.

Во время еды, как будто бы невзначай задев локтем глиняный кувшин, он сказал:

— Не на удобном месте стоит кувшин, надо его сегодня же убрать куда-нибудь!..

После таких слов сердца неверного соседа в кувшине и хозяйки бились, как у пойманных воробьев. Жена ответила:

— Да, правда: кувшин нам мешает; когда ляжешь спать, я его сейчас же уберу.

Муж сказал ей:

— Ты одна с ним не справишься; кувшин очень тяжелый; я тебе помогу, и мы вместе с тобою уберем его. Жена, ты знаешь, почему я вернулся с дороги домой?— сказал муж жене.— Как тебе известно, мы с тобой с каждым днем становимся все беднее и беднее. По дороге я встретил одного глубокого старика и спросил его: „Не знаешь ли человека, который хорошо гадает и правду говорит? Я хочу избавиться от бедности, которая преследует меня"...

Он указал на старушку. Женщина эта, оказывается, на самом деле хорошо умела гадать и говорила правду. Как только я вошел к ней, она, знаешь, что мне сказала?

„Ты — бездетный и с каждым днем беднеешь".

Я тогда обратился к ней с просьбой:

„Погадай мне, старушка! Что делать, чтобы иметь ребенка, и как разбогатеть? За это я заплачу тебе сколько следует".

Тогда она начала произносить божьи имена и бросать камушки на пол и в конце концов мне говорит:

„Я могу тебя обрадовать, у тебя будет сын и ты разбогатеешь".

Я сейчас же достал три монеты, дал ей и сказал: „Пожалуйста, старушка, расскажи мне скорее, как это можно сделать? Я даже предам огню свой дом, если ты скажешь"...

Тогда старушка начала говорить:

„Сейчас же вернись с дороги и поезжай обратно. У вас дома, кажется, имеется глиняный кувшин. Положи подушку около этого кувшина и ложись спать. Предмет, который ты увидишь во сне, что бы это ни было, возьми и пойди на базар, продай эту вещь и на вырученные деньги купи одну черную курицу, больше ничего не покупай; доставь эту курицу домой, зарежь ее и только вдвоем с женой покушай ее; тогда у вас будет сын и разбогатеете так, что все удивятся вашему богатству..."

Рассказывая так жене, муж скушал все пироги. Жена его и сосед, находящийся в глиняном кувшине, внимательно его слушали и думали:

„О боже! Избави нас в последний раз от этого несчастья! Клянемся — больше этого не повторим!.."

Муж, наевшись, стал ходить по комнате взад и вперед и увидел в темном углу комнаты чувяки соседа, находящегося в глиняном кувшине.

Незаметно для жены он взял чувяки и спрятал их в другом месте.

— Человек, ты устал с дороги! Я думаю постлать тебе постель в другой комнате, на нарах,— сказала жена мужу.

Муж ответил:

— Чтобы проверить слова старухи-гадалки, я хочу лечь спать так, как она советовала: около глиняного кувшина. Я посмотрю, что мне приснится во сне?

Делать было нечего, пришлось жене нехотя постлать мужу около глиняного кувшина, закрыв горлышко кувшина подушкой.

Муж прочел молитву и, как будто ничего не замечая, лег спать.

Муж храпел, притворяясь крепко спящим. И сквозь сон что-то бормотал.

Часа через два муж поднялся, разбудил свою жену и сказал ей:

— Ну, вставай, жена! Я видел очень интересный сон. Теперь я должен торопиться на базар...

— Да пусть бог даст хорошее! — произнесла жена и встала с постели.

— Жена,— обратился муж,—я думаю, что будет все так хорошо, как сказала мне старуха-гадалка. Я видел во сне вот что: этот глиняный кувшин весь был наполнен золотом, около него стояла ты и держала за руку маленького мальчика. Когда я хотел взять золото из кувшина, то кто-то мне сказал: „Хотя кувшин принадлежит тебе, но золото это принадлежит мне; если

хочешь — продай мне кувшин, а все золото оставь себе". Теперь я знаю, что старуха-гадалка была права и что все сказанное ею сбудется. Скорее достань мешок, чтобы завязать горлышко кувшина, и веревку, чтобы привязать кувшин мне на спину. Надо пойти на базар и продать глиняный кувшин...

Жена в беспокойстве сказала мужу:

— Человек, неужели ты веришь словам гадалки? Зря ты затеваешь дело. Во-первых, у нас нет больше кувшина, чтобы держать воду; во-вторых, тебе, как мужчине, неудобно перед знакомыми ходить на базар с глиняным кувшином на спине: тебя все считают за порядочного мужчину...

— Не говори мне этого, жена моя! Я верю гадалке. Мне только стыдно быть бедным, другого я ничего не стесняюсь; продавать свой собственный кувшин не стыдно, стыдно красть чужое; по этому поводу у нас, у чеченцев, есть пословица: „Лучше овчина, чем стыд... Никогда не пропускай полезного, стыдясь чего-либо". Или другая: „Некто как-то доил корову, не имея жены дома. Подошел к нему другой мужчина и говорит ему: „Как тебе не стыдно доить корову!", а некто ответил: „Я не то что не стыжусь доить корову, а наоборот: боюсь, что как бы корова не перестала давать молоко"...

Жена тогда убедилась, что муж бесповоротно решил пойти на базар продавать кувшин, и сказала ему:

— Пойди в другую комнату и оденься, а я за это время завяжу горлышко кувшина и приготовлю веревку.

Муж хорошо понимал жену, а потому ответил ей:

— Ты, как видно, хочешь затянуть дело, а мне надо торопиться. Скорей давай сюда мешок и веревку! Мы вместе сделаем все; это будет скоро и хорошо.

— Что же с тобой делать; ты, как видно, уже решил пойти на базар сегодня,— сказала жена и, закрыв горлышко кувшина мешком, обратилась к мужу: — Иди сюда и завяжи горлышко!

Муж завязал горлышко кувшина так крепко, что только он один мог его развязать, и пошел в другую комнату переодеваться. А жена его ходила вокруг кувшина, как курица вокруг своего курятника.

Незаметно для мужа жена его подошла к кувшину, где находился ее любовник, и тихим голосом сказала ему:

— Не теряйся и не пугайся, сиди и молчи. Если случайно он тебя обнаружит по дороге на базар и спросит тебя, кто ты такой, то ты ему ответь: „Я тот вор, который, когда не было дома твоей жены, украл из вашего дома башлык и материю".

Сосед, который много видел видов и не раз попадал в тяжелое положение, сразу понял, в чем дело, и облегченно вздохнул.

Подняв глаза кверху, любовник из кувшина сказал своей любовнице:

— Мне хочется кашлянуть и чихнуть. Как только я начну кашлять и чихать, то ты делай то же самое...

Как только он кончил слова свои, он, с трудом удерживаясь, начал громко кашлять и чихать. Любовница также стала кашлять и чихать вместе с ним.

Муж, находящийся в другой комнате, как хитрый человек, отлично знал, почему кашляет и чихает его жена.

Муж переоделся, вернулся и обратился к жене:

— Что ты так кашляешь и чихаешь?

Жена ответила:

— Когда тебя не было дома, я ходила по аулу и раздавала милостыню за удачный приезд твой и там, как видно, простудилась...

— Бедная жена,— сказал муж,— за один день моего отъезда сколько несчастий постигло тебя из-за меня! Ты на самом деле хорошая жена! Мы скоро разбогатеем и будем жить счастливо...

Сказав так, он начал торопиться:

— Ну, жена, мне некогда! Надо трогаться...

Он взял за концы веревку и стал с помощью жёны поднимать кувшин, чтобы перекинуть на спину.

— Какой он тяжелый, что с ним?— спросил он. Жена ответила:

— Как не быть ему тяжелым: он же сделан из глины, и сколько времени стоит он у нас? Ты не помнишь, когда мы его на базаре купили? С трудом мы с тобой вдвоем его подняли!..

Легко ли, трудно ли, кувшин был поднят и положен на спину мужа. Когда муж с кувшином на спине стал выходить из комнаты, жена вслед ему сказала:

— Да осчастливит бог твою дорогу, да будет благотворной и твоя покупка!

Еще до рассвета он с кувшином за спиной тронулся на базар в чужой аул. Пройдя большое расстояние, он устал, сел отдохнуть, стал обдумывать и разбираться во всем случившемся.

В это время догнал его другой человек, который нес на спине ящик с медом на базар продавать.

Он сказал ему приветствие и рядом с ним сел. Оба стали задавать друг другу вопросы и разговорились; друг друга они не знали, ибо виделись первый раз в жизни.

Человек с медом был человек, легко веривший всему; верил всему, что ему говорили.

Человек с кувшином задал ему вопрос:

— Что у тебя в ящике? Куда ты собрался итти?

Человек с ящиком меда ответил:

— В ящике у меня мед. Иду на базар продавать его. Пойдем с тобой вместе на базар и будем помогать друг другу в дороге... А что у тебя в кувшине?— спросил он у другого.

— У меня тоже в кувшине мед. Несу на базар продавать,— ответил человек с кувшином.

— Хорош ли твой мед? Можно ли посмотреть мед?

Человек с кувшином ответил:

— Мед — самый лучший, лучшего быть не может. Только мы с женой вдвоем крепко завязали горлышко, чтобы случайно не разлить его, и очень трудно будет его развязывать... Давай-ка лучше посмотрим твой мед, и тогда я скажу, чей мед лучше.

Тогда человек открыл крышку ящика и показал свой чистый, белый мед. Посмотрев на мед, человек с кувшином обрадовался случаю и сказал:

— Можно сказать, что и твой мед приблизительно такой же хороший, как и мой.

— Возьми покушай и скажи, как он по вкусу?— сказал человек с ящиком и протянул большой кусок меду.

Человек с кувшином молча скушал весь мед, преподнесенный ему, и потом, поблагодарив его, сказал:

— Мед мой, который находится в кувшине, я взвесил дома: он весит ровно четыре пуда и тринадцать фунтов. Теперь мне в голову пришла одна мысль: так как твой мед тоже такой же хороший, как и мой, то взять у тебя фунта три меда и продать на базаре со всем моим кувшином, не развязывая его, а только указывая на твой мед; скажем, что, мол, мед в кувшине такой же, как этот. Если найдется покупатель, который будет покупать мед оптом или в розницу, то скажем, что развязывать горлышко очень трудно...

— Это будет очень хорошо,— сказал человек с ящиком и дал ему три фунта меда, сказав, что деньги можно заплатить на базаре, где будет известна цена на фунт меда.

Один фунт из этого меда человек с кувшином положил в чашку, которая у него висела сбоку, а остальные два фунта в тот момент, когда человек с ящиком отошел в сторону, размазал по мешку, которым было завязано горлышко кувшина.

Как несчастный волк, намеревавшийся напасть на баранту, а вместо этого попавшийся в капкан, так сидевший в кувшине неверный сосед языком начал лизать мед, сочившийся в кувшин через мешок.

— Теперь мы хорошо отдохнули. Давай тронемся в путь и помоги мне положить кувшин на спину,— сказал человек с кувшином. С помощью попутчика кувшин подняли и привязали на спину хозяина.

— Я ручаюсь, что в кувшине меду будет не меньше пяти пудов,— сказал человек с ящиком.

— Сегодня, наверное, мне повезет в торговле, ибо я встретился с тобой и ты на вид — очень хороший человек,— говорил он человеку с ящиком, желая польстить ему своей хвалой.

Утром, когда солнце еще не так высоко поднялось, они дошли до базара и устроились рядом с другими, приехавшими на базар продавцами меда.

Мед, который находился в чашке, он положил на горлышко кувшина своего и стал ожидать покупателей.

Покупателям, которые подходили торговаться, человек с кувшином говорил:

— Мед мой такой же, какой вы видите в чашке... В розницу не продаю. Продаю только весь кувшин с медом. Кто же хочет меду меньше, обратитесь к моему товарищу, он будет продавать и фунтами...

Говоря так, человек с кувшином надеялся обмануть людей.

В этот день на базар приехал один богач с кадушками, чтобы купить побольше меду. Он подходил ко всем, кто продавал мед, и говорил:

— Если вы продадите мед по цене сносной, то я заберу весь ваш мед.

Таким же образом он подошел и к хозяину кувшина, говоря:

— А ну-ка, развяжи-ка горлышко кувшина, посмотрим, какой твой мед?

— Мой мед точно такой же, какой ты видишь в чашке. Не видишь разве, как он просачивается через мешок?

Окружающие тоже подтвердили, что мед очень хорош и смотреть, мол, не стоит.

Чтобы окончательно убедить богача, хозяин кувшина обратился к богачу и добавил:

— Если ты хочешь во что бы то ни стало посмотреть мой мед в кувшине, я развязывать горлышко не стану, ибо мне трудно ежеминутно для каждого покупателя развязывать и завязывать горлышко, но чтобы избавиться от лишней работы, я разрежу мешок кинжалом и покажу тебе мед.

Говоря это, он схватился за кинжал. Но богач и окружающие люди закричали в один голос:

— Не надо, не надо, не стоит резать и портить мешок!

Богач заплатил хозяину кувшина деньги как за мед, так и за кувшин, положил кувшин с трудом на арбу и поехал домой.

— Сегодня мне очень повезло,— сказал хозяин кувшина. Он прошелся по базару, купил себе черную курицу, другие необходимые вещи и, радостный, вернулся домой.

Когда он пришел домой, то застал жену неверного соседа и свою жену грызущимися, как собаки.

Хозяин кувшина спросил у жены неверного соседа:

— Что тебе надо, чего ссоришься?

Жена неверного соседа ответила:

— Я прошу не пускать собак по чужим дворам и держать их у себя дома. Вчера ваша собака утащила из моего дома большой кусок мяса... Видишь вот эту кость?— и показала на большую кость, которую глодала собака.

Хозяин кувшина сказал ей:

— Тебе с женой моей не стоит ссориться. Потерянного не вернешь; я за ваше мясо заплачу. Ты пойди домой и пришли своего мужа; мы с ним поговорим и покончим это дело. Иди, я ему заплачу стоимость мяса.

Жена неверного соседа ответила:

— Если заплатишь — хорошо, но мужа моего нет дома. Он уехал на базар за долгом своим. Должник его обещал быть на базаре и уплатить долг.

Сказав это, она ушла к себе домой.

Когда муж и жена вошли в свой дом, жена спросила мужа:

— Скажи мне пожалуйста, что случилось с кувшином? Продал ли ты его?..

— Продал, да еще как продал! Кувшин этот еще в дороге на базар превратился в полный кувшин меда.

Муж ей все рассказал и, чтобы убедить ее, показал ей деньги, вырученные за кувшин.

Жена очень обрадовалась и от радости ходила так легко, словно не касалась ногами до земли.

— Теперь нам необходим сын,— сказал муж.— Скорее свари нам черную курицу! Счастье теперь повернулось к нам. Отныне жизнь твоя будет хорошая.

Сварили курицу, и, нежно беседуя, муж с женой стали есть курицу.

В это время жена сказала мужу:

— Знаешь что, человек? Я нашла в другой комнате чувяки; мне кажется, эти чувяки принадлежат тому вору, который украл у нас башлык и материю; наверное, он торопился и оставил их в нашем доме...

— Ну-ка, покажи мне их!— сказал муж.— Может быть, вор и оставил их?

После еды жена пошла и принесла чувяки, чтобы показать мужу. Муж, как только увидел, сейчас же узнал чувяки, которые он спрятал ночью в темном углу комнаты. Все же он сказал жене:

— Мне кажется, что ты, жена, права. Кто же мог украсть наши вещи, как не он? Чувяки эти принадлежат нашему соседу. Теперь не трудно действовать. Я найду наш башлык и материю; я с него все это потребую!

Когда муж свалил всю вину на любовника жены своей, то жене это не понравилось, и она сказала:

— Я не думаю, чтобы чувяки принадлежали нашему соседу; также не думаю, чтобы он украл наши вещи, так как я никогда не слышала, что он занимается воровством.

Тогда муж ответил:

— Я сейчас пойду к жене нашего соседа и узнаю, кому принадлежат чувяки.

Он встал, пошел к жене неверного соседа, вызвал ее на крыльцо и спросил:

— Приехал ли твой муж? Принадлежат ли эти чувяки твоему мужу? Если они принадлежат твоему мужу, то их притащила к нам та же собака, которая притащила и мясо...

— Чувяки эти принадлежат моему мужу... Вчера, когда он

собирался ехать на базар, я их починила для него, вот в этом месте пришила... О! Ой! Может быть, он убит и лежит где-нибудь мертвый!.. Ой! О-ой!

Она вскрикнула и заплакала.

— Нет! Нет! Не пугайся и не волнуйся! Может быть, он не убит. Он где-нибудь по дороге или в каком-нибудь другом месте чувяки снял и забыл взять с собою; или же уронил, или что-нибудь другое...

Утешив так, он вошел к себе в комнату и все рассказал своей жене, а жена сидела у себя, думала о чем-то и грустила.

Что же было с неверным соседом?

Богач, который скупил на базаре весь мед, прибыл к себе домой со своими кадушками, ящиком и кувшином. Все это он снял с арбы и занес в старую кладовку.

Когда все люди этого двора легли спать, то находящийся в кувшине неверный сосед вынул из кармана свой нож, разрезал мешок и вышел из кувшина.

В этой старой кладовке он нашел железную лопату. Лопатой он пробил в стене отверстие, захватил с собою два ящика меду и направился домой.

Возвращаясь домой без чувяк, босым, как и тогда, когда сидел в кувшине, он много думал, как бы выйти из этого тяжелого положения.

Когда он босым, с двумя ящиками меда вошел к себе во двор, то, увидя его, жена обрадовалась, выскочила во двор и бросилась к нему в объятия.

— Что ты делаешь, жена? Что случилось? Почему бросаешься ко мне в объятия? Отстань! — сказал муж своей жене.

— Я очень беспокоилась о тебе... Мне принесли твои чувяки...

Она стала ему рассказывать, а он, не дослушав, перебил:

— Я знаю, в чем дело. Когда утром я переходил речку, имея у себя на руках два ящика меду, чувяки выпали в воду, а речка эта, как тебе известно, оттуда течет в наш двор, а через наш — во двор наших соседей. Наверное, речка принесла их сюда, а здесь или собака, или кто-либо другой вытащил их из речки и принес к тебе...

Рассказ его о чувяках и о речке был настолько правдоподобен, что жена ему вполне поверила и отвечала:

— Наше мясо тоже унесла собака наших соседей: я нашла у них во дворе большой кусок кости нашего мяса.

— Не может быть,— ответил муж,— чтобы их собака унесла наше мясо: в противном случае она могла съесть и чувяки мои... Наоборот, у других наших соседей, твоих родственников, есть собаки, которые забегают часто в наш двор; возможно, их собака унесла наше мясо, а собаке тех соседей досталась, вероятно. одна кость, после того как другие собаки съели все мясо.

Жена неверного соседа, веря своему мужу, стала каяться; чтобы встретиться с женой соседа и помириться с нею, пошла по воду.

Она встретила свою соседку, которая шла с речки с водою, и сказала ей извиняющимся голосом:

— Теперь я узнала, что ваша собака не виновна в похищении мяса. Об этом мне рассказал мой муж, который сегодня приехал домой...

— Приехал твой муж? Чьи оказались чувяки? Что он привез? — стала расспрашивать соседка.

— Только что недавно приехал муж. Принес два ящика меду, а чувяки оказались его, но он их уронил в речку, и водой, как видно, принесло их сюда...

Соседка-любовница пришла домой с водой к своему мужу и рассказала ему:

— Сосед наш, говорят, приехал домой к себе и что он привез? — мед! Мне рассказывали это женщины на речке и рассказали, что он продает мед. Не мешало бы и нам купить его...

— Ну? — удивился муж.— А чувяки чьи оказались? Если бы узнать, чьи на самом деле чувяки, то можно было бы поймать вора и получить обратно вещи...

Жена ответила мужу:

— Человек, ты мне прости, что рассказала тебе неправду! Теперь я тебе расскажу, где и как я нашла чувяки. Утром я брала воду из нашей речки, которая протекает через наш двор, и на берегу нашла чувяки — наверное, водой выбросило их на берег; я их высушила и занесла в комнату, а утром я тебе нарочно все это не рассказала, чтобы испытать тебя.

— Я спрошу самого хозяина, где и как он их потерял, тогда я узнаю всю правду,— сказал муж и вышел на улицу.

А там у своего крыльца сидел и неверный сосед. Подошедший спросил его:

— Где был?

— Я ездил на базар за долгом своим и вместо денег получил от должника мед и с ним сегодня приехал,— ответил сосед.

— А чувяки твои где оказались?

— Да,— сказал неверный сосед без заминки и смело,— я шел с двумя ящиками меду на руках; когда переходил в брод речку, уронил чувяки в воду...

Рассказывая об этом, он подумал про себя: „А может быть, на самом деле это было так, как я рассказываю?“

— Моя жена их нашла во дворе у нас, на берегу речки, которая протекает около наших дворов,— сказал сосед.

— Спасибо ей большое! — ответил неверный сосед.— Вот что значит предначертание Аллаха! Чувяки были суждены мне, а потому и нашлись...

Муж неверной жены решил об этом никому ничего не рассказывать до тех пор, пока он жену свою и любовника хитростью

своею не перехитрит, и в то же время вспомнил богатого человека, которому продал кувшин, и подумал: „Что же богач делает? Интересно".

И вот вскоре после этого богач узнал, что его обманули; стал разыскивать торговца, который продал ему кувшин с завязанным горлышком. Он ездил по аулам и расспрашивал у всех.

Наконец, доехал до того аула, где жил хозяин этого кувшина. В ауле этом он остановился у того человека, который сидел в кувшине.

Богач рассказал все, как было: указал приметы человека, который продал ему кувшин с медом. Хозяин сказал:

— По приметам человек этот похож на моего соседа, но он никогда не торговал медом или чем-либо другим; он бедный и жалкий человек.

Богач сказал:

— Все же позови его к себе, скажи, что есть к нему дело у тебя, а я посмотрю на него: он ли это или нет? Если даже это окажется он, я все же в твоем доме ему ничего не скажу.

Неверный сосед вышел и пригласил к себе мужа своей любовницы. Как только он вошел в комнату, богач и хозяин кувшина узнали друг друга, но виду не дали, что знают.

Хозяин кувшина спросил у неверного соседа:

— Кто такой твой гость?

Неверный сосед ответил:

— Это мой старый друг; приехал ко мне по своим делам...

Им подали кушать и, между прочим, принесли много хорошего, белого меду. Когда они сели кушать, хозяин кувшина сказал:

— Какой хороший мед; он хорош для того, кто любит. Я же, знаете, вообще не ем меда; за всю свою жизнь кушал его только один раз...

Он очень любил мед, но из хитрости на этот раз не ел меду, а ел только другие кушанья.

Богач удивился, что он не ест меда, и спросил его:

— Чем объяснить, что ты не кушаешь меда, и почему ты один только раз его ел?

Хозяин кувшина начал рассказывать:

— Когда я был совсем маленьким, то меня пчела ужалила в голову и у меня распухла вся голова; я целый месяц лежал в постели; тогда я дал себе слово: больше никогда не есть пчелиного меду и вести борьбу против пчел... И еще один случай: как-то я шел на базар и встретил человека, который вез на базар мед в ящике и в кувшине. Ось его арбы сломалась, и он застрял; было это на полдороге. Он обратился ко мне: „Помоги мне донести этот кувшин с медом до базара, я тебе заплачу за это!" Я, как бедный человек, согласился. Тогда он своего мальчика с арбой отправил обратно домой, а мы с ним пошли

на базар: я взял кувшин с медом, а он — ящик с медом. Мы по дороге устали и сели отдохнуть. Во время отдыха он вытащил хлеб, мед, и мы начали есть. Я кушал только хлеб, а он — хлеб с медом. Когда он увидел, что я ем один хлеб, сказал: „Почему не ешь меда?" Я ему рассказал случай из своей жизни. Он сказал: „Брось глупые мысли! От меду ты не умрешь. Возьми и ешь!" Я послушался и съел. Итак, мы дошли до базара и продали его мед. В продаже я принимал участие как хозяин товара. Ни с того, ни с сего я вспомнил случай со мною в детстве. От этого меня стошнило, и все, что было у меня внутри, желудок стал изрыгать наружу... Но вот, продав мед, я вечером вернулся домой, заболел и лежал целых две недели, только что встал с постели...

Богач думал: „Он ли тот, который обманул меня, или нет? По рассказу — он не виноват и честный человек"... Не зная, как поступить и что делать, богач уехал домой.

После этого хозяин кувшина и неверный сосед стали близкими друзьями, но про свои делишки они никогда не вспоминали, и каждый думал сейчас: „Как теперь будет протекать их время?"

И вот однажды ночью к хозяину кувшина приехал гость. В эту ночь помещение у них не освещалось, в комнате была полутьма. Хозяин дома обратился к своей жене:

— Сегодня у нас гость. Свари нам курицу!

Жена же громко ответила:

— Ни за что не сварю! Зачем ты пристаешь ко мне с таким требованием?

Хозяин по возможности старался переменить тему разговора, чтобы гость не понял, но гость все же услышал.

Немного погодя, хозяин дома вышел на двор. В комнате было темно. Жена подумала, что на двор вышел гость, а хозяин сидит в комнате, а потому сказала:

— Никогда не обращайся ко мне с такими словами! Умри ты и гость твой — все равно я курицы не сварю!

Гость сразу понял, что она принимает его за мужа, и сказал шопотом:

— Если ты сегодня не сваришь трех куриц, то я дам тебе развод. Где и как хочешь, достань и свари.

Жена испугалась, быстро вышла из комнаты, где-то достала три курицы и стала варить их. Муж был в недоумении: только что она отказывалась, не хотела сварить и одной курицы, а теперь сразу трех варит.

Покушали куриц, и жена им постлала постель.

Собираясь спать, гость лег на постель домохозяина, а домохозяин — на постель гостя.

Поздно ночью домохозяйка зашла и легла рядом с гостем, приняв его за своего мужа.

Гость почувствовал рядом с собою женское тело; от этого его тело под одеялом вздрогнуло, а мысль в голове радовалась.

Гость всю ночь с нею возился, а утром, довольный своим счастьем и удачей в жизни, уехал.

Когда гость уехал, муж спросил у жены:

— Скажи пожалуйста, чем объяснить это? Сперва ты не хотела сварить и одну курицу, а потом сварила целых три курицы?..

Жена ответила:

— Когда гость вышел на двор, ты же сказал, что дашь мне развод, если я не сварю.

— Эх, глупая ты,— сказал муж.— На двор выходил я, а в комнате оставался гость; значит, ты ругала гостя и гость обещал дать тебе развод, если ты не сваришь трех куриц...

— Значит, бессовестный был твой гость; поэтому, наверное, ты и вел себя развязно, ибо всю ночь ты мне не давал покоя, ты был неузнаваем...

— Как? Ночью ты ко мне и близко не подходила! Глупая ты! И тут ты ошиблась!

— О боже мой! Я же не виновата!— сказала жена, а муж думал: „Что же дальше-то будет?“

И что же? Через некоторое время муж поехал в другой аул по делам и остановился у одного знакомого. Его приняли и посадили в одну комнату. Домохозяин сказал своему гостю:

— Ты не скучай, я пойду по делам и скоро приду.

Гость ждал час, два часа, до вечера, но никто к нему не заходил. Потемнело. В комнате было мрачно, а сам он был голоден. Настало время спать, но и постели не было, чтобы поспать. Гость облокотился на что-то и уснул.

Утром зашел хозяин и заявил гостю:

— Умер наш родственник; я иду к его родным с соболезнованием; хочешь, пойдем вместе?

Голодный гость подумал: „Авось, там дадут покушать“. Он согласился и пошел с ним во двор умершего.

Настало время выносить покойника. Женщины провожали тело покойника и плакали со словами: „Ой-ой! Несут тебя туда, где нет окон, дверей!.. Где темно, где кушать не дают!.. Где не будет ни одной души, кроме тебя самого!..“

В это время стоявший во дворе гость, который пришел со своим хозяином для соболезнования, обратился к своему хозяину:

— Что, его несут к вам, что ли?

— Да нет,— ответил домохозяин,— он же покойник; его несут на кладбище.

— А мне показалось, что его к вам несут, так как плачущие женщины точь в точь описывают ваш дом...

Не получив и здесь ничего из еды, гость направился в другой аул и дорогой думал: „Нет, что же дальше будет?..“

И когда прибыл в другой аул, он зашел в один дом, где хозяйка только что собиралась накормить семью: варился целый гусь в котле. Увидев гостя, хозяйка спрятала под кровать

вареного гуся, а гостя угостила чуреком из кукурузной муки и добавила:

— Не осуди нас: нет ничего вкусного у нас, чтобы угостить тебя...

Гость сидел и присматривался к домохозяйке, которая ему приглянулась, и думал: „Как бы сделать, чтобы ночью добраться до нее?..“

Поели, потушили лампу и втроем — муж, жена и гость — легли спать в одной комнате.

Гость ночью встал, достал вареного гуся и спрятал его в свой бурдюк; под кроватью он нашел много яиц и тоже положил в бурдюк. На полке нашел копченые колбасы из баранины и тоже спрятал туда же. Потом он ощупью разыскал в комнате хозяйку и потянул ее за ногу. Она же подумала, что это муж идет к ней молча.

Повозившись с хозяйкой, гость потихонечку встал и лег себе спать на своей постели.

Рано утром, чуть свет, гость встал и собрался в дорогу. Хозяин и хозяйка тоже встали и просили его подождать покушать, а потом уехать. Гость не хотел оставаться. Хозяин обратился к гостю и сказал:

— На вид ты стар, но бодрый и встаешь рано... Скажи, сколько тебе лет?

Гость ответил:

— Когда король Гусь переезжал из города Котла в город Бурдюк, то я играл такими белыми камушками, как ваши яйца, которые находятся под кроватью, и убивал таких змей, как колбасы ваши на полке; ходил ощупью и в ту же ночь я женился... Так рассказывала мне моя мать,— закончил свой рассказ гость.

Хозяйка и хозяин были удивлены рассказом гостя, но не поняли, о чем идет речь.

После того, как гость уехал, они вздумали есть вареного гуся, но его, к их удивлению, не нашли в котле, не нашли колбасы и яиц. Лишь потом они догадались, что все это увез гость.

Хозяин сказал жене:

— Наши отцы говорили: „Кому суждено трудиться, тот будет трудиться; кому суждено кушать, тот будет кушать“...

А гость прибыл к себе домой и важно передал гуся, колбасы и яйца своей жене со словами:

— Пока я жив, тебе не трудно жить,— тебя я буду кормить хорошо.

— Поэтому-то я тебя и люблю,— ответила жена и, отвернувшись, принялась за свое дело.

— Почему мы все же бездетны и с каждым днем беднеем?— говорил про себя муж и стал опять думать: „Как бы мне разбогатеть?“ — Как вдруг ему в голову пришла хорошая мысль о способе разбогатеть. Он сказал жене:

— Я знаю теперь, как нам разбогатеть: у Кагермана, нашего

аульца, есть баранта. Эта баранта будет скоро спускаться с гор на равнину. Тогда я по дороге разложу кустарник из терна. Баранта будет проходить по этому кустарнику, и терновый кустарник своими колючками пощиплет у овец шерсть. Эту шерсть я соберу и принесу домой...

— И из этой шерсти я буду делать бурки,— поторопилась сказать его жена.

— Эти бурки я продам на базаре и на полученные деньги куплю пару бычков и маленькую арбу, и будем жить богато.

Жена обрадовалась такой будущности и сказала мужу:

— А разрешишь ли ты мне тогда поехать к своей сестре, которая замужем?

Она рассказала ему, где и в каком ауле живет ее сестра и за кем она замужем.

— Что ты, разве можно?— рассердился муж.— Бычки будут с обтертыми шеями, да еще усталые, а ты „разрешишь ли запрягать?"

Жена обиделась, а муж вышел, хлопнул за собой дверь и, приложив губы к косяку, говорит:

— Я тебе дал развод и ухожу.

Жена взяла помятый войлочный ковер, на котором, бывало, лежала с любовником, вышла к речке и, заметя соседку, говорит:

— Передай моему мужу, что я согласна с тем, что он мне сказал... Я тоже ему даю то, что и он мне дал.

Глава вторая

Прошло так два года после их развода. И муж и жена стали каяться.

Они пуще прежнего стали любить друг друга. Во что бы то ни стало он хотел снова сойтись с ней, и она старалась всеми силами вернуться снова к нему.

У чеченцев есть пословица: „После развода мужу кажется, что у разведенной жены пятки ног — золотые, а жене кажется, что подметки чувяк у бывшего мужа — серебряные".

Спустя много времени после развода, зная, что оба они раскаялись и с удовольствием бы сошлись снова вместе, друг мужа привел ее к бывшему мужу. При этом друг мужа им сказал:

— Вы — не молодые, друг друга знаете давно, бросьте обращать внимание на мелочи и постарайтесь жить дружно и не ссориться.

Они оба обрадовались больше, чем тогда, когда в первый раз женились.

В этот день и муж и жена были в веселом духе и бодрые.

Увидев их веселыми, друг мужа сказал:

— Я сделал хорошее и доброе дело, соединив вас. Видите, какие вы веселые? Теперь вы будете ценить друг друга и охотно будете устраивать себе новую жизнь.

Поговорив с ними немного, друг мужа ушел к себе домой.

Пока они, муж и жена, говорили между собою, наступила ночь, и наступило время сна.

Жена сказала своему мужу:

— Когда я последний раз была дома у своего отца, то я слышала изумительный рассказ, который рассказывал один старик моему отцу. Хочешь, я его тебе расскажу и ляжем вместе спать?..

Муж ответил:

— Рассказывай, мне это будет очень весело, тем более, что ты будешь рассказывать.

— Хорошо, я буду рассказывать, но знай, что рассказ этот длинный,— сказала жена и начала рассказывать:

— В старину жили в соседстве два князя и мулла. Каждый из них старался стать богаче другого. Мулла был бездетным, а князья имели детей. Один из князей имел трех красивых дочерей. Второй князь хотел жениться на той из его дочерей, которая окажется умнее и способнее всех в работе. И с этой целью пригласив их к себе, задал каждой в отдельности вопрос:

— Чем можешь отличиться? В чем твоя способность?

Старшая дочь ответила:

— Из одной четверти сафьяна я могу сделать чувяки и пуговицы на шестьдесят три человека.

Вторая дочь ответила:

— Из одного блюда муки я могу выпечь столько хлеба, что хватит на шестьдесят три человека.

Самая младшая дочь ответила:

— Я могу родить своему мужу золотого сына и дочь.

Тогда князь женился на младшей дочери, а две остальные сестры стали его свояченицами. И они стали все вместе жить.

Прошло некоторое время, и младшая дочь забеременела. Приближалось время родить золотого сына и дочь.

Ее родные две сестры знали, что она родит золотого сына и дочь, а потому беспокоились и старались как-нибудь развести князя с нею. Тогда, думали они, он женится на одной из них; из-за этого они часто ссорились между собою.

Беспокоился и мулла, боясь, что она родит князю золотого сына и дочь.

Однажды, когда князь был в отъезде, младшая дочь, жена князя, родила золотого сына и дочь. Две ее старшие сестры, тайком от нее, скрыли золотого сына и дочь, пошли к мулле, посоветовались с ним, спрятали золотого сына и дочь в сундук и бросили в реку, а взамен их положили двух маленьких щенят.

Итак, когда приехал князь домой, две старшие сестры сказали князю:

— Твоя жена тебе родила двух щенят. Это большой позор для тебя.

Рассердившиеся князь и сестры избили ее, родившую, выгнали прочь с аула и сказали ей:

— Больше никогда не показывайся нам в глаза!

Спустя немного после этого князь женился на двух старших сестрах и стал с ними жить, а младшая сестра ходила по чужим дворам, и никто не пускал ее к себе.

Как-то бедные супруги мололи кукурузную муку на мельнице. Вдруг мельница остановилась. „Почему остановилась мельница? Что с нею случилось?" — подумали бедный муж и жена и вышли посмотреть и увидели сундук, застрявший в вертящемся колесе мельницы.

Они подошли вдвоем, сняли сундук и посмотрели, что было в сундуке. Там они нашли золотого мальчика и девочку, которые смеялись и, как солнце, сияли.

Они очень удивились этому.

— Мы бездетные, оставим этих двух детей себе,— сказали они и понесли их к себе домой.

Золотые дети выросли и стали большими. Как-то они друг другу сказали:

— Мы, наверное, не родились в доме этого бедного человека, надо у него спросить, как мы к нему попали.

Тогда они спросили у бедного мужа и жены:

— Как мы двое попали к вам? Мы, кажется, не родились у вас.

Бедный муж и жена ответили им:

— Мы вдвоем вас нашли под мельницей,— и рассказали им все подробно.

— Тогда мы жить с вами не будем,— сказали золотой мальчик и девочка.

И они ушли от них и перешли на землю того князя. Устроили себе шалаш в лесной поляне и стали жить.

Золотой мальчик ходил в лес, бил диких баранов, а золотая девочка, которая оставалась в шалаше, готовила пищу. Этим они кормились.

И так жили они вдвоем.

Однажды хозяин этой земли, князь, отец этих детей, выехал было осмотреть свои земли. Он нашел в лесу, на поляне, в шалаше, золотого мальчика и девочку.

Долго смотрел князь на золотого мальчика и девочку, очень удивился и, ничего им не сказав, вернулся к себе домой.

Когда прибыл домой, князь сказал своим двум женам:

— Удивительную вещь я видел! Видел золотого мальчика и золотую девочку, они живут в нашем лесу, на поляне, в шалаше.

Две жены его сказали:

— Какой ты глупый! Почему ты это принимаешь за правду? Это шайтан тебе показывает свои фокусы. Откуда могут быть там золотой мальчик и девочка? — Но тут же поняли, что золотой мальчик и девочка, которых они бросили в воду,— дети их младшей сестры.

Тогда две сестры поговорили между собою:

— Наше преступление скоро откроется, мы с тобой должны пойти к тому мулле и посоветоваться с ним.

Две сестры пошли к мулле и спросили его:

— Тот золотой мальчик и золотая девочка, которых мы выбросили по твоему совету, говорят, живут у нас в лесу, на поляне. Близится время, когда все это, может быть, обнаружится. Что бы сделать такое, чтобы их уничтожить?..

— Вы меня только не выдавайте. Я золотого мальчика отправлю в такое место, откуда он не вернется, а за это время погибнет и золотая девочка.

И мулла пошел в лес, на поляну, где жили золотой мальчик и девочка; мальчика он не застал дома, тот был в лесу, а золотая девочка была в шалаше и занималась разными домашними делами.

Мулла подошел к ней и сказал:

— Ты живешь красиво, как в сказке. Ни в чем ты не нуждаешься, только нехватает тебе золотого козла, который пасется с барантой где-то за семью горами; он веселил бы тебя своими танцами, готовил бы тебе и обед, и ты бы тогда жила еще лучше.

Рассказав ей это, мулла ушел. Золотая девочка стала сильно грустить, все время думала о золотом козле и сильно желала иметь его.

В это время пришел домой золотой брат. Он спросил ее:

— Почему ты такая грустная и что с тобой случилось?

Сестра ответила:

— Говорят, что где-то за семью горами пасется с барантой золотой козел. Мне очень хочется иметь его у себя, вот причина моей грусти.

— Если так, то я поеду за ним и без него не вернусь домой,— сказал золотой мальчик и выехал.

Проехал он шесть гор и за седьмой горой увидел баранту без хозяина, а впереди баранты — золотого козла.

Долго любовался он золотым козлом и играл с ним и, наконец, с ним тронулся в обратный путь.

Золотой мальчик все же решил:

— Не вернусь домой, пока не узнаю, кому принадлежит золотой козел.

Он вернулся обратно с дороги, отпустил золотого козла в баранту и стал ждать вечера. Вечером он последовал туда, куда направилась баранта.

Баранта вся эта принадлежала одному, высокого роста, слепому человеку, который каждый вечер, когда баранта возвращалась домой, пропускал ее между своих ног и каждое животное гладил рукою по спине. Так бережно он ухаживал за ней.

Золотой мальчик тоже проходил вместе с барантой между его ног. Как только золотой мальчик стал приближаться к нему, слепой крикнул:

— Запах человека слышу я! Скажи мне, кто ты такой? Если не скажешь правды, то превращу тебя в камень!..

Тогда золотой мальчик рассказал ему, кто он такой и зачем он прибыл сюда. Высокий слепой человек сказал:

— Ты спасен; такие, как ты, ко мне приходили много за золотым козлом, но я их ловил, когда они проходили между моих ног, и превращал в камни... вот эти камни есть они. Проходи обратно между моих ног, будь свободен и будешь моим сыном.

Этот большой человек в эту ночь зарезал барана, хорошо накормил золотого мальчика и утром спросил его:

— Хочешь ли быть моим сыном и оставаться со мною? Или же хочешь ехать домой?

Золотой мальчик ответил:

— У меня есть одна сестра, у которой больше нет никого, кроме меня. Если ты отпустишь, хотел бы поехать домой, но буду считать тебя своим отцом и держать родство.

Большой человек на это сказал:

— Если ты не хочешь оставаться, то езжай домой, а сестрице своей в подарок возьми этого золотого козла,— и подарил золотого козла.

Через некоторое время князь еще раз выехал осматривать свою землю и застал на том же месте золотого мальчика и девочку, а с ними — золотого козла, который забавлял их своими танцами и готовил им кушать.

Князь долго на них смотрел, удивился очень, и, не сказав им ни слова, вернулся обратно домой.

Когда приехал домой, он рассказал своим двум женам все виденное. Две жены ответили:

— Ты, человек, испортился... Это все тебе кажется. Правды тут нет. Откуда может быть такая правда?

Опять две сестры, жены князя, пошли за советом к тому мулле и сказали ему:

— Говорят, что этот золотой мальчик и девочка совсем хорошо живут: имеют золотого козла, который их забавляет своими танцами и готовит им кушать.

— Если так, то вы подождите и не выдавайте меня. Я теперь пошлю золотого мальчика в такое место, откуда он живым не вернется, а золотая девочка за это время сама по себе погибнет.

И мулла опять пошел в лес, где жили золотой мальчик и девочка, и остановился у шалаша. Он увидел золотую девочку, которая веселилась танцами золотого козла.

Мулла сказал золотой девочке:

— Все у тебя хорошо, только недостает тебе одного: где-то за горами есть так называемая „райская яблоня“, золотая яблоня, на которой никогда не переводятся золотые яблоки. Эта наипрекрасная и чудесная яблоня очень подойдет к вам.

После таких слов муллы золотая девочка стала грустить и

думать о золотой яблоне. В это время вернулся домой ее золотой брат, который находился в отъезде. Он ее спросил:

— Почему ты грустная и что с тобою случилось?

Тогда она ответила:

— Говорят, что где-то за горами цветет так называемая „райская яблоня“, золотая яблоня, на которой никогда не переводятся золотые яблоки. Думала о ней и загрустила.

Золотой мальчик сказал своей сестре:

— Эх, ты, моя сестра! Кто-то тебе рассказывает такие вещи, чтобы разлучить нас с тобой. Я не говорю, что если я поеду за яблоней, то вернусь живым, но все же я поеду за ней, так как тебе хочется иметь ее,— и выехал из дому.

Золотой мальчик поехал прямо к тому высокому слепому человеку за советом.

Высокий человек сказал золотому мальчику:

— Как видишь ты, я стар и слеп. Всю жизнь я старался привезти эту яблоню, но не смог. Многие ездили за ней и гибли там. Если ты во что бы то ни стало хочешь ехать за ней, садись на моего хорошего коня, который умеет говорить человеческим языком.

Золотой мальчик сел на этого коня и выехал в путь-дорогу. Конь спросил мальчика:

— Мальчик, куда мы с тобой едем? Зачем мы едем?

Мальчик ответил:

— Мы едем с тобою за райской яблоней.

— Если так, то мы должны вернуться обратно, захватить с собою шестьдесят три овцы, шестьдесят три курицы, шестьдесят три войлочных ковра.

Они вернулись, взяли все это и снова тронулись в путь-дорогу.

Когда они проехали две-три горы, то конь сказал мальчику:

— Мы скоро с тобою доедем до одной маленькой речки. Когда мы доедем до нее, то ты слезь с меня, похвали речку, выпей из нее воды, поблагодари ее и продолжай свой путь дальше. Если эта речка обидится на нас, то она на обратном нашем пути превратится в море и погубит нас с тобою.

Они доехали до этой речки. Мальчик, как ему советовал конь, слез с коня, похвалил речку, выпил из нее воды, поблагодарил ее и тронулся дальше.

Спустя некоторое время конь опять заговорил человеческим языком:

— Мы с тобою скоро доедем до стаи волков. Как только доедем до них, ты сейчас же освободи всех наших овец и передай их волкам. Если они рассердятся на нас, то они на нашем обратном пути нападут на нас и погубят.

Они доехали до стаи волков; золотой мальчик освободил всех овец и передал их волкам, как советовал ему конь, и поехали дальше.

После этого опять заговорил конь человеческим голосом:

— Мальчик, теперь мы с тобой скоро доедем до спящих кабанов. Как только мы доедем, ты сейчас же набрось на них наши войлочные ковры. Если они рассердятся на нас, то они на обратном пути погубят нас.

Скоро они доехали до спящих кабанов. Как советовал конь, золотой мальчик накрыл их войлочными коврами, и поехали дальше.

Через некоторое время конь опять заговорил человеческим языком:

— Скоро мы доедем до медведей. Как только доедем до них, ты всех шестьдесят трех куриц брось им. Если они рассердятся, то на обратном пути погубят нас.

Золотой мальчик, как только доехали до медведей, бросил им всех шестьдесят трех куриц, и поехали дальше.

Спустя короткое время конь заговорил человеческим языком и сказал мальчику:

— Скоро мы с тобой доедем до „райской яблони"; там в золотую чашку налита вода, и в ней посажена эта яблоня. Ее стережет ишак, который никогда не ложится спать. Как только мы доедем до райской яблони, ты быстро схвати ее, стегни плетью и скачи обратно.

Золотой мальчик доехал до райской яблони и, как советовал ему конь, только доехал, схватил яблоню, ударил плетью коня и поскакал обратно.

Ишак заорал так, как будто он хотел разорвать небо и землю, и бросился вслед за мальчиком. Как только мальчик доехал к медведям, ишак им крикнул: „Не пропускайте мальчика, он увозит райскую яблоню!"

Медведи ответили:

— Мальчик этот нам сделал такое добро, которого ты никогда не делал. Мы лучше будем сидеть и кушать своих кур, чем преследовать его.

Тогда ишак поднял тревогу среди кабанов, кабаны ответили:

— Ты от нас не получишь помощи, ибо мы лежали на солнце, которое пекло нас, и нам было тяжело, но этот мальчик накинул на нас войлочные ковры, и теперь мы находимся в тени и благоденствуем. Такого добра ты нам никогда не делал.

Ишак поднял тревогу и среди волков. Волки ответили:

— Мы почти умирали с голоду. Мальчик этот нам дал много овец. Мы не выйдем против него, а наоборот, если он нуждается в помощи, ему поможем.

Ни от кого не получив помощи, ишак дошел до той маленькой речки и сказал ей:

— Скорей превратись в море и погуби мальчика, который увозит райскую яблоню!

Маленькая речка ответила:

— Я ни за что не погублю его: никто так не хвалил и не

благодарил меня, как он. Наоборот, если он нуждается в помощи, то готова ему помочь.

Итак, без вреда мальчик преодолел все препятствия и прибыл домой.

Спустя некоторое время после этого князь выехал осмотреть свою землю и увидел в лесу на поляне, на старом месте, золотую яблоню, а под ней танцующего козла и веселившихся золотого мальчика и девочку.

Князь долго на них смотрел, любовался и молча, не говоря им ни слова, ушел домой.

Прибыв домой, князь сказал своим женам:

— Удивительно! Золотой мальчик и девочка сидят под золотой яблоней, любуются танцами золотого козла и живут себе весело.

Жены ему ответили:

— Ты — испорченный человек. Ты сошел с ума! Кажущееся ты принимаешь за правду. Разве может быть это?

Жены князя опять пошли к мулле и рассказали ему:

— Говорят, что золотой мальчик и девочка сидят под золотой яблоней и любуются танцами золотого козла.

Мулла им сказал:

— Вы молчите и ждите. Я пошлю его теперь, последний раз, в такое место, откуда он не вернется живым.

Мулла пошел в лес к шалашу, где жили золотой мальчик и девочка. Он увидел под золотой яблоней золотую девочку, которая любовалась танцами золотого козла.

Мулла сказал девочке:

— Ты живешь лучше всех. Видишь, все это ты получила по моему совету. Ты приобрела золотого козла и золотую яблоню. Но теперь, если женишь своего брата на Малха-Азани, которая живет за девятью горами, то ты будешь самой счастливой во всем мире.

Услышав такие слова, она стала думать о ней, опустила свою голову и загрустила.

В это время прибыл ее брат, который был в отъезде.

Брат ее спросил:

— Почему ты грустишь? Чего тебе нехватает?

Сестра ответила:

— Говорят, что за девятью горами живет красавица-девица по имени Малха-Азани. Если ты не женишься на ней, то я и жить на этом свете не стану.

Брат сказал сестре:

— Кто-то хочет и старается разлучить нас, а потому и учит тебя всему этому. Я-то постараюсь поехать туда, так, как ты этого хочешь, но живым оттуда не вернусь,— и тронулся в путь-дорогу золотой мальчик.

Золотой мальчик за советом поехал сперва к высокому слепому человеку.

Большой слепой человек сказал золотому мальчику:

— Сможешь ли ты жениться на Малха-Азани? Много людей погубила она, превратив их в камень, из тех, кто пытался жениться на ней. Я тоже всю свою жизнь стремился к этому и, как видишь, постарел и ослеп, но жениться на ней не мог. Если ты во что бы то ни стало хочешь поехать к ней, то садись на того же коня и поезжай,— с тем и отпустил золотого мальчика.

Когда он проехал порядочное расстояние, конь заговорил человеческим языком:

— Куда мы едем и зачем мы едем?

Золотой мальчик ответил:

— Мы едем к так называемой Малха-Азани, чтобы я женился на ней.

Конь тогда сказал:

— Когда мы подъедем близко к этой красавице, ты должен ей три раза сказать привет. Если она и на третий привет твой не ответит, то мы превратимся в камни, а потому ты не торопись и говори привет с остановкой, с промежутками.

Малха-Азани, которая слышала с далекого расстояния малейший шорох, услышала разговор золотого мальчика с конем и поняла, что она должна выйти за него замуж, а потому она сказала своей прислуге:

— Ко мне идет тот, за которого я должна выйти замуж. Я иду молиться богу. Пусть он не произносит привета, пока я не кончу молиться.

Прислуга, чтобы превратить золотого мальчика в камень, не предупредила его и молча приняла гостя. Золотой мальчик сказал привет, но ответа не было; он произнес второй раз, опять не было ответа. Тогда коня и золотого мальчика всосало наполовину в землю. Когда мальчик, наконец, третий раз произнес привет, то Малха-Азани, окончив молиться, приняла приветствие. Конь и золотой мальчик при этом выбрались из земли.

Малха-Азани, рассердившись на прислугу, дала ей пощечину и убила.

Красавица Малха-Азани никого не принимала к себе и жила одна, ожидая того, за которого она должна выйти.

После этого Малха-Азани собрала свой городок катушкой и положила в свой карман, села на круп коня золотого мальчика — и поехали.

По дороге Малха-Азани показала много камней, похожих на людей, и сказала золотому мальчику:

— Все эти люди пытались жениться на мне и превратились в камни.

Тогда золотой мальчик ответил ей:

— Если ты не оживишь их, то я тебя не возьму себе в жены. Они тоже хотели жить, как мы с тобою живем.

Малха-Азани вытащила из кармана зеркало и направила его

на камни, похожие на людей. Все они ожили, и золотой мальчик с Малха-Азани поехали дальше.

Поехать прямо домой с невестой золотой мальчик счел неудобным, а потому поехал к высокому слепому человеку. Когда прошел день и ночь, то золотой мальчик сказал высокому слепому человеку:

— Сегодня я пойду пасти баранту.

Большой человек ему не советовал, но когда узнал, что золотой мальчик во что бы то ни стало хочет итти пасти баранту, то сказал ему:

— Там есть горы: белая, черная и красная; все они принадлежат сильным трем братьям-ногайцам. Не води баранту туда. За этими горами виднеется четвертая гора — зеленая, которая принадлежит нам; на этой горе и надо пасти баранту,— с этим и отпустил золотого мальчика.

Золотой мальчик прямо пошел к черной горе и стал пасти там свою баранту.

Подлетел один большой и сильный человек и бросился к мальчику. От пара, исходящего из его рта, горы покрылись туманом. Они боролись так долго, что от пара день стал пасмурным. В конце концов золотой мальчик поборол его и убил.

Отсюда с барантой золотой мальчик перебрался на белую гору и стал пасти свою баранту. Через некоторое время подлетел к нему еще один сильный человек, от зубов которого летели искры. Они вдвоем тоже боролись жестоко и очень долго. Наконец, золотой мальчик поборол его и убил.

Отсюда золотой мальчик перебрался на красную гору и стал пасти свою баранту. Через короткое время, вырывая с корнем чинары и таща их с собою, подошел к золотому мальчику страшный, сильный и здоровый человек. Он размахнулся на мальчика самой большой чинарой, но мальчик подставил руку и отшвырнул дерево так, что оно попало в грудь страшного человека и убило его.

Вечером золотой мальчик вернулся обратно домой и все это рассказал высокому слепому человеку.

Тогда высокий слепой человек сказал золотому мальчику:

— Если так, то ты должен сейчас же уехать отсюда, ибо у этих трех братьев есть сестра, которая гораздо сильнее и храбрее их. Она узнает об этом и убьет не то что тебя, но даже и меня.

Но золотой мальчик пошел пасти баранту, не послушавшись слепого, в горы убитых братьев. Через короткое время, ослепляя солнце своей красотой, какая-то сильная и здоровая девица подлетела и прямо бросилась на золотого мальчика. Они боролись с раннего утра до послеполудня. Никак не могли они побороть друг друга. Тогда она сказала мальчику:

— Смотри: солнце — за меня! Солнце за меня!

Мальчик ответил:

— Солнце за тебя, а бог — за меня!

В конце концов мальчик поборол ее и сел на нее. Тогда девица сказала мальчику:

— Не убивай меня, я девица и поклялась выйти замуж только за того, кто поборет меня. Ты меня поборол, и я твоя жена.

Когда она так сказала, мальчику стало очень неудобно, он встал и освободил ее.

До самого вечера мальчик пас баранту, а вечером с барантой и с этой девицей вернулся домой.

Пробыв у высокого слепого человека два-три дня, золотой мальчик приехал домой к своей сестре с двумя невестами.

Как только они доехали до того места, где стоял их шалаш, Малха-Азани вытащила из своего кармана свою золотую катушку и сейчас же развернула на этом месте красивый город.

И стали они все вместе жить в этом городе.

Через некоторое время князь выехал осматривать свою землю и нашел на том месте, где был шалаш, целый город, сотканный из золотых ниток. В городе этом жили золотой мальчик и девушка — его сестра, у мальчика были две красивейшие из красивых жены. Князь долго смотрел на них и молча, не говоря им ни слова, ушел домой.

По возвращении домой князь все виденное рассказал своим двум женам и сказал им:

— Больше для меня ничего не осталось делать, как пригласить их к себе на дом. Здесь, в комнате, вырою яму и застелю ковром, чтобы незаметно было. Они, как только вступят ногою на этот ковер, провалятся вниз, и пусть они там в яме погибают.

Разговор этот слышала всеслышащая Малха-Азани и рассказала своему мужу.

Князь прислал своего раба к ним и пригласил их к себе на дом в гости.

Когда они шли в гости к князю, Малха-Азани сказала:

— Когда мы будем входить в дом к князю, наступайте ногою только на то место, где буду наступать я.

При входе в дом князя Малха-Азани шла впереди всех, и, придерживаясь стены, чтобы не упасть в яму, она осторожно наступала ногою. Вслед за нею шли и все другие.

Тогда князь понял, что он хитростью их не погубит, и пригласил их в другую комнату.

После этого им подали вдоволь кушать и пить.

Тогда Малха-Азани обратилась к князю:

— Мы в твоем доме кушать и пить не будем до тех пор, пока ты не приведешь сюда муллу, который живет по соседству с тобою, двух жен своих и разведенную, выгнанную тобою жену.

Князь всех их собрал в свой дом, как просила Малха-Азани.

Малха-Азани тогда встала и, обращаясь к князю, сказала:

— Князь, посмотри сюда! Вот этот золотой мальчик и девочка — дети твоей разведенной, выгнанной тобой жены, вот

этой женщины. Мы же с этой другой женщиной — жены твоего сына. Тебя подвели твои две жены и вот этот мулла, который давал им советы, чтобы погубить твоих детей; они лишили тебя семьи. Если ты их не убьешь — ты должен убить их,— то я убью их.

Все трое — две жены князя и мулла — были убиты по приказанию князя. Остальные же стали продолжать жить весело и хорошо...

Передав такой рассказ своему мужу, разведенная и вновь вернувшаяся жена говорит ему:

— Муж мой, радуйся, если ты женишься на такой женщине, как Малха-Азани... ты помолодеешь!..

Обрадовавшийся муж ей ответил:

— Ты так хорошо все это рассказала, что я после этого не хочу другой женщины, кроме тебя! Ты, оказывается, знаешь хорошие рассказы. Как это ты хорошо рассказала!..

Глава третья

Однажды во дворе под грушевым деревом сидел муж и точил косу. Жена подошла и сказала своему мужу:

— Какой ты веселый, в хорошем настроении, ты точишь косу?

Муж ответил:

— Жена! Нам надо жить; кто летом из комнаты выгоняет мух и лежа проводит время, у того зимою не будет корма для скота. Нужен же корм для нашей коровы? А потому точу косу, чтобы косить траву.

Жена ответила:

— Хорошо, что ты так думаешь, и взялся за дело,— теперь я тоже буду работать, и дружно будем жить с тобою.

Продолжая точить косу, муж сказал жене:

— Я тебе расскажу одну сказку, слушай внимательно.

В старину жили муж и жена, у них зимою не было корма, пал двухлетний теленок. Муж сейчас же отрубил у него хвост и повесил его в комнате на видном месте за дверью. Однако, когда наступило лето, муж воткнул этот хвост за пояс и пошел косить. Во время работы, когда уставал работать, он вытаскивал из-за пояса хвост, встряхивал его и говорил про себя: „Когда вспомнишь, что теленок, которому принадлежит этот хвост, пал за неимением корма, то уставать от работы не будешь".

Скажу тебе еще одну чеченскую пословицу: „У кого летом не кипел мозг, у того зимою не будет кипеть котел", или: „Кто не бегал летом, тот будет бегать зимою". Приведу тебе пример: два чеченца зимою шли вместе по дороге. Один был в шубе, ему было тепло, а другой почти голый и весь дрожал от холода. Тот, который был гол, сказал другому:

— Давай побежим!

Другой ответил:

— Нет, я не хочу бегать — бегай ты; я бегал еще летом, когда ты, лежа в комнате, провел лето; теперь ты весь дрожишь от холода — тебе необходимо бегать.

Жена, довольная рассказами мужа, сказала:

— Ты человек хороший, только любишь чужих жен.

Муж ответил:

— Женщин любят все, и муллы и шейхи, кто их не любит? При удобном случае каждый человек будет возиться с женщинами; нет такого, кто бы не изменял.

Жена сказала:

— Слушай, человек, грех же ведь заниматься грязными делами; мы, женщины, несчастны. Вам, мужчинам, можно делать все, что угодно, а нам ничего не разрешается.

Муж ответил:

— Молчи, жена! Вы, женщины, тоже порою изменяете своим мужьям...

— Ты этим намекаешь на меня,— сказала жена и добавила:— Я не люблю и не хочу никого, кроме тебя.

— Ой ли, жена! Ты все почему-то берешь на себя. Однажды, подобно тебе, один человек, имеющий двух коз, бросился в драку, когда ругали овцеводов, принимая и себя за овцевода: так же и ты принимаешь все на себя.

Жена ответила:

— Я за себя не боюсь, но вы, мужчины, любите позорить женщин и легко нападаете на нас, поэтому я только защищаю себя...

— Жена, бросим все это! Я кончил точить косу, теперь я пойду в поле косить; когда вернусь, я тебе расскажу о том, что говорил наш сельский мулла вчера в мечети.

— Нельзя ли сейчас это сделать? А то я буду беспокоиться и с нетерпением ждать тебя...

— Сейчас я не успею все это рассказать: рассказ длинный и очень интересный. Я скоро вернусь с работы,— сказал муж, взял еду и пошел в поле косить.

До полудня с хорошим настроением косил он высокую траву и после полудня сел под грушевым деревом, чтобы отдохнуть.

Недалеко от него, в своем шалаше, находился другой человек, из его же аула. Он из шалаша крикнул:

— Эй, иди сюда! Будем вместе отдыхать и беседовать, вдвоем будет веселее!

Куря шамилевский табак [18], они сидели и весело беседовали.

Подошедший сказал сидевшему:

— Не знаю почему, но люблю говорить о женщинах; стоит вспомнить женщин — все у меня проходит — и усталость и горе.

— Да,— сказал тот,— женщины — это большая радость, нет жизни без них, я тоже люблю их. Если бы они не приносили радости, богачи, муллы и шейхи не имели бы по три-четыре

жены. Мы — бедные люди, несчастный народ: у нас нет состояния, чтобы жениться; женившись, мы не можем содержать их... У нас нет жизни,— ходим по этим сорнякам, не имея возможности вкусно покушать и прилично одеваться.

— Ты прав, но мы тоже иногда берем свое; удобный случай никогда не пропускаем и получаем кое-что от чужих жен. Чем ближе к старости, тем больше начинаешь любить женщин, как тот бык, который к старости перед тем, как сдохнуть, завещал: „После моей смерти кожей моей покройте корову".

Набеседовавшись так, они вновь приступили к работе.

„Надо скорее покончить и вернуться домой: жена моя, наверное, скучает",— думал он.

В это время из травы выпорхнула маленькая птичка. Он бросился и поймал ее. Птичка сильно испугалась, вся дрожала, и ее сердце сильно билось. Птичка сказала ему:

— Если ты меня отпустишь, то я тебе дам четыре полезных совета.

— Хорошо,— сказал он и отпустил птичку. Птичка полетела, села на ветку грушевого дерева и сказала:

— Слушай внимательно, я дам тебе четыре полезных совета. Первый: как бы тебя ни уговаривали, как бы красиво и увлекательно ни говорили — не верь невозможному. Второй: не кайся после свершившегося, все равно это будет бесполезно. Третий: чужого не желай, только твое, сделанное тобой, принадлежит тебе. Четвертый: как следует ухаживай за своей женой, чужих жен не желай, ибо будешь жить бедно.

После этого птичка продолжала:

— Дурак ты, почему ты меня отпустил? Если бы ты убил меня, то в зобу у меня нашел бы два фунта чистого золота.

Поверив ей, он стал каяться и горевать.

Тогда птичка сказала:

— Моего совета, как видно, ты не принял... Я же тебе сказала: не верь невозможному и не кайся после свершившегося. Я весом только четверть фунта,— как могли поместиться у меня в зобу два фунта золота? А ты стал горевать и поверил невозможному,— сказала птичка и улетела дальше.

У него испортилось настроение, пропало желание косить, и он вернулся вскоре домой. Жена тоже не покладая рук работала дома и приготовила к приходу мужа горячую пищу.

Они вместе дружно и весело покушали. Жена спросила мужа:

— Пожалуйста, расскажи, как ты обещал, то, что мулла вчера рассказывал вам в мечети?

— Хорошо, все расскажу,— ответил муж и начал:

— Мулла говорил: из сорока женщин только одна попадет в рай, и только в том случае, если она верна своему мужу и если муж доволен ею. Сколько бы женщина ни молилась, какая бы набожная она ни была, она в рай не попадет, если не будет верна своему мужу и если муж не будет доволен ею.

Женщина, когда она ложится спать, должна спросить своего мужа раза три: „Хочешь ли ты иметь со мною дело?“ И только после этого, получив тот или иной ответ от мужа, она свободна лечь спать.

Жена сказала:

— Мулла всегда говорит в пользу мужчин: мы, женщины,— несчастный народ. Вам, мужчинам, можно жениться и на второй, вам разрешается и убивать нас, если мы почувствуем желание к какому-нибудь мужчине. Все же,— продолжала она,— раз мулла так говорит, я отныне буду тебе верна и покорна, как подошва твоей обуви...

— Больше ничего не говорил мулла в мечети?

— Мулла говорил еще, что он на-днях был на кладбище, и так как на некоторых могилах нет памятников, он не мог помолиться за умерших, не зная их имен. Поэтому он потребовал, чтобы все граждане зарезали по одному барану, роздали милостыню муллам и поставили памятники на могилах, чтобы он знал, где кто похоронен.

Поверив этому, все сельчане зарезали по одному барану, подарили мулле мясо и шкуру и поставили памятники на могилах своих родственников. Но мулла не поставил памятника на могиле своей матери.

Однажды в мечети один наш сельчанин обратился к мулле и сказал:

— Мулла! Ты нас просил во что бы то ни стало поставить памятники на могилах, чтобы знать, где кто похоронен, и при этом говорил, что большой грех тому, кто этого не сделает. Мы все это сделали и поставили памятники, так что теперь можно узнать, где кто похоронен, а между тем могила твоей матери осталась без памятника. Почему ты, мулла, не поставишь памятника на могиле своей матери?

Мулла ответил:

— Если вы все поставили памятники на могилах своих родственников, то одна лишь она будет без памятника; теперь очень легко узнать ее могилу, и ее будет не трудно найти. Некоторые памятники бывают похожи друг на друга, даже их можно перепутать... Могилу матери моей без памятника найти легко...

— Мулла всегда в свою пользу говорит и делает все,— сказал муж.

Жена сказала:

— Слушай, говорят, что муллы и хаджи[19]— хорошие люди, а между тем иногда ругают их. Я боюсь греха и не ругаю их и ничего не говорю против них.

— Иногда не вредно ругать их, а то они будут еще хуже: они не такие хорошие, как мы думаем,— сказал муж и добавил:— У чеченцев есть пословица: „Если мулле подарить барана, он разрешит похоронить на кладбище и собаку“. Я слышал, как старики рассказывали еще про муллу следующее:

Однажды в какой-то сад забрались буйвол и мулла. Мальчик, заметив их, забежал в комнату и говорит своему отцу:

— В нашем саду находятся буйвол и мулла.

Отец ответил:

— Муллу выгони, а буйвола оставь: буйвол, когда наестся, уйдет, а мулла, наевшись, не удовлетворится, а еще с собою заберет плоды.

Жена спросила мужа:

— Слушай, муллы все время твердят: „Раздавайте милостыню, за это получите возмездие на том свете“, а сами они никогда не раздают милостыни?

Муж сказал:

— Я тебе поведаю рассказ шайтана[20] о милостынях муллы.

Однажды шайтан сидел на перекрестке улиц, где проходило много людей, с зурной[21] за плечами. Один прохожий спросил у шайтана:

— Слушай, это что за зурна висит у тебя за плечами?

Шайтан ответил:

— Это зурна, на которой я играю, когда мулла дает милостыню.

Прохожий сказал:

— Наверное, много приходится тебе играть на ней?

Шайтан ответил:

— Сказать правду, за эти триста лет из этой зурны ни разу я ду-ду[22] не сделал; думаю, что и через три тысячи лет то же скажу...

— А теперь, жена, я расскажу тебе кое-что о хаджи.

Как-то сельчанин из Дуба-Юрта[23] по дороге привязал своего коня за кустик и молился богу. В это время конь развязался и быстро умчался. Дуба-юртовец не мог бросить молитвы и очень волновался.

Шедший навстречу хаджи поймал коня, привел его к молящемуся, поддержал за стремя и посадил дуба-юртовца на коня.

Довольный поступком хаджи, дуба-юртовец сказал:

— Большое тебе спасибо, да полюбит тебя бог; хотя ты хаджи, но все же ты — хороший человек.

— Еще я слышал про хаджи вот что:

Один старик видел во сне много хаджи. Обрадовавшись этому и предчувствуя благие дела, он пошел к Согаип мулле в большой аул Шали с просьбой истолковать ему этот сон, что можно ожидать и как его понять. Согаип мулла ответил:

— Я не могу сказать, что предвещает тебе, когда ты во сне видишь хаджи, а вот если ты наяву видишь хаджи, с уверенностью могу сказать, что это к худшему.

— Ну, жена, теперь я устал, и настало время спать. Давай ляжем спать, а завтра я тебе расскажу много интересного.

Утром всходило солнце, весь небосклон был в огне; белые, как вата, облака тоже были окрашены в красный цвет.

Как вчера, муж сидел под грушевым деревом и точил свою косу. В хорошем настроении ходила жена по двору и занималась своими делами.

— Без тебя скучно,— сказала жена, подошла и села рядом с мужем.— Сегодня можно и не косить, наверное, будет дождь. У чеченцев есть пословица: „Если утро озарится — приготовь плащ; если вечер озарится — приготовь еду“ [24].

Муж перестал точить косу и сказал жене:

— Жена, не уговаривай меня, чтобы я не ходил косить: как голодный волк, приближается зима; если мы не приготовимся к зиме, у нас не будет корма; если не будет корма, то сдохнет наша последняя корова; если сдохнет корова, то погибнем мы с тобою.

Я расскажу тебе, что мне рассказывал мой отец, когда я был маленьким. Слушай внимательно:

В давнее время был день среди зимы, лежал большой белый снег и еще, не переставая, шел снег. В этот страшный день у одного человека кончился корм. Он сидел у окна, смотрел в даль, думал, и в голову ему приходили разные неспокойные думы. В безвыходном положении он крикнул жене и спросил:

— Жена! Скажи мне, какая трава растет раньше всех весною?

Жена назвала траву, которую ни за что не ест скотина,— „гундулгеш“.

Муж ответил:

— Значит, первый стог сена есть.

Наконец, пришла весна, настало жаркое лето, был знойный летний день.

В этот день этот человек закрыл ставни, в комнате стало темно, и он лежал у себя дома, не думая о сенокосе. В это время с водою с речки вернулась жена его и сказала:

— Зачем ты лежишь, человек? Если ты будешь лежать, то откуда у нас будет корм для скота? Неужели ты забыл про прошлую зиму и свое беспокойство, и, наконец, о своих словах: „Первый стог сена уже есть“.

Человек посмотрел в окно и сказал жене:

— Посмотри-ка, жена, в окно! Как думаешь? Если сегодня выпадет снег — он долго будет держаться? Вот так-то, жена, и мы. Помнишь зиму, которую мы провели? — сказал муж и стал точить свою косу.

— Сколько бы я ни просила, я вижу, ты не останешься дома,— я лучше пойду приготовлю тебе еду,— сказала жена и пошла в комнату.

Когда муж набросил на плечи суму с едой и собрался итти косить, жена ему сказала:

— В полдень я приду к тебе в поле с горячей пищей.

Муж в хорошем настроении косил до полудня, а после полудня пошел под грушевое дерево отдыхать. Скоро с едой пришла и жена его. Жена поставила перед мужем еду и сказала ему:

— Не будь тебя, мы и жить бы не могли, а потому тебя надо женить, тогда ты не будешь думать о чужих женах.

Муж ответил:

— Мне не нужна другая жена: пока полы на твоей рубахе существуют, на другой я не женюсь; все же когда говорят о женщинах, у меня проходит усталость и что-то щекочет мне сердце.

— Если ты не хочешь,— отвечала жена,— насильно тебя никто не женит. Я сама все становлюсь моложе и все больше хочется иметь дело с мужем. Если ты разрешишь, я тебе расскажу, как нужно поступать и что делать, чтобы муж и жена любили друг друга сильнее. Это мне рассказывала вчера одна старуха из нашего аула.

— Не только разрешу, а буду благодарен и рад, если ты расскажешь.

Тогда жена начала:

У одного отца был сын, которого он очень уважал. Сын этот был женат.

Перед смертью отец сказал сыну:

— Я умираю, у меня одна просьба к тебе, мой сын: через каждую неделю женись и кушай всегда с медом.

Когда отец умер, сын стал выбирать себе жену через каждую неделю и кушал все с медом.

Последняя его жена спросила:

— Почему ты так часто женишься и так много ешь меду?

Муж ответил:

— Отец мой, умирая, завещал, чтобы я женился через каждую неделю и всегда ел бы с медом.

Жена засмеялась и сказала:

— Ты не понял завещания своего отца: „Женись через каждую неделю и ешь с медом“. Это знаешь, что значит? Вот что: в неделю только раз ложись со своей женой, тогда она тебе будет казаться всегда невестой и будешь с удовольствием ночевать с нею. „Ешь только с медом“ — это значит: не ешь до тех пор, пока не проголодаешься окончательно, тогда тебе все будет казаться сладким, как мед.

После этого он перестал жениться и кушать мед.

— Очень интересный и мудрый рассказ,— промолвил муж.

— Теперь слушай ты, а я буду рассказывать,— сказал муж и стал рассказывать.

Была зима, лежал большой снег, на целый аршин. В степи только и был след саней, и то только две полоски от полозьев саней. По полосе левой стороны ехал верхом пожилой человек.

Какой-то молодой человек, тоже верхом, догнал старика, отдал селям и, согласно обычаю чеченцев, не поехал по правой руке старика, а держался по левой руке. Также считал он неудобным сказать старику, чтобы старик перешел на полоску правой стороны, а потому ехал по глубокому снегу, держась левой стороны.

Когда они проехали порядочное расстояние, старик сказал молодому:

— Твоя лошадь, кажется, не из хороших, она уже потная, а моя спокойна.

— Это неудивительно,— ответил молодой человек,— что моя лошадь вспотела: она работает вдвойне, а твоя несет одну работу.

Старик удивился:

— Что это значит — работает вдвойне? Как моя, так и твоя лошадь проходят одинаковое расстояние.

— Что бы ты ни говорил, но оно так есть,— сказал молодой.

Вдруг мимо них ветер пронес маленький кустик.

Старик посмотрел вслед кустику и сказал молодому:

— Откуда и куда он несется?

Молодой ответил:

— С высокой местности несется этот кустик; дойдет он до низкой местности и там он остановится.

— Откуда ты можешь знать, откуда несется и где остановится этот кустик?

И молодой опять сказал:

— Что бы ты ни говорил, но оно есть так!

Когда они проехали еще некоторое расстояние, старик сказал молодому:

— У меня здесь недалеко есть хороший знакомый, заедем к нему, переночуем там, а утром продолжим наш путь.

Молодой согласился. Человек этот имел много баранты и был богат, но гостям своим он дал только чурек и творог.

На второй день, когда они выехали, старик сказал молодому:

— Как много у него было баранты и как он богато живет...

Молодой ответил:

— У твоего знакомого нет баранты и он не богатый.

Старик рассердился, крикнул на молодого и сказал:

— У него тысяча сто или тысяча двести голов овец; как это ты смеешь говорить, что он не богат?

Молодой ответил:

— Что бы ты ни говорил, но оно есть так — и спорить с тобой не хочу.

На второй день молодой сказал старику:

— Здесь недалеко живет мой знакомый, пойдем к нему и переночуем у него.

Старик согласился, и они пошли.

В эту ночь хозяин дома зарезал для них барана, угостил на славу.

На второй день утром, выезжая оттуда, они увидели у них во дворе штук пятнадцать или шестнадцать овец.

По дороге старик сказал молодому:

— Как мало было овец у твоего знакомого!

Молодой ответил:

— У него не то, что мало было овец, а наоборот, у него овец оказалось больше, чем я ожидал.

Тогда старик рассердился и сказал молодому:

— Какой ты глупый: о том, у которого было много овец, ты сказал, что у него мало овец, а у этого, у которого мало овец, ты говоришь, что у него много.

Молодой человек ответил:

— Хоть ты и сердишься, но я прав.

Так они доехали до аула, где жил старик.

Когда они расставались, то молодой сказал старику:

— Когда ты входишь в чужой дом или же когда откуда-нибудь возвращаешься домой, то, прежде чем войти в дом, стучи в дверь: ибо бывают случаи, когда попадаешь в неловкое положение.

Когда прощались, старик сказал молодому:

— У тебя, наверное, здесь нет знакомого, зайди ко мне, будешь моим гостем.

Молодой ответил:

— У меня здесь есть очень хороший знакомый, которого я не стесняюсь и перед которым чувствую себя свободно. Я пойду к нему,— сказал он и распрощался.

Старик прибыл домой. Не постучав в дверь, он вошел в комнату и застал свою дочь голой: она собиралась купаться. Старик попал в неловкое положение, он быстро вышел из комнаты.

Расседлав своего коня, старик вошел в комнату. Дочь спросила отца:

— С кем ты приехал? Как ты приехал домой?

Отец ответил:

— Со мною ехал один молодой, немножко глуповатый человек.

Дочь спросила:

— Почему он тебе показался глупым?

Отец ответил:

— Когда мы с ним ехали, то лошадь его вспотела, а моя нет, то я ему сказал, что его лошадь не из хороших: она устала, а моя не устает. На это молодой ответил: „Ничего нет удивительного: моя лошадь несет двойную работу, а твоя одну работу". Такую глупость может сказать только глупый человек.

Дочь спросила у отца:

— Как вы ехали и какой стороны держались?

Отец ответил:

— Я держался с правой стороны молодого, поехал по левой полосе дороги, а он, молодой, ехал по глубокому снегу и держался моей, левой стороны.

Дочь ответила:

— Молодой был прав: ехать по глубокому снегу тяжело, и лошадь несла работу вдвойне.

Отец продолжал:

— Он еще сказал на гонимый ветром кустик, что он несется с высокой местности и, дойдя до низкой местности, остановится. Откуда он мог это знать?

Дочь ответила:

— И тут был прав молодой: ветер бывает сильнее на высоких местностях, а на низких он бывает очень слаб, до того, что кустика не сможет сдвинуть с места.

Еще сказал старик:

— Он говорил, что овец мало у того, у которого их было много, и, наоборот, говорил, что больше овец у того, у которого было всего пятнадцать-шестнадцать штук.

Тогда дочь задала вопрос своему отцу:

— Что дал вам кушать твой знакомый и что дал кушать его знакомый?

Отец ответил:

— Мой знакомый нас кормил плохо, а его знакомый зарезал барана и накормил нас отлично.

Дочь ответила:

— Молодой был прав и в этом. Твой знакомый был скупой человек, а потому и баранта его — не баранта, а знакомый молодого был добр, а потому его шестнадцать овец больше, чем тысяча овец скупого.

Наконец, дочь спросила отца:

— Куда делся твой молодой попутчик?

Старик ответил:

— Не знаю, куда он делся, но он мне сказал, прощаясь, что у него здесь есть хороший знакомый, у которого он будет чувствовать себя свободно.

Дочь ответила:

— Значит, он остановился в мечети и ночует там; пойди и приведи его к нам.

У старика была только одна эта дочь, а потому, чтобы удовлетворить ее желание, он пошел за молодым.

Дочь старика считалась в ауле умной и находчивой в делах и в словах.

Старик привел из мечети молодого к себе в дом.

Как только увидели друг друга, молодому понравилась дочь старика, а ей приглянулся и он.

Сидя возле печки, дочь старика готовила еду, а старик с молодым вели беседу.

Молодой, обращаясь к старику, так ловко признавался в любви к дочери, что старик не понимал его, а дочь все отлично понимала. Он обращался к старику, но все это касалось дочери, и дочь хорошо его понимала. Молодой сказал старику:

— Какая у вас хорошая печь, только труба немножечко крива.

Старик не успел вымолвить слово, как дочь ответила молодому:

— Хотя труба крива, но дым из печи идет прямо вверх.

У дочери старика были чуть-чуть косые глаза. Поэтому молодой и сказал, что хороша печь, только труба крива, то есть глаза косые. А дочь, поняв, в чем дело, сейчас же ответила: „Хотя труба крива, но все же дым идет через трубу прямо вверх“, то есть хоть у меня косые глаза, но я не глупа и хорошая хозяйка.

Старик сидел, слушал и ничего не понимал. Когда кушанье было готово, дочь сказала отцу:

— Проводи гостя в кунацкую комнату, там пусть покушает и ляжет спать.

Гостя повели в кунацкую комнату.

Старик пригласил одного молодого человека, чтобы ухаживать за гостем.

Дочь старика испекла хлебы, положила на них десять штук вареных яиц и послала в кунацкую — гостю. При этом она сказала своему соседу:

— Когда будешь подавать хлеб и яйца гостю, то задай ему вопрос от моего имени: „Сколько дней прошло этого месяца и сколько звезд вокруг этого месяца?“

Сосед, который ухаживал за гостем, отломил себе полхлеба, положил себе в карман пять штук яиц, а остальное подал гостю и задал ему при этом вопрос дочери старика. Гость понял, в чем дело, и ответил:

— Этого месяца прошло ровно полмесяца, и вокруг него пять звезд.

Сосед, вернувшись от гостя, передал слова дочери старика: „Этого месяца прошло ровно полмесяца, и вокруг него пять звезд“.

Дочь старика поняла, что от круглого, как месяц, хлеба отломлена половина и белых, как звезды, яиц, с блеском, украдено соседом пять штук, и сейчас же отобрала все это у молодого соседа, который был приглашен ухаживать за гостем.

— Через короткое время молодой гость женился на дочери старика,— сказал муж.

— Очень интересный рассказ,— сказала жена.— Без конца можно слушать твои рассказы, до того они хороши,—добавила она.

— Все время рассказывать и слушать невозможно. Нам надо жить. В свободное время будем рассказывать, а пока возьмемся за работу,— сказал муж и принялся косить траву. До самого вечера они косили траву, а вечером вернулись домой.

По дороге жена сказала мужу:

— Расскажи что-нибудь интересное, будет и весело, и незаметно дойдем до дома.

Муж начал:

Жил-был в старину человек по имени мулла Несирт[25], которого, судя по некоторым выходкам его, можно было считать глупым, а по другим — умным. Словом, был он очень смешной человек. Я тебе расскажу про него.

Поздно ночью, когда все легли спать, мулла Несирт беседовал со своей женой и говорил: сегодня на рассвете я поеду на базар продавать свою лошадь за пятьдесят пять рублей. Но мне только дадут пятьдесят рублей. Ее за такую цену я не продам и поеду дальше, в другой аул. Там мне дадут за нее пятьдесят пять рублей. За эту цену продам свою лошадь, куплю тебе рубаху и чувяки, а себе шапку, материю на одеяло и матрац, а остальные двадцать пять рублей принесу домой.

У муллы Несирта был сосед, очень смешной и хитрый человек, который давно собирался как-нибудь обмануть муллу Несирта. В эту ночь, когда мулла Несирт беседовал со своей женой о продаже лошади, он, сосед, стоял у окна муллы Несирта и слышал все до одного слова, что они говорили.

„Ага,— подумал сосед,— теперь я его как-нибудь обману. Надо собраться ехать на базар и там что-нибудь выкинуть".

До рассвета мулла Несирт сел на лошадь и тронулся в путь-дорогу. Следом за ним выехал и сосед. В дороге мулла Несирт остановился, отпустил коня на траву, положил рядом с собой чалму[26] и рясу и лег спать. Скоро он заснул крепким сном. Сосед, догнав его, взял его чалму и рясу, сел на коня муллы Несирта, а свою папаху и черкеску положил около него и поехал на базар.

Мулла Несирт проснулся, не нашел рядом ни чалмы, ни рясы, ни лошади. Взял он черкеску и папаху, надел их и тоже пошел на базар. Мулла Несирт пошел в конный ряд и увидел там свою лошадь и своего соседа в чалме, в рясе, который продавал лошадь.

Мулла Несирт стал рядом с ним и стал присматриваться и прислушиваться. Ему казалось: и эта лошадь, как и чалма и ряса, похожи на его лошадь, чалму и рясу. „Торгуется так же, как и я предполагал торговать. За пятьдесят рублей не отдает коня, а просит пятьдесят пять. Мало ли бывает на свете похожих друг на друга вещей: может быть, и эти вещи не мои. Лучше молчать и ничего не говорить",— думал он.

Много людей подходило к соседу покупать лошадь, но сосед меньше пятидесяти пяти рублей не отдавал коня. Мулла Несирт совсем потерял голову и думал: „Может быть, он и есть настоящий „я", мулла Несирт?"

Не сторговавшись с покупателями, сосед отправился в другой аул продавать лошадь, как думал и мулла Несирт. Тут мулла Несирт совсем обалдел, но все же пошел за ним следом в другой аул. Там сосед продал коня за пятьдесят пять рублей.

Тогда мулла Несирт подошел к соседу и спросил:

— Что ты думаешь теперь предпринять?

— Пойду на базар, куплю жене рубаху, чувяки, а себе папаху, материю на одеяло и матрац, а остальные двадцать пять рублей понесу домой,— сказал сосед.

Тут уже мулла Несирт принял своего соседа за настоящего муллу Несирта и следом за ним вернулся домой. Когда дошли до дома муллы Несирта и мулла Несирт и сосед оба вошли во двор, жена муллы Несирта, увидев их, с радостью выскочила во двор и бросилась в объятия соседа: он был в чалме и в рясе, она приняла его за своего мужа. Сосед с нею вошел в комнату, а мулла Несирт остался во дворе. Скоро сосед вышел из комнаты и сказал мулле Несирту:

— Возьми свои вещи и заходи к себе в комнату, давно хотел было я тебя обмануть, но никак не удавалось. Сегодня я тебя обманул.

Он переоделся в свое и ушел.

Мулла Несирт ему вслед крикнул:

— Кто ты такой, я не знаю, но знаю одно: кто будет крепко держаться за хвост своего коня, то конь того не пропадет...

Пока муж рассказывал все это, они незаметно дошли до дома.

Ночью, когда они легли спать, муж лежа начал думать. Жена спросила:

— О чем ты думаешь, человек?

Муж ответил:

— Я думаю о той жизни, которую я провел до сих пор, ухаживая за чужими женами и бесполезно тратя время. Надо все это бросить и жить, как живут умные люди: трудиться, а не заниматься мелочами.

Жена очень обрадовалась и сказала:

— Это полезные и хорошие думы. Если мы с тобой будем так думать и жить трудом своим, то мы не будем нуждаться и жить будет легко.

После этого, через некоторое время, жена сказала мужу:

— Я бы желала иметь ребенка; у нас нет детей; кто будет кормить нас на старости лет?..

Муж ответил:

— Жена! Ты насчет этого особенно не беспокойся. Чем иметь плохих детей, лучше их не иметь. Я знаю, бывают у родителей такие дети, которым родители не рады. По этому поводу я тебе расскажу то, что мне рассказывал один старик из нашего аула:

У одного старика и старушки были три сына. Все они были плохие сыновья и не уделяли должного внимания отцу и матери. Тогда отец и мать пустились на хитрость.

Однажды отец пригласил к себе своего старшего сына и

сказал ему: „У меня с женой имеется под кроватью кувшин с золотом. Другим братьям не говори об этом. Мы стали стары и скоро умрем. Корми нас до нашей смерти, а за это получишь кувшин с золотом".

Сын, поверив этому, стал уделять больше внимания отцу и матери и кормил их. А отец и мать умирать и не думали. Сын разорился и не мог дальше кормить их.

Тогда отец тайком вызвал к себе второго сына и сказал ему: „Под кроватью у нас хранится кувшин с золотом. Об этом не говори другим братьям. Корми нас до смерти, и за это получишь этот кувшин с золотом".

Второй сын обрадовался и стал внимательнее к отцу и матери, кормил как следует. Он ждал их смерти, но они не умирали. Второй сын тоже разорился и не мог дальше их кормить.

Тогда отец вызвал к себе младшего сына и сказал ему: „У нас под кроватью хранится кувшин с золотом. Об этом не говори другим братьям. Если ты будешь нас кормить до смерти, то кувшин с золотом дадим тебе".

Младший сын очень обрадовался и стал внимательно ухаживать за своими родителями и кормить их.

Неожиданно старик и старушка умерли в один и тот же день. Все три сына этому очень обрадовались, и каждый думал о кувшине с золотом.

Быстро похоронили старика и старуху, и все трое вошли в комнату, где хранился кувшин с золотом. Каждый из них ждал — вот, мол, двое выйдут и я заберу кувшин с золотом. Но никто не выходил. Тут они поняли, что всем им известно о кувшине, и решили пойти с ним к мулле, чтобы он разделил золото между братьями поровну, как полагается по шариату.

Мулла, выслушав братьев, сказал: „Ваш отец и мать были добрые люди, и они попали в рай. Золото между вами надо делить так: надо высыпать золото на мою папаху, и что упадет с нее, то ваше, мы разделим его между вами, а что останется на моей папахе, то мое".

Братья с этим согласились. Мулла обмотал свою папаху двадцатиаршинной чалмой, чтобы поместить побольше золота, надел ее на голову и сказал старшему из них:

— Ну-ка, развяжи горлышко кувшина и сыпь золото на мою папаху (а кувшин был полон нечистотами). Старший брат развязал горлышко кувшина и опрокинул его на папаху муллы. Вся желтого цвета вонючая жидкость полилась на голову муллы. Мулла, почуяв вонь и мокроту на шее, пощупал рукою шею и понял, в чем дело; тут мулла вскочил и крикнул: „Убирайтесь отсюда вон! Отец и мать ваши были подлые люди, вы тоже самые грязные люди!.."

СТАРЕЦ И ЗМЕЯ

Под одним большим камнем извивалась в предсмертных мучениях змея. Какой-то старец, шедший по дороге, застал в таком виде эту змею. Змея обратилась к старцу:

— Если ты меня вытащишь из-под камня, то сделаю тебе три добра.

Поверив ей, старик вытащил ее из-под камня.

Змея, как только избавилась от камня, бросилась на старца, обвилась вокруг его тела и стала душить его.

Старец обратился к змее:

— Ведь я тебя спас от верной смерти, не души и не убивай меня! Дай пойдем по этой дороге и попросим первого встречного разрешить наш спор, и тогда поступай так, как тебе посоветуют.

Змея согласилась, и они пошли.

Так дошли они до собаки, которая была выгнана из дому и лежала на навозе. Старец и змея рассказали ей все подробно и попросили разрешить их спор. Собака сказала змее:

— Конечно, надо убить этого старца, ибо такой же старец, как он, меня кормил, пока я была полезна, а как только постарела — выгнал меня из своего дома, и я, как видишь, валяюсь на навозе.

Старец с этим не согласился, и они пошли дальше.

На окраине села они встретили старенькую, никому не нужную клячу, которая паслась без всякого надзора. Старец и змея рассказали про свое дело. Выслушав их, лошадь сказала змее:

— Конечно, надо убить этого старца, ибо такой же старец, как он, меня кормил, пока я ему была полезной, а как только стара стала — выгнал меня со своего двора, и вот так я брожу, никому не нужная, по окраине села.

Старец не согласился и с этим решением, и они пошли дальше, чтобы обратиться к последнему и решительному совету. Шли они и встретили лисицу. Старец сказал лисице:

— Мы со змеей имеем спорное дело: пожалуйста, разреши его.

— Я разрешу ваш вопрос только тогда, когда, как прежде, змея полезет под камень и ты, старец, вытащишь ее из-под камня на моих глазах,— сказала лисица.

Согласились с этим, и змея легла наземь, а старец положил на нее камень. В это время лисица сказала старцу:

— Теперь размозжи ей голову и в другой раз будь умнее!

О НЕБЫЛИЦАХ

Один богатый чеченец, владетель мельницы, любил состязаться на лучшее рассказывание небылиц. В этих спорах он выигрывал у бедных людей по одной мере пшеницы.

Однажды один бедный чеченец пришел к нему на мельницу помолоть меру пшеницы.

Владетель мельницы ему сказал:

— Давай поставим по одной мере пшеницы и поспорим, кто из нас лучше расскажет небылицу?

— Давай поспорим,— ответил бедный человек.

В первую очередь начал рассказывать богатый:

— Была у меня одна курица, которую я отлично кормил и за которой ухаживал. В один день я курицу свою запер в комнате и сам ушел по своим делам. На второй день вернулся домой и осмотрел комнату, в которой оставил курицу. И что же — увидел, что комната полна яиц, и даже через дымовую трубу яйца вываливались наружу, а на трубе сидела моя курица. Не зная, как поступить, я нанял много рабочих и лопатами, как зерно, высыпал яйца на двор и стал их молотить. Из этих яиц вывелся полный двор кур и петухов. Тогда со злости я взял длинную хворостинку и стал их гнать по двору. После этого все эти куры и петухи превратились в одну курицу и в одного петуха.

Богатый остановился и сказал:

— Вот это и есть моя небылица.

— Хорошо,— сказал бедный человек,— теперь я буду рассказывать:

Был у меня длинный пчельник и много ульев. Среди пчел была одна большая пчела, которая охраняла весь пчельник. Однажды пчела эта пропала без вести.

Я вышел из дому и долго тщательно искал ее. Через некоторое время я услышал, что она находится в какой-то отдаленной местности, и отправился туда. Когда дошел до этой местности, то увидел, что пчелу запрягли и она вместе с шестью быками пахала землю; она сильно натерла себе шею.

Освободив свою пчелу, я с нею вернулся домой и обратился к людям: „Чем лечить шею пчелы?“ Умные люди мне ответили: „Смешать жир с орехами и эту смесь накладывать на шею: это — самое верное средство“.

Я смешал жир и орехи и положил на шею пчелы. Ночью лег спать, а утром пошел проведать пчелу и вижу: на шее пчелы выросло большое ореховое дерево, а на дереве — орехи. Чтобы сбить орехи, я взял ком земли и бросил на дерево, но ком застрял на дереве. Из этого кома выросла поляна, для пахоты которой потребовалось три дня времени. Поляну вспахал и посадил там арбузы и дыни. Когда они поспели, я пошел на бахчу и увидел среди множества арбузов и дынь одну большую дыню. Не имея возможности привезти ее домой, я стал клинком делить ее на части. В это время из дыни выскочил заяц, а за ним — много охотников. Тогда я размахнулся и сильно ударил зайца топором, отчего заяц из-под хвоста выбросил бумажку. Посмотрел я на бумажку, а на бумажке было написано: „Не отбирай у бедного человека меру пшеницы“...

ЭШИРП, СЫН ГАРАПА

Жили-были отец и сын. Они всю жизнь свою пасли телят. Были они бедные. Однажды сыну приснилось, что где-то есть какой-то Эширп, сын Гарапа: кто научится говорить на языке, которым владеет Эширп,— все желания его исполнятся.

Проснувшись, сын сказал отцу:

— Ну, теперь пойдем домой...

Отец с сыном оставили телят и пошли домой.

На второй день сын сказал отцу:

— Пойди сегодня же к нашему славному князю и посватай за меня дочь этого князя...

Отец считал это неосуществимым, и все же пошел, боясь сына. Когда отец дошел до многоэтажного дома князя, обнесенного большой стеной, он не знал, как войти во двор, сел на крыльцо и опечалился.

Князь, который смотрел в окно, увидел мрачного старика и, подумав, что он пришел за милостыней, послал своего слугу привести в дом, чтобы накормить и отпустить.

Когда отец вернулся домой, сын спросил у отца:

— Посватал ли ты мне княжескую дочь?

Отец ответил:

— Князь позвал меня к себе, накормил и отпустил меня. Мне было неудобно сватать дочь его...

Вторично сказал сын отцу:

— Пойди и посватай княжескую дочь за меня. Если ты на этот раз этого не сделаешь, то я тебя убью.

Опять направился отец к князю, но, подойдя к его дому, побоялся из-за собак войти во двор и сел, как тогда, на крыльцо.

Сидевший у окна князь опять позвал старика к себе, накормил, отогнал собак и отпустил домой. Отец пришел домой. Сын спросил у отца:

— Что сказал князь? Выдаст ли он свою дочь за меня?

Отец ответил:

— Князь зовет меня к себе, кормит, и мне неудобно становится говорить с ним о таких вещах... Если я буду сватать его дочь, все равно он ее за тебя не выдаст и со мной будет плох.

Сын рассердился на отца, выругал его и сказал ему:

— Пойди сейчас же к князю, посватай за меня его дочь. Если ты этого не сделаешь, то клянусь тебе, что я тебя убью.

Побоялся сына отец, пошел к князю сватать его дочь за своего сына и, как тот раз, боясь из-за собак войти во двор, остановился у крыльца и сел.

Князь через окно увидел старика и послал человека за ним, накормил его, хотел дать милостыню, но старик не принял.

— Зачем не принимаешь милостыни? И почему ты такой печальный?— спросил князь.

Старик ответил:

— Я не знаю, как мне быть. Если я передам тебе поручение сына, то боюсь, что ты убьешь меня; если же я не скажу, то он убьет меня.

„Лучше пусть князь меня убьет, чем убьет сын“,—подумал отец и рассказал князю, что сын прислал его посватать за себя княжескую дочь.

Князь вскочил, топнул ногой и стал в гневе говорить:

— Сам тебя не убью и сына не заставлю убивать тебя; я тебя брошу собакам, и пусть они загрызут тебя! — С этими словами князь выбросил его на двор — собакам на съедение.

Собаки окружили старика. Дочь князя, смотревшая в окно, увидела старика, раздираемого собаками. Тогда она обратилась к отцу:

— Да не будешь ты несчастлив, мой отец! Поступать так с человеком тебе неудобно, лучше прикажи выполнить невозможное; скажи, что если сделает то-то, можно будет выдать дочку.

— Ты права,— сказал отец и, выгнав собак, притащил старика в дом и сказал ему: — Я выдам свою дочь за твоего сына, если у него хватит богатства построить семиэтажный дом и обвести этот дом плетнем из золота и меди...

Отец очень обрадовался, ибо ему нужно было получить только ответ, и направился домой.

Сын спросил у отца:

— Выдаст ли князь свою дочь?

Отец ответил:

— Выдаст, если у нас хватит силы выполнить то, что он требует,— и рассказал все, что сказал князь.

Сын сказал отцу:

— Хорошо, я ухожу и не вернусь до тех пор, пока у нас не соберется столько сил, сколько нужно будет для постройки дома, как говорит князь, а ты оставайся дома.— И сын ушел.

Он шел, шел и дошел до места, где проживает известный сын Гарапа Эширп.

Сын Гарапа Эширп сказал этому малому:

— Будешь ли ты ухаживать за лошадьми, вывозить навоз и жить у меня?

Малый согласился и на три месяца поступил на работу. В этот день Эширп уехал по делам, поручив малому ухаживать за лошадьми и работать.

Засучив штаны до колен, малый горячо работал, ухаживая за лошадьми и убирая навоз.

Дочь Эширпа из окна увидела малого, так горячо работающего у них во дворе. Она вызвала его к себе в комнату и спросила:

— Знаешь ли ты, кто такой мой отец Эширп?

Малый ответил:

— Нет, не знаю, но знаю, что я беден, а он богат, я и пришел работать у него.

Дочь Эширпа сказала:

— Я тебе расскажу, кто отец. Посмотри в эту комнату, ты увидишь — колья торчат, девяносто девять штук, и на них надеты головы, а один кол свободный; вероятно, твоей голове тоже суждено попасть на этот кол... Почему отец мой убивает людей — я тебе и об этом сейчас расскажу. Все так же, как и ты сейчас, поступают к нему работать на три месяца, а по прошествии трех месяцев отец задает вопрос: „Научился ли ты моему языку?“ Тот просто, считая неудобным сказать, что не научился, отвечает: „Да, я научился“. Тогда отец отрубает ему голову и сажает ее на кол. Это он делает потому, что кроме нас ни один человек не должен знать его языка, если же еще кто этому научится, то должен или отец погибнуть, или же тот, кто научился говорить...

Дочь Эширпа наняла другого рабочего вместо этого малого; она этого малого взяла к себе, и он у нее научился говорить на их языке.

Когда прошло три месяца и Эширп должен был вернуться домой, дочь Эширпа сказала малому:

— Завтра приедет мой отец; ты рано утром засучи свои штаны и приступай к работе. Отец мой спросит тебя: „Научился ли ты моему языку?“ А ты отвечай: „Нет, не научился; как же я научусь, когда в день моего поступления на работу ты уехал и приехал только сегодня, когда исполнилось ровно три месяца“.

В день возвращения Эширпа малый засучил штаны до колен и энергично принялся за свою работу.

Приехал Эширп и сейчас же спросил малого:

— Научился ли ты говорить по-моему?

Малый ответил:

— Нет, не научился. Как же я мог научиться, когда в день моего поступления ты уехал и сегодня, через три месяца, в день моего увольнения, приехал; я только второй раз вижу тебя...

— Ты прав,— сказал Эширп,— ты не мог научиться моему

языку. Многие люди не умели так отвечать, и я их убивал. Ты можешь сегодня получить все, что причитается, и ехать домой...

Эширп отдал все, что ему причитается, и отпустил малого домой.

Малый приехал домой и через два дня, ложась спать, сказал своему отцу:

— Смотри, я превращусь в хорошего коня, утром ты меня веди к кумыкам и продай, но помни: недоуздок не давай никому, а то я останусь у них. Если же ты вернешься с недоуздком, то следом за тобой вернусь и я.

Утром, как было сказано, малый превратился в коня. Отец, как указал сын, надел недоуздок, отправился к кумыкам и продал коня за шестьдесят туманов, взял недоуздок и вернулся домой. За ним следом пришел домой и малый.

На вторую ночь он сказал отцу:

— Сегодня я лягу спать, а утром превращусь в красивую девицу. Утром возьми меня и продай армянам, но только наброшенный на голову платок не оставляй им, бери с собой — и я вернусь сейчас же. Если же оставишь у них платок, я останусь там.

Наутро отец видит, что действительно сын превратился в красивую девицу. Отец пошел с нею к армянам. Так как девица была очень красива, за нее заплатили триста туманов. Отец получил деньги, взял платок и вернулся домой.

Спустя недолго вернулся и сын.

После всего этого сын стал угрюмым и задумчивым.

— Что случилось с тобой, почему ты такой грустный?— спросил отец.

Сын ответил:

— Теперь, если я в третий раз выйду из положения, то я убью Эширпа; если нет, он меня убьет.

Ночью, ложась спать, малый предупредил отца:

— Утром я буду козлом. Возьми меня, перевяжи рога, поведи и продай. Первым тебя встретит Эширп. Смотри, только перевязку не отдавай ему, а то он меня убьет и я могу не вернуться домой; если же перевязку возьмешь с собой, то я приду сейчас же домой...

Утром отец видит — сын превратился в козла.

Он перевязал ему рога и отправился продавать его. На дороге встретился Эширп.

— Продаешь козла?— спросил он сердито.

— Продаю,— ответил отец. Он продал его за семь рублей и хотел развязать веревку, а Эширп не дал. Долго они спорили, но веревка досталась Эширпу, и отец вернулся без веревки.

Эширп взял козла к себе, запер ворота, уложил во дворе козла и стал на него ногами, заставляя его жалобно блеять; потом стал звать с криком свою дочь:

— Принеси кинжал, чтобы зарезать козла!

Дочь ответила:

— Я не нахожу кинжала!

— Ну, тогда неси шашку!..

— И шашки не нахожу!..

— Неси какое-нибудь оружие! Пистолет! Что-нибудь из оружия!

— Все оружие спрятано! Ничего не нахожу,— отвечала дочь.

Отец тогда сказал дочери:

— Иди сюда, подержи козла, я пойду поищу оружия!

Дочка пришла и стала держать козла, а отец пошел искать оружие, чтобы зарезать козла. Тогда дочь обратилась к козлу и сказала:

— Отец пошел искать оружие, чтобы зарезать тебя; когда он будет возвращаться, ты из всех сил вскочи, я же тебя освобожу.

Отец возвращался с кинжалом, и в это время козел встрепенулся, и дочь Эширпа, будто не удержав, освободила козла. Тогда козел превратился в лисицу — и давай бежать. Эширп превратился в гончую собаку и помчался за лисицей, и так далеко ушли они. В это время князь, у которого сын сватал себе дочку, стоял на высоком месте и следил за ними, прося бога пощадить лисицу. Вдруг лисица превратилась в голубя, а гончая превратилась в ястреба. Голубь впереди, ястреб за ним взвивался вверх, не давал голубю хода. Тогда голубь превратился в яйцо и упал на князя, смотревшего на них. Ястреб превратился в красивого человека, сидящего на стуле с пондарой в руке, пел песни и восхвалял князя, умоляя дать ему яйцо. Князь долго отказывался, но, наконец, отдал яйцо балалаечнику.

Тогда яйцо превратилось в зернышки и рассыпалось, а пондарист превратился в курицу с девятью цыплятами и стал быстро собирать зернышки. Одно зернышко попало в обувь князя, и не могла курица его достать; зернышко это превратилось в дикую кошку и моментально задушило курицу с девятью цыплятами. Под конец он превратился в самого себя и обратился к князю:

— Если хочешь теперь, выдай за меня свою дочь,— и направился домой.

Как только прибыл домой, он быстро, как было сказано князем, построил дом лучше княжеского. Вокруг дома сделал забор из золота и меди и дорогу, идущую от дома князя к его дому, превратил в золотую и по этой дороге послал людей к князю — сватать его дочь за себя. Князь дал согласие.

ТРИ СОВЕТА СТАРЦЕВ

Жил в старину богатый человек. Случилось, что он обеднел, и у него остались только одна лошадь и три раба. Он сел на свою лошадь, взял с собою своих рабов и пустился в далекий путь, чтобы продать рабов.

По дороге он встретил одного старца.

— Что ты делаешь, добрый молодец? — спросил старец.

— Да вот по бедности своей выехал — хочу попытаться продать своих рабов.

— Не продашь ли одного раба за полезное слово старца?

— Продам,— ответил человек и, выбрав лучшего раба, сказал старцу: — Скажи свое полезное слово!..

Старец сказал:

— „Будь честным в отношении хозяина дома, где бы ни остановился".

Взяв раба, старец ушел.

Человек со своими двумя рабами и с лошадью двинулся дальше.

Когда он доехал до одного города, то встретившийся другой старец спросил:

— Что ты делаешь, добрый молодец?..

— Да вот по бедности своей выехал, чтобы продать двух своих рабов...

— Не продашь ли мне одного раба за полезное слово?

— Что же, продам, скажи свое полезное слово...

— Хорошо, слушай: „Когда будешь куда-либо ехать, остановись там, где застанет тебя ночь".

Старец взял раба и ушел, а человек с одним своим рабом двинулся дальше. Так он доехал до другого города.

Опять встретился старец и спросил:

— Что ты делаешь, добрый молодец?

— Да вот по бедности своей выехал продать своего раба.

— Не продашь ли его мне за полезное слово?..

— Продам, скажи мне полезное слово...

— Полезное слово? Хорошо, слушай же: „Когда выйдешь из себя — имей терпение"...

Старец взял раба и ушел.

Продав рабов, человек сел на свою лошадь и поехал дальше. Ехал, ехал он по далекой чужой стране и остановился недалеко от города, у речки. Пустил коня на траву, положил седло под голову и лежа думал о своем житье-бытье.

Красивая, как солнышко, молодая женщина пришла по воду на эту речку. Наполнив свой кувшин водой, женщина подошла к человеку, поздоровалась с ним и стала просить, чтобы он вошел в их дом. Как женщина ни просила, он не пошел к ней.

Вторично пришла по воду эта женщина, наполнила водою кувшин, подошла к нему и стала просить его зайти к ним в дом. Как она ни просила, он не пошел, и женщина ушла.

Через короткое время женщина опять пришла по воду, наполнила кувшин водой, поставила его на землю, подошла к нему, взяла седло из подголовья его, поймала лошадь, оседлала ее и за уздцы повела лошадь за собой, и таким образом она привела его в дом свой.

Она была очень красивая женщина, он с нею беседовал с удовольствием.

Ночью женщина постлала постель и сказала ему:

— Ложись на постель — будем спать вместе, у нас никого нет дома и некого бояться.

— Нет,— ответил он,— я не буду с тобой спать, потому что я продал своего раба старцу за одно слово — „быть честным в гостях".

Женщина убедилась, что он не ляжет с ней спать, ушла в другую комнату и дала ему возможность спать одному.

Когда он уснул, женщина пришла опять и легла рядом с ним.

Он проснулся, вскочил и больше не ложился. В это время в окно следил за гостем муж этой женщины.

Когда гость наотрез отказался от женщины, то муж, стоявший до сих пор у окна, вошел к ним в комнату. Они поздоровались, пожали друг другу руки, и муж этой женщины сказал:

— С давних пор искал я честного друга, но не находил его. Я часто, с обоюдного согласия с женой, выкидывал такие штучки, как сейчас с тобой; все оказывались нечестными по отношению хозяина, соблазнялись на ласки женщины. Вот один-то и не пошел на эту удочку. Я хочу быть твоим другом и дружить с тобой, как с честным человеком...

Они крепко пожали друг другу руки и сделались друзьями.

Хозяин сказал:

— Отныне будем ходить друг к другу в гости и сделаемся большими друзьями.

При этих словах хозяина гость призадумался. Заметив это, хозяин спросил:

— Почему мои слова о том, чтобы мы ходили в гости друг к другу, удручают тебя? Не хочешь, чтобы я ходил к тебе?

Гость ответил:

— Что ты будешь ходить ко мне в гости, это хорошо; но я бедный человек и не смогу тебя, как гостя и друга, удовлетворить во всем...

После таких слов хозяин подарил ему целые куржины золота и серебра.

Проводив гостя как полагается, хозяин вернулся домой, а гость тронулся в путь, и по дороге он нагнал семь человек хаджи и с ними вместе продолжал путь. Вечером они дошли до одного города. Хаджи не остановились в городе и двинулись дальше, а человек тот, как его ни упрашивали продолжать с ними дорогу, отказался и остановился в городе, потому что, когда он продавал старцу одного раба, старец сказал ему полезное слово: „Остановись там, где тебя застанет ночь".

Переночевав в городе, на второй день он тронулся в путь и на дороге наткнулся на семь трупов хаджи, убитых порочными людьми.

Итак, после многолетнего скитания человек этот ночью прибыл домой. Увидев дома свет, он заглянул в окно и увидел красивого молодого человека рядом со своей женою. Он принял его за любовника своей жены. Снял с плеч свое ружье и прицелился через окно в молодого человека. Но вдруг вспомнил слова: „Когда выйдешь из себя — имей терпенье".

Вспомнив это изречение старца, он, и не дав выстрела, опустил ружье и постучал в окно.

Молодой человек выбежал во двор, взял лошадь и остался с нею, а он вошел в комнату.

Войдя в дом, он сказал женщине:

— Я — твой муж...

— Нет, ты не мой муж,— ответила та,— мой муж давно пропал без вести.

Он засучил рукава и показал жене знакомый ей шрам. Тогда она убедилась, что он действительно муж ее.

— Иди скорее сюда — отец твой приехал! — крикнула она сыну, стоявшему во дворе с конем. Молодой человек прибежал в комнату.

Когда хозяин этого дома выезжал из дома, юноша этот находился еще в утробе матери, поэтому отец сразу не узнал его.

Недаром некоторые старцы бывают мудрыми:

„Ничего не предпринимай, прежде чем не подумаешь о последствии".

МАТЬ И ДОЧЬ

Жила в ауле вдова. Жила небогато. У нее была одна дочь. Она была краше солнца. За ней ухаживали три друга: сын муллы, сын купца и сын бедняка.

Как-то раз красавица пошла по воду и вызвала всех троих друзей.

Те пришли, и красавица сказала им:

— Вы все трое ухаживаете за мной. Вы все трое любите меня. Не хочется мне обидеть вас, но должна дать вам троим задание, и лишь тот из вас, кто его выполнит, получит право на меня.

— Скорее скажи! Скорее задавай! — сказали все трое.

— Я выйду замуж за того, кто принесет мне самое лучшее сокровище в мире.

— Согласны! — ответили три друга. Они наметили себе города и разъехались в далекие края.

После долгих скитаний сын купца нашел бездонный жемчужный стакан, вода из которого спасает от смерти.

Сын муллы нашел золотую бурку, на которой можно лететь куда угодно, в любой край.

Сын бедняка нашел зеркало, которое стоило два шей[27]. Продавец этого зеркала не знал, что в этом зеркале можно видеть все, что делается в мире, и даже мысли человека, а сын бедняка догадался и купил.

Все три друга после долгих скитаний съехались в назначенный город и там встретились. Как-то раз сыну бедняка захотелось увидеть красавицу, и он, посмотрев в зеркало, увидел ее умирающей, окруженной отцом, матерью и родственниками. Владелец зеркала рассказал об этом своим друзьям; они посмотрели в зеркало и убедились, что красавица лежит при смерти. Все трое сели на золотую бурку и прилетели домой. Они пошли к красавице. Владелец жемчужного стакана дал выпить из него красавице, и она выздоровела.

После этого пошел спор. Владелец золотой бурки сказал:

— Не будь моей бурки, мы не успели бы к ней во-время и красавица умерла бы.

Владелец жемчужного стакана сказал:

— Не будь моего лекарства, красавица не выздоровела бы.

Владелец зеркала сказал:

— Если бы не было моего зеркала, то ни лекарство, ни золотая бурка не помогли бы.

Тогда красавица задумалась: что делать?

Мать после долгого раздумья сказала:

— Владельцу жемчужного стакана следует платить за лекарство, владельцу золотой бурки следует платить за доставку, а владельцу зеркала принадлежит моя дочь.

Первые двое не согласились; возник спор между тремя друзьями.

Красавица сказала:

— Да, все вы правы: не будь зеркала, вы меня не увидели бы умирающей; не будь ковра, вы во-время не приехали бы; не будь стакана, я не выздоровела бы... Теперь я вам задам новое задание, и тот, кто первый исполнит, получит право на меня.

— Скажи, что исполнить? — спросили все трое.

И красавица сказала:

— Принесите мне такую вещь, которую можно кушать, но которая, если сварить с медом, не станет слаще и вкуса не потеряет, которая, если сварить с маслом, жиру не примет и, если даже сварить со свининой, может кушать каждый магометанин.

Все трое задумались и начали разгадывать и искать.

Прошло время; владелец зеркала, сын бедняка, явился к красавице, преподнес яйцо и сказал:

— Свари его с медом, оно слаще не станет, свари его с маслом, оно с маслом не соединится, и если даже сваришь со свининой, то выброси скорлупу, и его можно кушать каждому мусульманину...

— Я — твоя! — сказала красавица и обняла молодого человека.

— Ты — мое солнце! Все звезды ради нас светят! Луна на наше счастье блестит. Я ради тебя рожден, ты ради меня рождена! — говорил молодой человек, ведя свою невесту в свой дом.

С тех пор они живут вместе. Они видят все мысли и все тайны своих и чужих сердец в своем зеркале.

ДЕВУШКА И СУДЬЯ

Жил-был бедняк. Понадобилось ему по делу съездить. Оседлал он свою единственную кобыленку и тронулся в дальний путь. Едет, едет, уже вечер, он устал, и лошадь устала. Думает, где бы переночевать.

Видит — среди поля арба стоит. Подъехал, поздоровался. Оказывается — купец едет с товаром, ночь в пути его застала, и вот он заночевал под открытым небом. Перекусили оба чем пришлось и легли спать.

Среди ночи кобыленка бедняка возьми и роди жеребенка. Жеребеночек от холода забрался под арбу купца и лежит. Утром бедняк просыпается и видит — жеребенок; от радости будит купца, показывает:

— Смотри, моя-то кобыла что принесла!

Купец посмотрел, почесался и говорит:

— Ты думаешь, кобыла?

— А кто же еще?..

Купец усмехнулся и говорит:

— Клянусь Аллахом, это не кобыла, а моя арба родила жеребенка.

Заспорили. А купец даже спорить не хочет:

— Если не веришь,— говорит,— едем к судье. Он тебе докажет, что моя правда.

Приехали они к почетному кади [28]. Тот выслушал обоих, пригладил седую бороду и хмыкнул:

— Трудно сказать, кто из вас прав. Вы вот что: идите и принесите мне что-нибудь самое жирное, что бы оно ни было, самое красивое, что есть в мире, и самое быстрое, в чем бы оно ни заключалось. Идите, и тот, кто все это принесет, тому и достанется жеребенок.

Ушел бедняк от судьи в горестном раздумьи: где там ему все достать, о чем кади наговорил? Приходит домой пригорюнившись. Дочка подает похлебку на ужин и спрашивает:

— Ты что, отец, печален? Какая беда приключилась? Может, я помогу?..

Рассказал отец дочери о том, как вышел у него с купцом спор за жеребеночка, и о том, как рассудил кади. Дочь подумала, подумала и улыбнулась:

— Знаю, отец, как горю твоему помочь,— сказала она и дала ему совет, с чем нужно итти к судье.

Наутро являются к судье оба: бедняк и купец. Бедняк — с голыми руками, а купец привел жирного-прежирного барана, красивую девушку и кровного скакуна. Баран блеет: бэ-бэ-э... Девушка улыбается судье, а конь бьет копытом и ржет. Кади сидит довольный, кивает купцу. Потом обернулся к бедняку и сухо спрашивает:

— Ну, а ты что принес?

Отвечает бедняк:

— О, кади! Ничего я не принес. Как я мог принести самое жирное, если это — осень с ее плодородием! Как я мог принести самое красивое, если это — цветущая весна! И как можно принести самое быстрое, если это — мысль, обгоняющая любого скакуна!

Нахмурился кади, бороду свою дергает. „Ловко ответил бедняк. Не признай мудрости его слов, еще глупцом назовут". Скрепя сердце, кади сказал:

— Ответ твой правилен, но, кажется мне, не твоего он ума дело. Скажи, кто тебя научил так отвечать?

И тогда бедняк по простодушию своему признался, что так отвечать ему посоветовала дочь.

— Ага,— говорит кади,— ты нарушил наш уговор: прибегнул к посторонней помощи. Поэтому ты не получишь жеребенка, пока не выполнишь еще одного условия. Пускай-ка твоя дочь, если она такая умница, придет ко мне с чем-нибудь и без ничего. Ты понял? С чем-нибудь — и без ничего. И еще скажи, чтоб не шла она по дороге и мимо дороги, а все-таки ко мне бы обязательно пришла. Иди и передай это дочери. Сумеет притти — получишь жеребенка...

И кади улыбнулся удачной своей загадке. Купец тоже засмеялся — быть ему с жеребенком.

Идет бедняк, пригорюнился. Как быть? Разве можно притти с чем-нибудь и без ничего? Не по дороге и не мимо дороги? „Пропал жеребенок!"

Пришел домой, дочь подает на обед кукурузную лепешку и спрашивает:

— Почему печален? Не отдали жеребенка?

Бедняк передал, что требует кади. Дочь подумала, подумала и говорит:

— Ладно, попытаюсь к нему сходить.

Она попросила отца поймать ей воробья.

На другое утро собралась она и пошла к судье: пройдет

десять шагов по дороге — свернет в сторону; пройдет сбоку десять шагов — и снова на дорогу.

Так пришла она к дому кади. Вошла в кунацкую, раскрыла руку, в которой держала воробья, и он выпорхнул в открытую дверь.

Кади вышел ей навстречу, спрашивает:

— Ну, как пришла?

Она рассказывает, что шла и по дороге и не по дороге, шла мимо дороги и не мимо дороги.

— А что принесла?

— Да вот воробья хотела принести, а он улетел. Выходит, что без ничего пришла.

Кади не выдержал:

— И кто только тебя уму-разуму учил? Может, тебя чем-нибудь особенным кормили?

Девушка стоит, улыбается:

— Люди выбрасывали золу из аула. Мой отец в этой золе рыбу ловил и меня ею кормил...

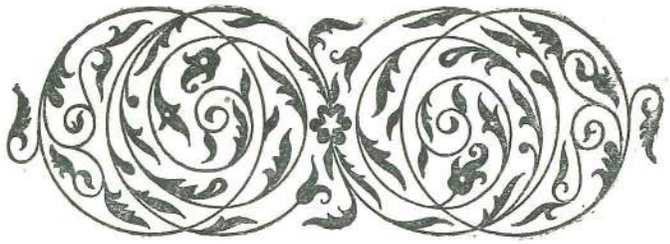
Кади рассердился:

— Ну, кто поверит, будто в золе рыба водится?

Девушка рассмеялась.

— Почему не поверит? Ведь ты же поверил, что жеребенок от арбы родился?

И, взяв жеребенка, она ушла, оставив кади созерцать собственную алчность и глупость.

ХОРОШИЙ БРАК

Были у одного отца и матери две дочери. Они славились своей красотой.

Как-то раз на рассвете обе сестры проснулись, услышав нежное щебетанье птиц; красавицы сели у окна и улыбнулись друг другу.

Вдруг они увидели бегущую по улице ведьму и закричали от испуга. Услышав крик, ведьма остановилась, оглянулась и подошла к окну.

— Красавицы! — заговорила ведьма.— Вы видите, вон бежит дракон! Он бежит за мною. Если вы дракону скажете, что вы меня не видели, то я каждой из вас сделаю добро и приду к вам завтра.

Девицы согласились, и ведьма спокойно ушла.

Когда дракон подбежал, красавицы сдержали свое слово.

После того, как ушел дракон, младшая сестра спросила у старшей:

— А какое добро попросишь ты у ведьмы?

Старшая ответила:

— Я попрошу молодого человека, такого молодого, у которого есть богатство, но нет жен; а ты что попросишь?

— Я попрошу красивого, хорошего и не женатого человека.

— Давай лучше у матери спросим,— сказала старшая.

Придя к матери, сестры подробно рассказали о ведьме и о драконе. Выслушав дочерей, мать сказала:

— У ведьмы не надо просить золота, серебра, табунов лошадей, больших домов.

— А что же просить?

— Сына помещика, сына купца и красоты не надо просить у ведьмы.

— А что же просить? — сказали обе сестры.

— Слушайте меня внимательно. Я — ваша мать, но не знающие нас люди всегда говорят, что я — ваша средняя сестра, что даже я моложе вас. Я так же красива, как вы; так же молода,

как вы, оттого, что мой муж, а ваш отец, был человеком с чистым сердцем, относился ко мне добродушно; он понимал жизнь, любил семью... Он любил меня; он меня ни разу не только не бил, но и не ругал; не только не взял второй жены, но и думать мне об этом не давал. И я относилась к нему очень хорошо. Вот потому я осталась такою молодою, не постаревшей душой и телом, а потому мой вам совет — попросить хороших, добрых мужей...

— А я хочу богатого мужа, чтобы меня не заставляли работать; вот самое для меня главное,— сказала старшая сестра и, рассердившись, ушла.

— Будешь каяться,— сказала вслед мать и обратилась к меньшей дочери: — А ты что скажешь на мой совет?

— Я хочу, мать, красивого, хорошего, молодого, доброго человека, и больше мне ничего не надо.

— А если он бедный? — спросила мать.

— Ведь ты же говорила: не в богатстве счастье, а в человеке.

— Правильно,— сказала мать.

И младшая дочь, по совету матери, решила попросить у ведьмы хорошего, доброго мужа.

На рассвете на следующий день обе сестры у окна ждали ведьму. Придя к ним, ведьма спросила:

— Что вы желаете?

Старшая сестра попросила богатого мужа, а младшая — хорошего мужа.

— Ваша просьба будет исполнена,— сказала ведьма и ушла.

Спустя несколько месяцев обе сестры вышли замуж. Старшая — за богатого, а младшая — за бедного, но хорошего человека.

Прошло пятнадцать лет. Старшая сестра ни разу за это время не бывала у матери.

В один прекрасный день младшая сестра пришла повидаться с матерью. Мать и дочь, беседуя о том, о сем, сидели дома и изредка посматривали через окошко во двор. Вдруг мать увидела — во двор зашла какая-то старушка.

— Вот зашла женщина,— сказала мать,— может, она нищая; отнеси ей кусок хлеба.

Выйдя во двор, дочь увидела горбатую женщину, у которой в одной руке палочка и небольшой узелок в другой руке.

Когда она подошла с куском хлеба поближе, то ей показалось, что на нее смотрят какие-то знакомые глаза.

Долго смотрели они друг на друга, и вдруг, уронив хлеб, она от удивления отскочила и зарыдала.

На крик выбежала мать и узнала упавшую в обморок старшую и постаревшую дочь.

Когда старушка пришла в себя и поднялась, она услышала:

— Дитя мое, взгляни на меня! Если у постороннего спросить, кем я тебе довожусь, то скажут, что ты являешься мне

и моей дочери матерью; что я с моими дочерьми родилась в одну и ту же ночь...

Нужно знать, что богатство — это до приближения бури; что красота — не вечна, это до вечера; чистое сердце, любовь — это вечность, это без границ...

Сказав это, она обняла плачущую дочь и сама заплакала.

СЧАСТЬЕ И РАЗУМ

Заспорили между собой счастье и разум.

Счастье сказало:

— Человеку в мире нужен не ум, а счастье; человек, который имеет счастье, живет в радости и довольстве.

Разум сказал:

— Нет, не согласен я с тобой. Человеку прежде всего нужен разум.

Так спорили счастье и разум между собой и двинулись в путь, доказывая друг другу, что более всего необходимо человеку...

У одного человека было три сына, два ишака и одно деревянное седло. Когда умер этот человек, то два ишака достались старшим братьям, а деревянное седло досталось меньшому брату.

В это время за этими братьями следили счастье и разум. Увидав меньшого брата, счастье сказало: «Я из него сделаю счастливого человека», и осталось с ним. А разум ждал результата.

В один прекрасный день младший брат вышел из дома странствовать. По дороге он видел толпу людей. Оказалось, что этих людей собрал князь, который обещал дать свою единственную дочь тому, кто сумеет своим рассказом рассмешить красавицу.

Многие рассказывали, но девочка не смеялась.

И, наконец, когда очередь рассказывать дошла до меньшого брата, он подумал, подумал и, когда ничего не вспомнил, сказал:

— У нашего отца нас было пять душ, из них три сына и два ишака.

Вдруг красавица захохотала, и князь сказал, что дочь принадлежит ему.

Спустя некоторое время его одели и повели беседовать с красавицей женой.

Молодой человек стеснялся, не зная, что делать. Не выдержав и не проронив ни слова, он бросился бежать и скрылся за дверью. В это время разум посетил молодого человека, и он,

осознав свою ошибку, сразу повернулся, хотел открыть дверь. Но дверь была закрыта.

— Откройте дверь! — сказал молодой человек.

— Не открою. Ты не считал себя достойным быть моим мужем, и я не хочу разговаривать с тобой!..

— Я тебе расскажу причину, открой! — просил опять молодой человек.

Красавица попросила сначала рассказать, и он рассказал:

— В ту ночь, в тот час, когда мы с тобой должны были стать друзьями, в тот самый час предстояло соединение двух звезд, и вот поэтому я выбежал взглянуть на них. Я их видел. Я видел, как тепло соединились две золотые звездочки. Мы должны, красавица, стать с тобой такими же яркими друзьями.

Красавица быстро открыла дверь, и губы их соединились.

ЛИСИЦА И ПЕРЕПЕЛКА

Перепелка упрашивала лисицу стать ее подругой.

— Хорошо,— сказала лисица,— я буду твоей „доттаг", если ты меня один раз насытишь, один раз рассмешишь и один раз напугаешь.

— Ладно, я окажу тебе эти три услуги,— сказала перепелка, вспорхнула и улетела.

Увидела она женщину, несущую пищу пахарям. Вернувшись обратно, повела она лисицу и посадила за одним кустом, сама же села впереди женщины. Женщина положила свой кувшин с едой посреди дороги и нагнулась, чтобы поймать ее; перепелка отлетела и села поблизости. Женщина догнала ее и, желая поймать, опять нагнулась. Перепелка опять вспорхнула и села неподалеку. Перепелка улетала, женщина ходила за ней и таким образом очень далеко отошла от кувшина.

Лисица, опрокинув кувшин, съела все содержимое и ушла. Перепелка в конце концов взмахнула крыльями и улетела. После этого она вернулась к лисице.

— Пойдем,— сказала она лисице,— теперь я тебя рассмешу.

Они вдвоем подошли к людям, которые пахали. Пахари, не зная, почему так долго не несут еды, проголодались и с сердитым видом продолжали пахать. Утомившись, люди остановили быков, чтобы распрячь. Перепелка, спрятав лисицу, полетела и села на рог быка.

— Посмотри, посмотри на перепелку, которая сидит на роге быка! Ударь ее нухдувгирг[29]! — сказал погонщик плугарю.

Брошенный с размаху нухдувгирг, вместо улетевшей перепелки, попал в рог быка и с треском выбил рог.

Взбесившись, бык стал метаться; другие быки, также перепуганные, разнесли на мелкие куски плуг и упряжь.

Лисица, говорят, в этот день была так рассмешена этой картиной, что у нее от продолжительного смеха все кишки пересохли.

— Ты лежи здесь, теперь я тебя напугаю,— сказала перепелка и улетела.

На пути она заметила охотников с гончими собаками. Перепелка села перед ними. Гончие бросились к ней. Перепелка взмахнула крыльями, немного отлетела и опять села. Гончие каждый раз, когда она садилась, кидались к ней; она же перепархивала дальше и опять садилась. Таким образом она подвела близко к лисице гончих и охотников.

Тогда перепелка подлетела к спящей лисице и разбудила ее.

— Скорей спасайся! Тебя настигают охотники с гончими!..

Лисица из всей мочи, как могла, бросилась бежать. Гончие за ней. Под конец, когда она кинулась в свою норку, догнавшие ее гончие оторвали у нее хвост. Когда гончие и охотники ушли, лисица вышла из норки и сказала перепелке:

— Твоя дружба со мною не была дружбой: ты меня сознательно предавала и ты теперь так меня опозорила, что я не могу ходить с равными себе лисицами...

— Я сделала тебе только то, что ты просила; ты сказала: „Насыть меня один раз, рассмеши меня один раз, напугай меня один раз". Разве я виновата, что выполнила твою просьбу?— ответила перепелка, ласкаясь. Все же лисица была на нее сердита. Поэтому перепелка боялась подойти близко к лисице. Прошло некоторое время, и перепелка вновь встретилась с лисицей. Тогда лисица сказала перепелке:

— Ты не виновата, что у меня оторвали хвост, ты исполнила мои желания и больше ничего, поэтому я не хочу быть с тобой в ссоре...

Перепелка после долгих заверений поверила лисице и приблизилась к ней, лисица набросилась на нее и захватила в пасть. Перепелка стала умолять:

— Оставь меня, пока я скажу три слова: какой завтра день?

— Завтра — среда,— сказала лисица.

Когда лисица раскрыла рот со словами „завтра — среда", перепелка замахала крыльями и улетела.

ХАМБОР И ПРИСТАВ

Когда пристав являлся в аул за каким-нибудь делом или взятками, только шутки Хамбора могли выручать аульцев от грубых притязаний начальника.

Однажды Хамбор сидел в гостях у знакомых. В это время в аул явился пристав. Желая осмеять Хамбора, пристав начал требовать, чтобы Хамбор рассказал какую-нибудь сказку. Пристав думал этим унизить своего врага.

Хамбор долго отнекивался, ссылаясь на свою темноту и невежество. Однако пристав не унимался.

Тогда Хамбор рассказал приставу и своим друзьям такую басню:

— У журавля и лисицы было по паре детенышей. Однажды, когда журавль и лисица вышли, чтобы добыть корм для своих детей, они встретились, разговорились и решили вместе добывать пищу детям. Вскоре после этого журавль отправился на охоту, лисица же осталась дома. Не долго думая, она съела обоих журавлят и начала как бы в отчаянии метаться из стороны в сторону.

Возвратившись и увидя лису в таком смятении, журавль спросил:

— Что случилось?

— Пропали детеныши,— ответила лиса.

— Детеныши — длинношеие или короткошеие?— заинтересовался журавль.

— Не все ли равно какие, ведь они — все наши!— заявила лиса в притворном отчаянии.

Журавль ничего больше не сказал лисе, но решил отомстить ей.

Однажды он говорит лисе:

— Послушай, лиса, на небе лежит дохлая лошадь, пойдем ее есть!

Лиса уселась журавлю на крылья, и они взвились к небу.

Кружась, падая вниз и вновь молниеносно поднимаясь, журавль спросил лису:

— Ну, как ты себя чувствуешь?

— Узнал бы ты, как я себя чувствую, если бы мне было на что опереться ногами,— приговаривала злобно лиса.— Так и ты, пристав, узнал бы, что бы я с тобой сделал, если бы было мне на что опереться...

Пристав не мог ничего ответить Хамбору и примолк.

КАК ФУШТ-БЕЙГ ЗАРАБОТАЛ У ВЕДЬМЫ ЖЕРЕБЕНКА И УВЕЗ ЖЕНУ ОТ ГАРБАША [30]

У одного князя родился сын, которого назвали Фушт-Бейг. Мальчик, лежа в люльке, то и дело плакал, а отец, успокаивая его, говорил:

— Не плачь, сынок, когда вырастешь, то для тебя будет женою девица Джинагаз.

Это отец говорил очень часто. Когда мальчик вырос, то однажды отец заметил, что он сидит очень печальный. Спросил он о его печали, и сын ответил:

— С детства ты говорил мне, что возьмешь мне в жены девицу Джинагаз. Теперь сверстники мои уже поженились, а я все еще остаюсь не женатым...

Отец сказал:

— Я не знаю, что это за девица Джинагаз и где она находится. Но давно слышал про нее. Если ты, сын, хочешь жениться, то у разных князей есть много хороших девушек и можно посватать любую.

Сын хотел жениться именно на этой девице Джинагаз. Как бы то ни было, но отец стал готовить своего сына для женитьбы и выбрал для него в подарок четырех хороших лошадей. Когда лошади вернулись на зиму с гор, отец осмотрел ноги лошадей, и у них ноги оказались с мозгом в костях. Он этих лошадей отправил туда же и на другой год. Лишь на третий год лошади были пригодны, и из них он выбрал наиболее лучшего и быстроногого коня, у которого кости ног были совсем без мозга, как стальные. Как-то сын оседлал этого скакуна, взял хорошее оружие и непортящуюся пищу, выехал в далекие страны искать свою невесту. Много и долго он ездил по свету, наконец попалось ему жилье, и он остановился. Переночевав там, рано утром он выехал оттуда. Когда он проезжал через обширные, заросшие камышом места, вдруг из камышей выбежал красивый заяц. Фушт-Бейг так на него засмотрелся и так он ему понравился, что захотелось ему во что бы то ни стало поймать этого зайца. Он возвратился опять в тот дом, где ночевал, и на другой день опять выехал, чтоб изловить зайца.

Опять выбежал заяц из камышей, но Фушт-Бейг не поймал его и опять возвратился на свою ночевку. На третий день опять он встретил зайца, но тут Фушт-Бейг крепко стегнул своего коня и нагнал зайца. Хотел было он схватить его, а заяц превратился в прекрасную девушку. Девушка просила, чтобы он ее не погубил, так как она готова быть его женою, а звать ее Джинагаз. Фушт-Бейг очень обрадовался этому случаю и дал слово не трогать ее. После этого Джинагаз сказала ему, чтобы в следующую пятницу он ждал ее в своем селении на горе, куда она придет со своими сорока прислужницами, чтобы обвенчаться с ним. Условившись так, они расстались. С большой радостью возвратился Фушт-Бейг в отцовский дом. За это время родная мать его умерла, и отец женился на другой, молодой. Приехав домой, Фушт-Бейг рассказал мачехе о своей далекой поездке и сказал, что в эту пятницу у них назначено свидание. Мачеха после этого разговора затаила ненависть в своем сердце к своему пасынку. До пятницы, подкупив подарками своего слугу, смуглого ногайца, она очень просила его, чтобы он всеми силами постарался поехать в пятницу вместе с сыном на свидание и каким-нибудь способом помешал бы встрече с невестой. Для этого необходимо было дать Фушт-Бейгу понюхать сонного лекарства. Когда подошла пятница, то Фушт-Бейг еще с рассвета собрался выехать на курган. Видя это, смуглый ногаец стал неотвязчиво просить взять его с собою, говоря, что он может быть ему полезен, может оказать кое-какие услуги, подержать коня.

Фушт-Бейг, уступив просьбам, согласился, и они поехали вместе. Приехав на место, он развернул свою бурку и лег отдохнуть в ожидании приезда невесты. Как только он немного задремал, смуглый ногаец поднес к его носу усыпляющее лекарство, тот заснул крепким сном. В половине дня показались экипажи, и на курган приехала Джинагаз со своими сорока девушками. Здесь на кургане они остановились, веселились, и Джинагаз, видя спящего человека и зная, что это — ее жених, пробовала всеми силами разбудить его, но он не просыпался. Тогда она сказала, что нехорошо с его стороны так крепко спать, и велела слуге непременно передать ему, чтобы Фушт-Бейг опять в следующую пятницу приехал на это место. Проснувшись уже перед вечером, Фушт-Бейг спросил смуглого ногайца:

— Не произошло ли здесь чего-либо? Я, кажется, много спал?..

Смуглый ногаец ответил:

— Сюда приезжали девушки, их было сорок одна. Все они веселились, танцовали, и одна из них, очень красивая, старалась разбудить тебя, но ты очень крепко спал. Она мне велела передать тебе, что приедет в следующую пятницу на это же место.

Все виденное и слышанное слуга передал княжеской жене,

мачехе Фушт-Бейга. В следующую пятницу опять произошло то же самое. Джинагаз велела приехать на третью пятницу. Все это время Фушт-Бейг очень упрекал себя за то, что так крепко спал. Готовясь выехать в третью пятницу, он долго не спал и с полночи уже собрался выехать на курган. Слуга опять увязался с ним. Сколько ни бодрствовал Фушт-Бейг, но сон склонил его голову, а слуга в это время поднес ему опять сонного лекарства. И на третий раз уехала невеста, не слыша ни слова от своего жениха. Уезжая с кургана, она передала свое золотое кольцо слуге и строго приказала ему передать это кольцо спящему человеку и сказала:

— Я больше сюда не приеду, пусть кольцо останется спящему на память.

Так, проездивши без пользы три пятницы на курган, Фушт-Бейг еще более опечалился. Отец, видя его в печали, опять спросил своего сына. Сын рассказал отцу, как он ездил, нашел девушку Джинагаз, что по возвращении говорил об этом своей мачехе, и сказал, что с ним происходило что-то странное при встрече с девушкой и потому он не мог овладеть ею, но она оставила ему на память свое кольцо.

Отец усмотрел в этом злой умысел своей молодой жены. Не долго думая, он пошел к ней, в сердцах схватил ее, бросил на землю, приставил кинжал к горлу и велел сознаться в проделках против женитьбы сына. Жена созналась во всем, но поправить это дело было трудно. Желая все же разыскать свою невесту, Фушт-Бейг опять выехал из отцовского дома. Долго он ехал, не находя никаких следов своей невесты. Наконец, пришлось ему проезжать по обширной безводной степи. Уже его давно непоенная лошадь едва передвигала ноги, и сам он еле сидел на ней. В безводной степи, без всякого жилья, он вдруг увидел девушку, идущую с кувшином к воде. Он направился к ней. Девушка подошла к колодцу, стала набирать воды. Выбившийся из сил Фушт-Бейг едва подъехал к ней. Лошадь его, почуяв воду, свалилась с ног, сбросив своего седока. Девушка рассмеялась, но Фушт-Бейг сказал ей, что уже семь дней как лошадь его и он сам не пили воды. Девушка из сожаления напоила упавшую лошадь, и она ожила.

Фушт-Бейг стал расспрашивать ее, откуда она и кто она. Девушка рассказала, что она прислужница княжеской дочери Джинагаз, у которой сорок прислуг. Они по очереди носят из этого колодца воду, и так как теперь очередь ее, то она пришла сюда по воду, необходимую для приготовления кушанья Джинагаз. Фушт-Бейг ничего больше не расспрашивал, а просил дать ему напиться из кувшина. Девица охотно предложила. Он напился и незаметно для девушки опустил в кувшин золотое кольцо, данное ему Джинагаз. Фушт-Бейг понял, что теперь уже недалеко до жилья своей невесты, и, отдохнув около колодца, пока скрылась девушка, он спокойно лег спать среди степи.

Когда купалась Джинагаз, вдруг из кувшина выпало кольцо. Подняв его, она признала его за то именно кольцо, которое она на кургане подарила своему жениху. Она теперь думала: как могло к ней попасть это кольцо? Собрав своих служанок, она спросила их, кто сегодня приносил воды. Многие отказывались, но, наконец, указали на одну из девушек. Джинагаз спросила ее, почему принесенная ею вода пахнет человеком. Девушка смущенно рассказала, что у колодца встретила всадника. У него от сильной жажды упала лошадь у колодца. Она напоила его лошадь, и из кувшина напился сам этот всадник. Джинагаз отпустила девушек и сейчас же послала своих людей на розыски этого всадника. Слуги нашли его спящим у колодца и просили приехать к Джинагаз. Фушт-Бейг охотно согласился поехать. Они встретились и зажили веселой жизнью.

Спустя немного времени Джинагаз услышала, что сестра ее выходит замуж, и собралась поехать туда. Фушт-Бейга оставила дома. Уезжая, Джинагаз говорила ему, чтобы он веселился среди сорока девушек, пил и ел, что захочет, но только не отворял дверей в комнаты, которые находятся направо и налево от него. Тот дал слово исполнить все ее указания. Когда уехала Джинагаз, Фушт-Бейг, подстрекаемый любопытством, слегка приоткрыл одну дверь в соседнюю комнату и просунул туда палец. Оказалось, что эта комната была настолько наполнена расплавленным золотом, что даже пальцем можно было ощупать его. Но, просунув туда палец, так сильно обжег его, что золото пристало к его пальцу. Фушт-Бейг задумал обмануть жену, хотел сказать, что обрезал. После этого ему захотелось взглянуть в другую комнату. Отворил дверь — там оказалось темно. Только что отворил он двери и хотел было переступить порог, как в темноте разглядел что-то страшное, небывалое. Оказалось, что там находился прикованный руками и ногами страшный гарбаш. Как увидел гарбаш входящего человека, стал просить освободить его от оков и обещался, что пригодится ему когда-нибудь и сослужит ему службу.

Фушт-Бейг хотел было разорвать цепи, но гарбаш сказал ему, что на полке лежит ключ от оков его и он быстро может освободить его. Только что Фушт-Бейг освободил одну руку, как гарбаш сильно натянулся, размял свои кости—и оковы упали сами собою. Освободившись от оков, гарбаш стал веселиться с сорока девушками. Бывшая у своей сестры Джинагаз почувствовала, что у нее дома произошло что-то неприятное, и, простившись со своей сестрой, возвратилась домой. Приехав домой, она увидела свободного гарбаша и сразу догадалась, что приказания ее Фушт-Бейг не исполнил. Разговаривая, она заметила повязку на его руке. Он сначала хотел было сказать ей неправду, но потом сознался, как обжег палец и как выпустил гарбаша.

Джинагаз сказала ему, что своим непослушанием он испортил всю их дальнейшую жизнь. Гарбаш теперь не отпустит их,

и надо каким-нибудь способом убежать от него. Гарбаш имел обыкновение сразу за обедом съедать целого быка и, пообедав, спать трое суток. Выбрав такое время, когда гарбаш заснул, Фушт-Бейг, посадив на своего быстроногого коня Джинагаз, помчался с нею к своему дому.

Как только скрылись беглецы, конь гарбаша о трех ногах, стоявший в медной конюшне, порвал свои оковы, выломал дверь, подскакал к спящему хозяину и крепко топал около него ногой, стараясь разбудить его.

Гарбаш проснулся, и конь сказал ему человеческим голосом, что Джинагаз убежала из дома с мужчиной. Гарбаш спросил своего коня:

— Ну, как, покушаем, поедем и догоним? Или не покушаем, а догоним?

— Покушавши и не покушавши, все равно догоним,— ответила лошадь. Вскочив на своего коня, гарбаш мигом догнал беглецов, вернул их обратно и при этом сказал он Фушт-Бейгу:

— Так как я обещал сделать для тебя добро, я теперь дарую тебе жизнь за совершенную дерзость, а иначе я лишил бы тебя жизни...

Второй раз убежали от гарбаша Фушт-Бейг и Джинагаз во время его крепкого сна, и опять конь разбудил гарбаша и конь догнал их. Опять гарбаш сказал:

— Второй раз оставляю тебе жизнь.

Собираясь убежать и в третий раз, Фушт-Бейг и Джинагаз советовались, каким способом лучше обмануть гарбаша. Фушт-Бейг спросил Джинагаз, откуда гарбаш достал свою лошадь. Она рассказала ему, что у одной ведьмы гарбаш три ночи пас ее кобылиц и за этот труд он получил себе от этих кобылиц жеребенка. В эти три ночи ведьма старалась наводить на него разные ужасы, но он ничего не испугался, благополучно сберег лошадей и, держа их за повода, не выпускал их из своих рук. За это под конец третьей ночи одна из этих кобылиц родила жеребенка. Как только жеребенок ступил на землю, то со всего света слетелись хищные птицы, и среди них три старых больших орла старались разорвать жеребенка. Гарбаш перебил их всех, но пока отбивался, один из орлов съел у жеребенка одну ногу. Вот этого-то жеребенка о трех ногах и отдала ведьма гарбашу, и из него вышел такой особенный конь. Если бы гарбаш не усмотрел этих кобылиц, то его убила бы ведьма.

Захотелось Фушт-Бейгу попытать счастья — достать и себе такого жеребенка. Об этом он сказал своей Джинагаз, но та его долго отговаривала. Она говорила, что гарбаш им не мешает жить вместе, что лучше дождаться лучшего времени и освободиться от гарбаша. Фушт-Бейг сказал ей, что если у него не будет лошади лучше, чем у гарбаша, им нельзя освободиться от него.

Сказав это, он поехал к тому месту, где жила ведьма. Долго он ехал, сильно проголодался и хотел что-либо покушать. На дороге вдруг попался ему старый орел с подбитым крылом.

Фушт-Бейг хотел добить этого орла, но тот взмолился человеческим голосом оставить его живым, говоря, что он когда-либо ему пригодится. Фушт-Бейг сжалился над этим орлом, обмыл, смазал салом его рану и так отпустил орла на волю, а сам, голодный, поехал дальше.

Дорогой повстречалась ему старая лисица с перебитой ногой. Фушт-Бейг хотел ее добить, но она просила оставить ее живой и сказала, что когда-нибудь она пригодится ему. Фушт-Бейг перевязал ее рану и пустил на свободу. Поехал дальше и на берегу реки встретил огромную рыбу, лежащую на песке. Ему еще сильнее прежнего захотелось покушать чего-либо, и он жадно набросился на эту рыбу.

Рыба взмолилась не губить ее и просила бросить в реку. Она тоже обещала пригодиться ему.

Фушт-Бейг исполнил просьбу рыбы и опять, голодный, поехал дальше. Так приехал он к месту, где жила ведьма. Приехав к ней, он предложил ей пасти ее кобыл, если она даст ему за работу от этих кобылиц жеребенка. Ведьма сказала, что уже было двадцать таких молодцов, как он. Они не смогли устеречь кобылиц на пастьбе, и головы их торчат на кольях в плетне ее жилья. Так если и он не хочет, чтобы его двадцать первая голова была вместе с ними, то пусть не берется за это дело.

Молодец уверил ее, что он возьмется за это дело. Наступила первая ночь. Фушт-Бейг взял в руки повода трех кобылиц ведьмы и вывел их на зеленую траву. Только что он осмотрелся на месте, как засверкала около него молния; грянул страшный гром, гром сменялся страшной снежной метелью и грозно свистящей бурей в ночной темноте. Хоть было жутко Фушт-Бейгу, но он, не моргая, прямо глядел на своих кобылиц и крепко держал их в поводах.

Ведьма, видя, что это не смущает его, сказала ему:

— Как ты стоишь здесь, когда твою невесту Джинагаз увез гарбаш?

Фушт-Бейг быстро оглянулся на голос, потом глянул на своих кобылиц, но их и след простыл.

Удивляясь такому делу, он бросился на розыски кобылиц. Много он бегал в ночной темноте и, наконец, встретил спящего орла. Видя его, Фушт-Бейг рассказал ему о том, что случилось, просил помочь ему. Орел, выслушав просьбу, сказал:

— Кобылиц ведьма укрыла в пещере в недоступных горах.

Орел полетел туда и мигом пригнал их обратно. Фушт-Бейг поймал их и утром рано привел к ведьме. Та поблагодарила за то, что он сумел сберечь ее кобылиц, и поставила их в конюшню.

На вторую ночь случились те же самые ужасы, и опять

голос ведьмы сказал, что Джинагаз увез гарбаш. Фушт-Бейг оглянулся—лошади пропали. Разыскивая кобылиц в ночной темноте, Фушт-Бейг повстречал раненую лисицу и объяснил ей о случившемся, также прося о помощи. Она бросилась в горы и выгнала оттуда кобылиц. Фушт-Бейг опять поймал их и утром привел к своей хозяйке. На третью ночь случилось то же самое. Фушт-Бейг искал в ночной темноте кобылиц и подошел к большой реке: вспомнил, что большая рыба обещалась помочь ему. Позвал эту рыбу, она сказала ему:

— Ведьма спрятала своих кобылиц на дне моря, ты подожди, я приведу тебе их.

Поймавши этих кобылиц и крепко держа их в своих руках, он ожидал рассвета. Перед утром одна из кобылиц ожеребилась, и как только жеребенок коснулся земли, то, откуда ни возьмись, явилось несметное количество разных хищных птиц. Они с особенной яростью бросались на лежащего жеребенка. Особенно сильно нападали три огромных орла. Фушт-Бейг, держа кобылиц в одной руке, другой отражал нападение мелких птиц и орлов. К появлению солнца он уже справился со своей бедой. Жеребенок остался невредимым и о четырех ногах. Из этого жеребенка должен был получиться особенный конь.

Дал ему Фушт-Бейг пососать молоко своей матери, и жеребенок стал сразу таким, что на нем можно было ездить — стал конь чистой крови. Повел Фушт-Бейг обратно к ведьме кобылиц и потребовал для себя, по уговору, жеребенка. Получив этого жеребенка, он повел его в поводу к своей Джинагаз.

Теперь уже ничего не боялся Фушт-Бейг. Выбрав время, когда гарбаш заснул, Фушт-Бейг оседлал своего жеребенка, посадил с собою Джинагаз, и убежали от гарбаша. Опять лошадь разбудила гарбаша и сказала:

— Джинагаз убежала от тебя!

Гарбаш спросил своего коня:

— Ну, как, покушавши — догоним, или, не покушавши, поедем и догоним?

— Теперь хоть покушаем, хоть не покушаем, а все равно не догоним,— ответила его лошадь.

Быстро мчался гарбаш на своем трехногом коне, но быстрее его мчался Фушт-Бейг с девицей на своем четырехногом жеребенке. Конь гарбаша уже стал изнемогать, и гарбаш стал бить его по бокам большой дубиной. Конь его, изнемогая от усталости, закричал скачущему впереди жеребенку:

— Смилуйся надо мной, подожди хоть немного, ведь мы от одной матери, гарбаш бьет меня по бокам своей тяжелой дубиной, и я скоро упаду мертвым!

— Нет,— сказал жеребенок,— хотя мы и от одной матери, но у тебя злой хозяин, и я ему не дам в обиду своего. Но я все же тебе помогу: я буду скакать вперед и в одном месте выкопаю передними ногами глубокую яму, а ты постарайся на

всем скаку остановиться перед этой ямой и сбросить туда своего седока.

Как сказал жеребенок, так и исполнила трехногая лошадь. Жеребенок ударом передних ног выкопал яму глубиною в семьдесят пять локтей.

Гарбаш свалился туда. Сама земля засыпала его, а Фушт-Бейг с Джинагаз благополучно доехали домой, и от них пошло потомство.

ВОСЕМЬ БРАТЬЕВ И СЕСТРА ИХ ВЕДЬМА

(Отчего бывает затмение луны)

В старину жили на свете восемь братьев и одна сестра. Случилось, что в то время, когда братья были в отъезде за добычей, сестру их похитил страшный гарбаш. Семеро братьев отправились на розыски пропавшей сестры, а восьмой, самый младший, остался дома с матерью.

Долго ехали братья и, наконец, подъехали к многоводной реке Сунзар. На другом берегу они увидели обиталище гарбаша, а в высокой башне находилась их сестра.

Когда они подъехали к реке, сестра их смотрела из окна башни. Братья крикнули ей, чтобы она перебросила мост через реку, но она отказалась. Они бросились с лошадьми в волны реки и переплыли ее.

Подъехав к воротам, они просили сестру отвалить камень, служивший дверью, но сестра их отказалась. С большим трудом все семеро отвалили камень и въехали во двор. Тут они привязали к коновязи своих лошадей и сами сели отдыхать.

К вечеру гарбаш вернулся с охоты. В одной руке нес он убитого оленя, в другой — огромную, с корнем вывернутую чинару. Подойдя к братьям, он спросил их, что они хотят: содрать ли шкуру с этого оленя на ужин или на щепки расколоть принесенную чинару? Братья пожелали расколоть чинару. Своими шашками они долго возились над ней, наконец, уставшие, сели. Гарбаш ободрал оленя, сварил его в огромном котле и сам один кушал, а кости бросал братьям.

После того как братья заснули, гарбаш срубил им головы и съел их лошадей. Прошло много времени, младший брат их вырос и стал задирой и сильным. Во время ссоры с товарищами ловил их и, взяв в руки, ударял их друг о друга и этим причинял им сильную боль. Случалось также, что во время игры в альчики [31] он брал их в ладони и, потерев друг о друга, превращал в порошок.

Такой задорный характер мальчика не нравился соседям, и однажды одна женщина сказала ему:

— Если ты такой молодец, то почему не разыщешь своей сестры, которую украл гарбаш, и твоих семерых братьев, которые поехали искать ее и уже много времени не возвращаются?

Чтобы убедиться в правильности ее слов, мальчик пошел к своей матери и спросил ее:

— Правда ли то, что сказала мне женщина о сестре и о братьях?

Мать, боясь лишиться последнего сына, долго отказывалась, но, наконец, рассказала ему.

После слов матери мальчик вывел из конюшни лихого коня, снял со стены почерневшее ружье своего отца и отправился на розыски братьев и сестры.

Он долго ехал и приехал к той же реке. В окно так же смотрела девица, его сестра. Он крикнул ей, чтобы она перекинула мост, но она и ему отказала. Тогда молодец бросился с конем в реку и так переплыл ее, сидя на коне, что даже подпруги не замочил. Подъехав к воротам, он крикнул сестре отвалить камень, но сестра отказала. Молодец схватил камень одною рукою и перебросил его через реку. Въехав во двор гарбаша, он не привязал своей лошади к коновязи, а поставил ее в чугунной конюшне.

Когда вечером вернулся с охоты гарбаш, то принес в одной руке убитого оленя, а в другой с корнем вывернутую большую чинару. Он приветствовал молодца и назвал его своим родным шурином. Чтобы приготовить ужин, гарбаш предложил ему или снять шкуру с убитого оленя или нарубить дров из принесенной чинары. Молодец сказал:

— У своего отца я никогда этого не делал, и отец мой этого не делал — делай ты сам!

Испугался гарбаш такого ответа, и когда на ужин был сварен целый олень, то молодец съел сам, кушал, сколько ему хотелось, а обглоданные кости бросал голодному гарбашу.

— Где ты хочешь ложиться спать? — спросил гарбаш гостя после ужина.

— Я лягу в медной комнате,— ответил тот.

Когда заснул молодец, то гарбаш два раза приходил в эту комнату, намереваясь убить своего гостя, но молодец, подозревая замысел, гнал его от себя.

Как только стало светать, гарбаш пришел в третий раз. Молодец прогнал его и на этот раз, но гарбаш сказал, что он не уйдет, пока не убьет его.

Они решили померяться силами и вышли во двор. Там они боролись три дня и три ночи. Наконец, молодец изловчился, схватил гарбаша и свалил его на землю, отрубил ему одну руку и ногу, выколол один глаз. Тот просил его оставить другую половину, клянясь, что оживит его братьев за это. Молодец принял просьбу своего врага, оставил ему один глаз, руку и ногу. Гарбаш крикнул, и девушка принесла оживляющий камень, точильный брусок.

Потер о брусок ножичком — мигом ожили все братья молодца и их лошади. Тогда молодец все же добил злого гарбаша, и, взяв свою сестру, все вместе поехали домой.

Младший брат ехал впереди.

Дорогою его быстроногий конь три раза споткнулся. Три раза ударил его плетью молодец и очень был удивлен, что конь его стал спотыкаться. Слез он с лошади и, внимательно осмотрев своего коня, заметил, что в одном ухе его сидела ласточка. Молодец схватил ее и придавил в руке, а в это же мгновение остальные братья сказали младшему:

— Сестра наша сильно занемогла, ты не души ласточки, иначе сестра помрет.

Младший брат сказал:

— Если я отпущу ласточку на волю, то и сестра впоследствии принесет нам много хлопот.

Братья все единогласно просили оставить ласточку в живых.

Младший исполнил их просьбу — пустил ласточку, и они благополучно приехали домой.

Предвидя, что из-за их сестры произойдет что-либо неладное, младший брат ушел из дома родителей. Бродил он по разным местам и вдруг на высокой скале увидел дыру, у входа в которую сидел белый голубь. Молодец подошел к этому голубю, но он спрятался в эту дыру. Молодец полез за ним, и ему представилось богато убранное жилище, и на его глазах белый голубь обратился в прекрасную девицу, у которой была звезда на лбу, а на затылке — месяц. Он удивился этому. Они понравились друг другу и решили быть как муж и жена.

Пробыв долгое время с этой прекрасной девицей, молодец соскучился и поехал проведать своих родных. Когда он приехал на то место, где было их село и где был его дом, то там, среди крапивы, лопухов и колючек, нашел лишь дрянную хатенку.

В дырке воротного столба, куда продевается засов, сидела черная кошка с отрубленным задом и еле мяукала. Увидев кошку, молодец засмеялся, а кошка человеческим языком сказала ему:

— Напрасно ты смеешься надо мной, так как это может случиться и с тобой: здесь живет злая ведьма, твоя сестра. Она поела всех людей в селе, твоего отца и мать, весь скот, а когда ничего не осталось, то дошла очередь и до меня — кошки. Теперь она очень голодна, и ты во-время можешь попасть ей на зубы. Я, жалея тебя, выручу тебя из беды, научу, что надо делать, и ты все исполни по моему совету: вот я дам тебе уголь, гребенку, кремень и нетопленое масло. Когда сестра твоя ведьма захочет съесть тебя, ты убегай отсюда, а когда она будет тебя догонять, то ты брось сначала на землю уголь. Позади тебя ляжет тогда непроглядная тьма. Ведьма заблудится во тьме, а ты за это время старайся убежать дальше. Когда она будет тебя опять догонять, то ты брось гребенку. По всей земле

позади тебя сразу вырастет колючий кустарник. Пока ведьма будет пробираться через эти колючки, ты старайся бежать дальше. Когда она опять будет догонять тебя, ты брось кремень. Позади тебя станут высокие горы. Пока ведьма проберется через эти горы, ты беги дальше. Если и дальше она будет догонять тебя, то тогда брось на землю нетопленое масло. Позади тебя образуется широкое море. Дальше поступай, как сам знаешь.

Получив от кошки уголь, гребенку, кремень и нетопленое масло, молодец привязал своего коня и вошел в хатенку. Сестра прикинулась, что очень обрадовалась ему, и говорила:

— Не хочешь ли ты покушать чего-либо с дороги?

Но тот отказался. После этого она выбежала во двор, съела одну ногу у коня и, вбежав к брату, спросила его:

— Разве твой конь о трех ногах?

— Да, о трех,— сказал спокойно брат.

— Дорогой братец, может быть, ты отдохнуть хочешь с дороги, так ложись и засни!

— Нет,— сказал брат,— я спать не хочу!

Она опять побежала и съела еще одну ногу у коня. Потом, вбежавши в хату, сказала брату:

— Да твой конь о двух ногах!

— Да, о двух,— сказал брат.

Опять выбежала она и съела обе ноги у коня. Вернулась к брату и спрашивает:

— Что это, ты приехал на безногом коне?

— Да, на безногом,— ответил брат.

Опять она побежала, съела всего коня, вернулась к брату и говорит:

— Да ты не приехал, а пешком пришел?

— Да, пешком я пришел,— ответил брат.

— Не хочешь ли, братец, воды напиться?— спросила ведьма.

Брат видел давно, что дело его плохо, и старался каким-нибудь способом убежать от ведьмы, а чтобы она замешкалась, то он ответил ей:

— Я выпью только той воды, которую ты нанесешь решетом и нальешь в бездонную кадку.

Ведьма побежала готовить брату воды, а он пустился бежать от нее.

Приготовив воды, ведьма увидела, что брата нет в хате, и бросилась по следу догонять его. Когда она была близко, то закричала ему:

— Вот теперь не уйдешь от меня!

Брат почувствовал, что ведьма уже так близко, что ее дыхание обожгло его лицо. Он сейчас же сделал так, как научила его ведьмина кошка: бросил на землю уголь, и вдруг за его спиной образовалась непроглядная тьма. Пока ведьма блуждала во тьме и выбиралась на свет, брат был уже далеко.

Она опять стала его догонять. Брат бросил гребенку и проделывал все так, как научила его кошка.

Наконец, когда ведьма перебралась через обширное море, брат выбился из сил; он стал взбираться на высокую скалу и увидел там большую дыру, а на краю ее сидел белый голубь. Молодец бросился в эту дыру, чтобы спастись от ведьмы. Ведьма чуть-чуть было не схватила его, но белый голубь развернул свои крылья, закрыл вход и не пустил туда ведьмы.

Ведьма требовала спасшегося молодца:

— Выдай его мне! Он — мне брат!..

Голубь же обратился в девушку, говоря:

— Он — мой муж.

Так они долго спорили и, наконец, решили обратиться к предсказателю. Предсказатель выслушал их и решил, что брат должен принадлежать сестре. Молодой жаль было расстаться с тем, кто стал ее мужем, и тогда она, приподняв его на руки, обратясь к солнцу, произнесла:

— Пусть же он не будет принадлежать ни мне, ни сестре, а будет находиться под покровительством бога,— и отдала своего мужа богу. Сестра-ведьма все старалась отнять его, но бог между солнцем и луной сделал густой туман. Брат нашел окончательное свое спасение на небе, а сестра-ведьма до сих пор бродит в тумане.

Говорят, что когда бывает затмение луны, то это происходит оттого, что сестра-ведьма по имени „Можь“ старается схватить своего брата, но бог посылает сильную темноту (самое затмение). Мать луны по имени „Кинч“ укрывает его у себя, а чтобы Можь совершенно бросила преследование, в это время люди помогают Кинч, стараясь отогнать ведьму, стреляют вверх, в луну [32]. Ведьма боится выстрелов, бросает преследование, и затмение проходит. Народ говорит тогда:

— Вот теперь ведьма испугалась и выпустила брата.

ВОЛК, ЛИСИЦА И ЕЖ

Однажды волк, еж и лисица сошлись вместе. В поле они нашли брошенные кишки. Стали решать, кому их съесть, и заспорили. Волк сказал, что он выше ростом и сильнее всех, поэтому кишки должны достаться ему одному. Лисица сказала, что кишки должна кушать она, а еж предлагал разделить их поровну. Это не понравилось волку, и он опять предложил дать кишки тому, кто переспорит всех. Он предложил дать кишки тому, у кого отец окажется выше. Лисица спросила:

— Какого же роста, волк, был твой отец?

— Мой отец,— сказал волк,— был ростом в самую высокую гору и еще своею головою превосходил ее.

— О, это неудивительно,— сказала лиса.— Мой отец был ростом под самые облака и еще выше их по пояс.

— А у вас такого разговора не было разве слышно,— сказал еж,— что у твоего отца, лиса, на макушке было тепло и мягко?

— Да, да, был,— подхватила лиса, думая, что еж ее поддерживает в споре.

— Ну вот,— сказал еж,— и у нас был хабар [33]. Мой отец, стоя над головой твоего отца, держал на голове его свои детородные части.

Так еж переспорил. Волк предложил спорить еще раз: кто и от чего быстро пьянел. Волк рассказал:

— Когда я бываю около села, то мне достаточно понюхать то место, где бывает вылита барда, чтобы мигом стать пьяным.

— О, это неудивительно,— сказала лиса.— Когда я иногда перебегаю старую пашню с оставшимися еще бороздами, то это так действует на меня, что я падаю.

Когда же стали они ожидать, что скажет еж, то посмотрели на него, а он валялся, как дохлый.

— Что с тобою, еж?— спросили они.

— Пока вы говорили,— сказал еж,— то я, слушая лишь ваш разговор, стал до того пьян, что чуть не умер.— Так опять переспорил еж.

Волк предложил спорить еще раз: кто кого перегонит. Еж при этом посоветовал:

— Давайте бежать по лощинке и притом с горки, а кишки положим в ямку.

Все они поднялись на горку и вместе побежали. Только вышло так, что пока волк и лиса старались перегнать друг друга, еж свернулся в клубок и, покатившись под горку, мигом очутился впереди всех и лег в ямке с кишками. Так и не удалось его переспорить.

В четвертый раз стали спорить о том, кто увидит лучший сон. Вот все легли спать, и волк с лисой скоро захрапели. Еж подумал, что уже три раза в споре он побеждал и не к чему ему спорить еще четвертый раз, и так как был сильно голоден, то и съел все кишки. Проснувшись, голодная лиса спрашивает волка:

— Волк, какой ты видел сон?

— Я видел во сне большое стадо баранов, и курдюки у них были так велики и жирны, что попадали мне прямо в рот.

Лиса сказала:

— Я тоже видела во сне баранов и лакомилась их жирными кишками.

Когда спросили ежа, он сказал:

— Я видел во сне, что вы так вкусно кушали в то время, как я был сильно голоден. Что оставалось делать? Я и съел наши кишки.

Так волк и лиса остались голодными, и еж перехитрил их и свернулся в клубок.

Со злости волк и лиса кинулись было разорвать ежа, но только накололи себе губы о его колючую шкуру.

ЖАДНОСТЬ И НАКАЗАНИЕ ЗА ЛОЖНУЮ КЛЯТВУ

Случилось, что пастухи со стадом сделали привал на поляне среди леса. При переходе на другое место они забыли на этой поляне ягненка и щенка.

К осени ягненок стал большим бараном, а щенок — взрослой собакой. Жили они вместе, причем баран не покидал своего места, пасся на поляне, а собака днем охотилась в лесу, а ночевать приходила к барану.

Однажды лиса заметила барана, такого, какие бывают и в большом стаде, но этот пасся один на поляне. Сначала она боялась барана, затем осмотрелась и долго сидела: ожидала, не отпадет ли у барана с хвоста грязная кочка, которой она думала полакомиться.

Наконец, набравшись храбрости, лиса подошла к барану и громко закричала:

— Как ты смеешь пастись здесь, на моей земле?

— Нет,— сказал баран,— это моя родовая земля.

— Ну, так я приведу сюда завтра в свидетели волка,— сказала лиса и убежала.

Когда вернулась с охоты собака, баран рассказал ей о случившемся и просил защиты. Собака тогда сказала:

— Давай на поляне соберем разного мусора, щепок и земли; я лягу, а ты бросай на меня все это в кучу, так, чтобы вышел бугор, как курган. Когда же придет волк с лисой, ты скажи им, чтобы они около кургана приняли присягу в своей правоте.

Только что баран с собакой успели устроиться, как прибежала лиса, и за ней важно прискакал волк. Еще издали кричала лиса барану:

— Ну что, я тебе говорила, что эта земля моя? Вот и свидетель пришел...

— Если эта земля твоя,— сказал баран,— то вы оба примите, по обычаю нашему, присягу здесь, у кургана: это наше старинное освященное место...

Лиса мигом подбежала к сложенному кургану и, заметив среди мусора два глаза, быстро вернулась. Подбежала она к волку и сказала:

— Волк, я не знаю твердо, наша это земля или нет, поэтому сначала ты прими присягу...

— Ну, как ты не знаешь! — проворчал сердито волк и быстро подбежал к кургану. Только успел он сказать клятву со слов: „валлаги-биллаги!“ [34] — как собака быстро схватила его за горло. Волк до того сильно испугался, что со страху сразу заболел желудком. Лиса же, отбежавши в сторону, смеясь, кричала волку:

— Эй, волк, когда я заметила два глаза, я тогда же узнала, что эта земля не наша! Как же ты этого не мог узнать? Теперь смотри: на чьей земле от страха ты бросил то, что было у тебя в кишках?..

ВОЛК-ДУРЕНЬ

Голодный волк на дороге ожидал добычу. Встретился ему бык. Волк и говорит ему:

— Я тебя съем.

— Нет, подожди, пожалуйста, волк,— говорит ему бык.— Перед моей смертью ты поцелуй меня сначала в губы!

— Ну, хорошо,— сказал волк и с этими словами протянул свою морду. Бык нагнул свою голову и вслед за этим так поддал волка рогами, что он взлетел на воздух и кое-как удрал от быка.

По дороге волку встретилась лошадь. Волк ей говорит:

— Я тебя съем.

— Нет, подожди, волк! Сними сначала у меня с правой задней ноги подкову, а не то ты подавишься,—говорит лошадь.

— Хорошо,— сказал обрадованный волк и стал подходить к задним ногам лошади. Лошадь в это время так его лягнула подкованной ногой, что волк едва ноги унес.

Бредет волк дальше, и на дороге встречается осел.

— Я тебя съем,— сказал волк.

— Подожди, волк, дай мне перед смертью спеть свою песню...

— Ну, пой скорей,— сказал волк. Осел так сильно и беспокойно начал кричать, что стал сбегаться народ. Волк заметил это и убежал.

После стольких неудач волк сел на кургане и громко стал жаловаться на бога и на свою судьбу, приговаривая:

— Зачем меня бог держит, такого глупого, на свете? Разве бык — моя любимая женщина, что я вздумал целоваться с ним? Разве я кузнец, что хотел оторвать подкову у лошади? Разве я на свадьбе гулял, что слушал песни осла?

ХЛЕБ-СОЛЬ ЗАБЫВАЕТСЯ

Как-то волка преследовали охотники, и он искал, где спрятаться. Встретился ему нищий, и он упросил спрятать его в сумку. Когда скрылись охотники, нищий освободил волка, и волк вместо благодарности хотел разорвать его.

Нищий просил волка оставить его живым до встречи с кем-либо, чтобы встречный рассудил, имеет ли право волк съесть нищего, укрывшего его, волка, от преследовавших охотников.

Встретили они издыхающую собаку. Собака сказала:

— Я всю жизнь стерегла добро, а когда стала стара, хозяин меня выгнал и вот здесь околеваю.

Нищий просил волка подождать до следующей встречи.

Встретили худую старую лошадь. Она жаловалась на свою судьбу:

— Всю жизнь работала на хозяина, а когда стала стара, хозяин перестал меня кормить.

Нищий просил спять подождать до следующей встречи.

Попалась на дороге лиса; волк и нищий обратились к ней рассудить их. Выслушав, лиса сказала:

— Покажи, нищий, как ты прятал волка в сумку!

Нищий посадил волка в сумку.

— Теперь покажи, как ты завязывал сумку!

Нищий завязал.

— А теперь покажи, как ты нес эту сумку!

Нищий взвалил сумку на плечи и понес.

На дороге им встретились возвращавшиеся охотники.

— Развяжи сумку и выпусти волка,— сказала лиса нищему.

Как только нищий развязал, собаки бросились на волка и разорвали его.

СКАЗКА О ЧЕРНОМ ХОЖЕ

В одном ауле жил необыкновенно сильный человек, по прозвищу Черный Хожа, которого все в окружности страшно боялись. Он свободно перетаскивал с места на место целые дома.

А в другом ауле жил один охотник. И вот в этот аул повадился Черный Хожа.

На жителей этого аула, слышавших, что Черный Хожа таскает целые дома, напал ужас.

Однажды охотник, возвращаясь на своем коне с охоты на диких зверей, вдруг увидел целый дом, двигающийся ему навстречу.

„Этот дом не сам идет, его тащит тот самый Черный Хожа, о котором я слышал столько разговоров. Что мне делать? Пойти ли навстречу или отойти в сторону?“ — думал охотник.

Вдруг охотник услышал из приближающегося дома голос:

— Нас Черный Хожа везет, чтобы выпить нашу кровь. Неужели нет мужественного человека, который бы спас нас?

Охотник перестал колебаться: этот голос о помощи пробудил в нем мужество.

И вот они встретились.

Черный Хожа сказал повелительно охотнику:

— Заходи сейчас же в дом вместе с лошадью. Если не войдешь, я тебя убью.

Охотник отказался.

Тогда они бросились друг на друга и стали биться. Лошадь охотника оказалась сильней самого седока, и они вдвоем осилили Черного Хожу.

Охотник не мог тащить дом, крикнул сидевшим внутри:

— Выходите-ка оттуда!

Тогда оттуда выскочили прекрасные, как весеннее солнце, три молодые девушки и двое юношей. Это были пять сирот, у которых незадолго до этого Черный Хожа съел отца и мать.

Охотник привез их в свой аул.

Жители того аула, откуда был родом Хожа, прослышав про

геройский поступок охотника, стали переезжать целыми семьями в его аул.

Однако жители аула охотника были недовольны, боясь, чтобы Черный Хожа не повадился и в их аул.

Охотник говорил им:

— Не бойтесь: пока жив я и мои три сына,— ничего худого он вам не сделает.

Однажды охотник смертельно заболел.

Он подозвал к своему смертному одру трех сыновей и сказал:

„Мои дорогие сыновья, теперь я умираю и оставляю вам следующие заветы:

Смотрите, работайте всегда вместе—работа будет спорой.

Не обижайте слабых, и совесть ваша будет ясной. И не позволяйте сильным обижать обездоленных — люди вас будут уважать.

Будьте чистоплотными — люди вас не будут избегать.

Не кушайте много на ночь — тело ваше будет легкое.

Будьте дружны между собою и благородны — люди вас будут уважать.

С женщинами не препирайтесь — это позорно.

Побольше путешествуйте — вы разгадаете тайны природы.

Решившись на трудное дело, вспять не поворачивайте — иначе вам не будет удачи.

Пусть каждый из вас знает всегда о всех поступках и местонахождении другого — вы этим избежите многих опасностей.

Слушайтесь всегда голоса чести, и вам не придется краснеть.

Будьте дружны, помните: одну хворостинку легко сломать, а целую охапку не сломать. Двое сильнее одного, трое — двух, четверо — троих. Черный Хожа не таскал бы домов, если бы у жителей его аула была взаимная поддержка. Смотрите же, следите, чтобы жители нашего аула жили дружно, следите, чтобы Черный Хожа не таскал домов“.

И с этими словами охотник умер.

Когда закончились поминки, два старших брата отправились на охоту, оставив дома младшего и наказав ему, чтобы он не позволял Черному Хоже таскать дома.

Огненными искрами, вылетающими изо рта лошади и опаляющими гриву коня и придорожную траву, прискакал Черный Хожа в аул, где жили сыновья охотника.

Младший сын охотника испугался и не оказал сопротивления Черному Хоже, и тот унес один дом из аула.

В следующий раз дома остался средний, а другие братья выехали на охоту.

Средний тоже испугался, когда приехал Черный Хожа и также увез дом.

Оставив дома старшего, на охоту отправились младшие братья. Еще более разъяренный, чем раньше, явился Черный Хожа. Сын охотника выстрелил из лука и убил Черного Хожу.

В тот же день приехал другой Черный Хожа, такой же свирепый, как первый. И его убил старший сын охотника выстрелом из лука, и таким образом он приобрел двух коней.

Лошадь своего отца и одного из этих двух коней он отдал двум братьям, а себе решил оставить похуже, но он оказался лучшим.

Тогда младший брат сказал:

— Пользуясь своей силой, ты подавляешь нас.

Старший брат ответил:

— Если вы хотите, мы можем пользоваться лошадьми по очереди; теперь оставьте меня дома, а сами поезжайте на охоту. Там вы наткнетесь на колдунью. Она вам положит под изголовье чурбаны. Тогда вы скажите ей: „Будь проклят твой отец! Нашему отцу никогда не клали под изголовье чурбан".

Вам дадут чурек холодный, и вы опять скажите: „Наш отец не привык есть холодный чурек — да будет проклят твой отец!"

Поехали два брата и натолкнулись на колдунью.

Во время ужина она подала им холодный чурек. Охотники сказали ей так, как научил их старший брат.

Когда стали ложиться спать, колдунья положила под их головы чурбаны. Охотники так же выругали ее.

Испугалась колдунья; присела и положила перед братьями самые вкусные кушанья и постлала им мягкие постели.

Охотники сказали колдунье:

— Ты должна оставаться во дворе; если будешь в помещении, ты будешь убита.

Колдунья испугалась и совсем убежала, а братья захватили утром имущество и прибыли домой.

Они поделили имущество колдуньи. Забрав себе лучшее, старшему брату оставили худшую часть.

Тогда старший брат сказал:

— Вы нарушили завет отца.

Они ответили:

— Мы поступили так, как поступил ты при распределении лошадей. Ничего, будем и имуществом пользоваться сообща.

Они еще раз поговорили и решили, что лучше всего жить по завету отца — дружно.

Однажды, вооружившись как следует, три брата поехали на охоту, чтобы развлечься и добыть дичи.

Стеречь дом они оставили свою сестру.

Братья ей сказали:

— Смотри, поддерживай огонь, не затуши его.

Оставшись дома, сестра забыла про огонь, и он потух.

Девушка растерялась, не знала, что делать. Она залезла на крышу, чтобы окинуть взглядом окрестности и посмотреть, не видно ли где дыма. Далеко-далеко она увидела поднимавшийся темный дым.

Побежала туда девушка за огнем. Когда она прибежала туда, то увидела дым, поднимавшийся из густого, заросшего грязного бурьяна. Она испугалась и стояла, окаменев и не решаясь двигаться с места. Наконец, она подошла и увидела ведьму, сидевшую и кушавшую песочные пирожки, начиненные лягушкой, которые она жарила на огне.

Она сказала девушке: „Садись!" Та же стояла, не двигалась. Когда она повторила свое приказание, девушка села. Потом ведьма предложила ей кушать. Боясь ее, девушка стала показывать вид, что кушает, а сама бросала пирожки в траву.

— По какому делу ты пришла? — спросила ведьма.

— Я пришла за огнем,— ответила девушка.

Когда ведьма стала протягивать девушке в железном совке огонь, то сын ее, лежавший в люльке с закрученными усами, сказал:

— Разве бабушка не говорила, чтобы огонь давать в сите?

Ведьма дала девушке жар в сите и посоветовала все время размахивать им в дороге.

Девушка пошла, размахивая ситом и роняя золу. По ее следу пошла ведьма. Она нагнала девушку и воткнула в землю большие острые иглы, остриями вверх, заставила девушку танцовать по ним. Напившись крови, которая полилась из ног девушки, ведьма пошла домой.

Когда братья приехали с охоты домой, они спросили девушку, что с ней случилось,— до того она была бледна.

Девушка рассказала, как она забыла их наказ, отчего огонь потух; как она в поисках огня попала к ведьме, кушавшей песочные пирожки, начиненные лягушкой. Затем она рассказала, как ведьма дала ей огонь с золой в сите, посоветовала размахивать им все время и как та по следам золы нашла ее и пила ее кровь.

Уезжая в следующий раз на охоту, братья оставили дома младшего брата с тем, чтобы подстеречь ведьму.

И вот пришла ведьма и стала стучаться, требуя, чтобы сняли крючок. А когда юноша сказал, что не откроет, ведьма стала кричать, грозя перевернуть небо и землю и замучить его. Юноша испугался, снял крючок и впустил ведьму. Ведьма, как и в первый раз, заставила девушку танцовать на иглах, насосалась ее крови и пошла к себе. Брата девушки она не тронула.

В следующий раз дома остался средний брат. Когда пришла ведьма и стала грозить, он также испугался и впустил ее. Но зато, когда она зашла, он схватил ее за ухо и стал трясти. Ухо осталось в руках среднего брата, а ведьма убежала.

Ведьма пришла в третий раз. В этот раз дома оставался старший брат. Он впустил ведьму, схватил ее и стал рубить шашкой. Затем перестал рубить и сказал:

Если ты укажешь свое местожительство, я тебя не убью.

Ведьма воспользовалась этим моментом, быстро выхватила

шашку из рук старшего брата и проглотила девушку. Юноша побежал. Ведьма погналась за ним. Вдруг навстречу им показались два брата, едущих с охоты. Они схватили ведьму, выхватили у нее шашку и привели ее к себе в дом. Там они потребовали, чтобы она отрыгнула девушку.

Ведьма отказалась. Тогда решили зарубить ее шашкой, но оттуда раздался голос их сестры:

— Смотрите, не раньте меня.

Один из братьев осторожно надрезал палец ведьмы, и оттуда вышла девушка. Убив ведьму, братья сказали сестре:

— Теперь тебе нечего опасаться.

Оставив ее, братья поехали на охоту.

Вдруг на хромом зайце, подгоняя его золотой нагайкой, к дому подъехал человек ростом с мизинец и с бородой, доходившей до пояса. Он поздоровался. Девушка не ответила на приветствие и испугалась.

— Есть ли что покушать? — спросил он у девушки.

Девушка ответила, что есть, но что эта пища оставлена для братьев, которые поехали на охоту. Но гость накричал, напугал девушку, и она дала ему пищу, оставленную для братьев. Насытившись, гость уехал.

Приехали братья и просили сестру дать им что-либо покушать. Она ответила, что явился какой-то страшный человек, напугал ее и заставил отдать ему ужин.

Тогда братья стали расспрашивать сестру, что это был за человек. Девушка подробно описала наружность явившегося.

— Я убью его, если он приедет в следующий раз,— сказал младший брат и остался дома, когда братья поехали на охоту.

И вот приехал диковинный гость. Юноша испугался, а гость наелся доотвала и уехал.

Затем дома остался средний брат. Опять явился диковинный гость. Напугав так же среднего брата, как в прошлый раз младшего, он заставил подать себе кушанье и, плотно поев, уехал.

Наконец, дома остался старший брат. Явился диковинный гость и спросил: „Есть ли что покушать?“ Старший брат ответил, что есть-то есть, но оставлено для охотников.

— Брось разговоры, подавай кушать! — закричал гость.

— Как же! Ишь ты! — крикнул в ответ старший брат и, схватив его за бороду, стал его трясти. Потом он мизинцем раздвинул чинаровое дерево и всунул туда карлика.

А карлик, оставив в дереве свою челюсть, вылез оттуда и забился в норку.

Когда приехали с охоты два брата, старший рассказал о случившемся. Те потребовали, чтобы он показал им его.

Когда они подошли к чинаре, то нашли там только челюсть, а сам человечек оказался спрятавшимся в глубокой норке.

Два младших брата спросили старшего:

— Ты не побоялся бы полезть в эту нору?

Старший брат, обвязав себя веревкой и дав ее конец братьям, сказал, чтобы они веревку не упускали; когда же он крикнет, вытащили бы его. Сказав это, он спустился в нору.

Когда он спустился вниз, то увидел, что диковинный карлик окружен необыкновенными вещами.

— Расскажи мне свою тайну,— обратился к нему старший брат.

Карлик ответил:

— Посмотри-ка в эту комнату!

Когда тот посмотрел туда, то увидел там много золота и серебра и сказал:

— Мне не нужно всего этого, я хочу знать только твою тайну.

Карлик ответил:

— А ну-ка, посмотри в другую комнату.

Посмотрев в другую комнату, он увидел там трех прекрасных девушек с серебряными и золотыми косами.

„Подожди-ка, теперь я узнаю его секрет“,— подумал охотник и вывел трех девушек из комнаты. Он развязал веревку, которою был обвязан, обмотал ею младшую девушку и крикнул:

— Тащите вверх невесту для младшего брата!

Когда те вытащили и снова спустили веревку, он заставил их поднять вверх другую сестру — жену среднему брату. А потом, предупредив, что теперь они поднимут его невесту, он заставил их вытянуть вверх третью девушку.

Когда братья увидели третью девушку, они, обидевшись на старшего брата за то, что он оставил себе самую красивую, бросили веревку и не стали поднимать старшего брата.

Старший брат загорюнился, не знал, что ему делать. Карлик сказал ему:

— Если ты меня не убьешь, я тебе дам совет, как выйти наружу.

И когда охотник дал твердое обещание не убивать, тот сказал:

— В моей конюшне есть два коня: серый и черный. Если ты коснешься рукой серого коня, то попадешь наверх, на землю, а если коснешься черного, то попадешь в подземный мир.

Думая, что он касается серого коня, юноша прикоснулся рукой к черному и попал на какую-то крышу.

В сакле под этой крышей жила ведьма, у которой были две дочери и сын. Ведьма сказала своей дочери: „Пойди и посмотри, что это упало на нашу крышу“. Девушка пошла, посмотрела и ответила, что там ничего нет. Тогда старуха послала старшую девушку. Та тоже сказала, что на крыше ничего нет.

— Что-то не верится,— сказала колдунья и, разбудив сына, послала его.

Через некоторое время сын вбежал в комнату и, ведя с собой юношу, радостно сказал матери:

— Я привел тебе сына, а себе — брата.

Ведьма очень обрадовалась. Быстро замесив тесто на своей моче, она стала готовить завтрак. Охотник сказал:

— Я не смогу есть пищи, замешенной на моче.

Хозяйка ответила:

— Что же мне делать? Источник наш стережет страшный дракон. Уже много времени, как мы прямо умираем от жажды...

— Ну-ка, возьми кувшин и пойдем со мной! — сказал юноша.

Старуха схватила кувшин, и они пошли вдвоем по воду.

Дракон сказал охотнику:

— Смотри, больше не приходи, я тебе ничего не сделаю на первый раз, поскольку ты гость, но в другой раз живым не уйдешь!..

Однако юноша снова и снова ходил по воду с кем-нибудь из женщин. Наконец, дракон сердито сказал:

— Если придешь еще раз, я непременно убью тебя.

Юноша ответил:

— А я саблей разделаю тебя на девять кусков.

Дракон освирепел и бросился на юношу с намерением его убить. Юноша ударил по дракону девять раз и раздробил его на девять частей.

Когда жители того аула узнали, что их гость убил дракона, они все прибежали к нему и стали спрашивать:

— Что ты хочешь получить за то, что избавил нас от чудовища? Хочешь серебра или золота? Хочешь ли табуны, баранту или другое нужное имущество?..

Охотник ответил:

— Мне не надо ни серебра, ни золота, не надо мне также табунов, овец и прочего богатства. Единственное, чего я хочу, это попасть на землю.

Тогда они сказали:

— Вон там живет один умный человек, мы поведем тебя к нему, и он посоветует, как быть.

Пришли они к тому человеку, и охотник сказал:

— Мне хочется попасть наверх; как бы это можно было сделать?

Мудрый человек ответил:

— Если убить быков и дать одному орлу, то он доставит тебя, куда тебе нужно.

В тот же миг жители аула убили трех быков и привезли три бочки воды. Прилетел громадный, как туча, орел и сказал охотнику:

— Каждый раз, когда я каркну, ты мне в рот клади кусок мяса, а когда скажу „ку'ак" — давай воды; не будь рассеянным, не смотри по сторонам, а смирно сиди на моей спине, и тогда я доставлю тебя на землю.

Юноша обещал все выполнить. Тогда он положил на спину орла три бычьи туши, три бочки воды, сам тоже сел на спину орла и, попрощавшись с аульцами, взвился.

Когда орел кричал „к'ак", он давал ему мяса, а при крике „ку'ак" — давал воды, и они летели.

И вдруг мясо кончилось. Когда орел крикнул „к'ак", охотник отрезал мясо с своей ноги и дал его орлу. А когда орел попросил пить, он вынул свой глаз и дал ему.

— Какой невкусный был кусок мяса, который ты мне дал в последний раз, да и вода какая-то соленая,— говорил орел.

— Когда мы поднимемся на землю, я все объясню тебе,— ответил охотник.

Наконец, они поднялись на землю. Юноша прыгнул и захромал.

— Почему ты хромаешь? — спросил орел.

— Я давал тебе свое мясо вместо бычьего и свой глаз вместо воды,— ответил охотник.

Орел немедленно отдал ему обратно его мясо с ноги, а также и глаз. Юноша снова стал таким же, как был прежде. При прощании орел сказал:

— Ты пережил много трудностей, так вот тебе мой наказ: в своей жизни никого не подводи, а испытавши все — не верь даже родному брату.

С этими словами орел сердечно попрощался с юношей и отправился в подземный мир, а юноша пошел к себе домой.

Когда он прибыл домой, увидел, что все три девушки стоят невестами за свадебными занавесками и во дворе его оба брата устроили роскошную свадьбу. Старший брат, спрятавшись, ждал, по обычаю, окончания празднества, а потом показался.

— Почему вы оставили меня в подземелье?—спросил вернувшийся брат.

Братья ответили:

— Нас свела с ума красота этой девушки, которую ты назвал своей невестой.

Они сели все вместе и стали разбирать дело. Старший брат спросил самую молодую девушку:

— Ты ведь знаешь, эти двое сделали по отношению ко мне подлость, и я решил убить их. Как ты смотришь на это?

Она ответила:

— Младший не виноват. Убей среднего — это все его дело.

Потом старший брат спросил то же самое у средней сестры. Та сказала:

— Если бы младший стал плакать и просить, чтоб тебя не оставляли в подземелье, то средний не оставил бы,— надо убить обоих.

Наконец, он спросил старшую. Та ответила:

— Если убьешь одного—лишишься одного крыла, если убьешь и второго—лишишься и другого крыла. Надо простить их, ведь они совершили проступок первый раз в жизни; они его никогда не забудут, и он будет всегда предостережением для них.

Старший брат простил их, и все они стали жить вместе.

Сестра, у которой ведьма выпивала кровь из ног, спросила старшего брата:

— Убил ли ты того карлика?

Брат ответил:

— Нет, я его не убил, потому что он мне за сохранение своей жизни открыл свою тайну.

Девушка сказала:

— Если вы его не убьете, будет страшно оставаться дома одной, когда вы поедете на охоту.

Старший брат сказал двум младшим, что ему свою клятву нарушить нельзя и чтобы они полезли в ту яму убить карлика. Потом жена старшего брата рассказала об этом карлике все: о том, что карлик увел их в подземелье и держал у себя:

— Мои две сестры были дочерьми одного князя, а меня родила ему его рабыня. Мы были маленькие, когда к нам явился этот карлик; он обманул нашего отца, убил его, а нас увел к себе и держал до тех пор, пока не пришел ты. Я была уверена, что ты его убил. У него в одной конюшне серый и черный кони, а в другой — желтый. Ключи от конюшен у него висят в бороде. Надо его убить и поднять на землю тех лошадей. Если вы их подвяжете за шею веревкой и отсюда сверху закричите им: „Свой!" — то они одна за другой поднимутся...

Услышав это, старший брат решил непременно убить диковинного карлика и завладеть лошадьми. Два брата на веревке спустились в ту яму, убили чудовище и по одной переправили вверх всех трех лошадей. Затем старший брат, не опуская больше веревки, отошел от ямы, оставив там братьев. На четвертое утро он подошел к краю ямы и крикнул вниз:

— Подлые! Обманщики! Как вы себя теперь чувствуете?

Из ямы донеслись жалобные голоса:

— О, наш старший брат! О, молодая сестренка, смилуйтесь над нами!..

Старший брат опустил веревку и поднял их.

Старшему брату достался желтый конь, среднему—серый, а младшему—черный.

В скором времени этим трем братьям три их жены в одну ночь родили по сыну. Братья и их жены собрались вместе для того, чтобы придумать имена новорожденным. В конце концов жена старшего брата назвала своего сына „Желтый", жена среднего брата назвала своего мальчика „Серый", а жена младшего брата назвала своего „Тьма".

Когда умерли три брата, на смену им выросли три их богатыря-сына. Они жили дружно и имели все достоинства своих родителей.

НАУКА ДОРОЖЕ БОГАТСТВА

В старину жил купец со своим единственным сыном. Его сын учился в школе. Купец и его жена состарились. Тогда купец однажды сказал своему сыну:

— Слушай, сын, теперь мы с твоей матерью состарились, обессилели. Теперь мы не в силах накапливать богатство, а оно, если не умножать его, быстро кончится. Придется тебе бросить школу и приняться за торговлю. Я хочу послать тебя с купцами, едущими продавать товары.

Сын согласился с доводами отца. И вот, дав сыну тысячу золотых, отец послал его с караваном купцов.

Долго ехали те и прибыли, наконец, в далекую страну, в большой богатый город.

Как-то раз юноша, бродя по городу, набрел на необыкновенно красивое здание, разукрашенное лепными орнаментами, с зеркальными окнами.

У ворот дворца сидел сторож. Юноша спросил его:

— Что это за здание и что в нем находится?

Сторож сказал:

— Это школа, где учатся дети высших военных чинов: генералов, полковников, капитанов и других офицеров.

Тогда юноша спросил у сторожа, не примут ли его в эту школу. И хотя сторож и отвечал, что не примут, но юноша не отставал, просил узнать, и сторожу пришлось пойти и спросить начальника заведения. Когда сторож передал начальнику просьбу юноши, тот велел повести его к себе. Юноша вошел. Начальник подробно расспросил его, кто он такой, и когда получил ответ на все вопросы, а также тысячу золотых, разрешил юноше учиться, и тот остался в школе.

Купцы-попутчики долго искали юношу и, наконец, вынуждены были уехать домой без него. Когда отец и мать юноши узнали, что он пропал, они с горя заболели и свалились. Через год, успешно окончив школу, юноша приехал домой.

Он рассказал отцу и матери о своем предприятии. Те ему

простили и через некоторое время, дав ему еще тысячу золотых, отправили его с другой партией купцов за товаром.

И эта партия приехала в другой большой город. Оставив молодого человека в одном месте, купцы отправились по городу искать товары.

Как только они скрылись из виду, юноша пошел опять бродить по городу в другом направлении.

И, как в первом городе, он набрел и здесь на красивое, роскошное здание, красивее прежнего. Юноша спросил у сторожа, сидевшего у ворот, что это за здание. Сторож ответил, что это—музыкальная школа, в которую принимают только детей очень знатных родителей.

Юноша спросил:

— А не примут ли меня?

Сторож сказал, что его не примут, но юноша все же пошел к начальнику школы и так убедительно изложил свою просьбу, дав ему тысячу золотых, что начальник принял его.

А купцы, поискав и не найдя его, отправились домой.

Родители юноши сильно горевали. Через год, окончив одним из первых эту школу, юноша вернулся к родителям. Обрадованные возвращением родители простили его.

Через некоторое время отец призвал сына и сказал:

— Теперь у нас осталось всего-навсего тысяча золотых. Если и их лишимся, мы станем нищими. Я посылаю тебя в последний раз, смотри же, займись делом, а не оставайся учиться.

И опять с купцами, которые ехали за товарами, он отправил своего единственного сына, дав ему последние деньги.

Приехали они в прекрасный, громадный город. Купцы, приторговав вначале по очень дешевой цене товар для юноши, оставили его расплачиваться, а сами пошли по своим делам.

Только они скрылись из виду, как юноша, бросив продавца, отправился бродить по городу в сторону, противоположную той, в которую пошли купцы.

И юноша опять набрел на прекрасное здание, гораздо лучше прежних. У сторожа, сидящего у ворот этого роскошного, как дворец, дома, юноша спросил, что это за здание. Сторож объяснил, что это—учебное заведение, где учат играть в шахматы и лото. Юноша таким же путем добился, как и в первые два раза, чтобы его приняли. А купцы, не найдя его, поехали домой.

Когда родители юноши увидели, что он опять не приехал, они совсем потеряли голову: теперь у них не было ни сына, ни денег.

А их сын, окончив и это учебное заведение одним из первых, приехал домой через год.

Отец сказал сыну:

— Ну, сын, ты меня не слушал, и три тысячи золотых у нас пропало. Теперь нам здесь, где нас видели богатыми и сильными, оставаться нельзя, мы должны уехать отсюда.

И они потихоньку, ночью, продали свой дом соседям и сами уехали в далекую, чужую сторону. Там они наняли недорогую квартиру и поселились. Однажды с последними, оставшимися у них деньгами отец пошел в магазин. Там жулики вытащили их из его кармана. Старик пришел домой в полном отчаянии.

Он сказал жене и сыну:

— Теперь мы погибли: у меня украли последние деньги.

В этом городе был обычай торговать рабами. Тогда сын сказал отцу:

— Вот что, отец: ты поведи меня на базар, продай меня, и живите на вырученные деньги, а я все равно вернусь к вам через некоторое время.

Отец набросил на его шею веревку и повел продавать на базар. В то время, когда другие просили за продаваемых ими рабов десять золотых, старик просил за своего сына тридцать.

Какой-то князь, приехавший из далекой страны, купил юношу, заплатив за него тридцать золотых, и вместе с другими рабами отправил к себе домой.

Во дворе у князя была глубокая яма, наподобие колодца, из которого рабы набирали воду. Для того, чтобы ее набрать, они спускались с ведром, привешенным на веревку, в яму.

Обыкновенно рабы отправлялись по воду по очереди.

И вот однажды и юноша отправился туда, хотя и не его была очередь. Он наполнил водой ведро, и ведро подняли. Сам же он остался в яме и стал осматриваться—нет ли чего интересного в колодце.

И вот он увидел окно и, посмотрев в него, увидел шайтана, который сидел, скорчив ноги. Юноша влез через окно в комнату, где сидел человек. Там он нашел много золота и драгоценных камней. На стене же висел музыкальный инструмент. Воспользовавшись сном шайтана, юноша перелез через окно обратно и крикнул вверх:

— Скорей спустите ведро!

Когда спустили ведро, он наполнил его золотом, драгоценными камнями и отправил наверх. Проделав так несколько раз, он переправил наверх много золота, брильянтов и других драгоценных камней.

Князь, который стоял вверху у края ямы, каждый раз, когда поднимали новые ведра с драгоценностями, спрашивал юношу:

— Есть ли там еще?

— Есть,—отвечал юноша и, наконец, крикнул:—Нет там больше! Подымите меня!..

Тогда князь стал раздумывать: „Если я его подниму—станет известно, что это богатство я добыл благодаря рабу, и мне не будет такого почета среди князей; они станут презирать меня за то, что не сам я добыл добро...“

Князь, оставив юношу в яме, сам отправился со своими кара-

ванами, рабами и имуществом в другую страну, где было его семейство и где он обыкновенно жил.

Юноша долго ждал, чтобы его вытащили, но, догадавшись, что его оставили, пошел в ту комнату, где сидел шайтан.

Взяв висевшую на стене пондору, стал играть на ней чудесные мелодии.

— Что ты за человек, как ты осмелился будить меня от сна?—спросил шайтан.—Как хорошо ты играешь!—Слушая мелодии, шайтан стал рассказывать: — У меня был единственный сын, которого царь послал на войну, а жена моя умерла, сам я ослеп и сижу здесь уже много лет, оберегая казну. Не было случая, чтобы соблазнившиеся богатством спускались сюда и оставались живыми: я их убивал... Но ты пробудил меня от сна; твоя прекрасная музыка доставила мне глубокую радость, вернула мне зрение... Теперь ты можешь брать сколько тебе нужно богатства и требовать какой угодно помощи!

Юноша ответил:

— Казну, которую ты стерег, я переправил наверх, а князь в благодарность за добро, которое я ему сделал, оставил меня здесь и уехал. Сейчас я больше всего хотел бы догнать его. Можешь ли ты поднять меня наверх?

Шайтан поднял его на земную поверхность и указал путь, по которому мог поехать князь.

Юноша быстро догнал караван и, никому ничего не говоря, затесался в толпу рабов и стал выполнять свою обычную работу. Другие рабы удивлялись его безропотности. Не менее удивленный князь написал письмо, положил его в конверт и, передавая юноше, сказал:

— Иди в тот город и там отдай его моей жене, она тебя хорошо одарит,—ведь ты мне сделал много хорошего, и я хочу тебя отблагодарить.

Юноша как будто поверил и отправился в путь. В дороге он стал раздумывать: „Он меня и тогда подвел, оставив в яме; наверно, и теперь затеял против меня что-то нехорошее, надо посмотреть, что написано в этом письме".

Он ловко распечатал конверт и стал читать:

«Моя верная жена! Шлю тебе, во-первых, привет, а во-вторых, сообщаю тебе, что человека, который передаст тебе это письмо, необходимо убить и труп его спрятать. Сама приезжай завтра навстречу мне со слугами и со всем богатством".

— Благодаря хорошей игре на пондоре я спасся от шайтана, даже получил его благодарность. Посмотрим, какую службу сослужит мне грамота.

Юноша уничтожил это письмо и написал другое, таким же почерком, так что нельзя было отличить от почерка князя; он писал:

«Моя горячо любимая жена! Во-первых, шлю тебе поклон,

а затем сообщаю, что я послезавтра приезжаю домой. До моего приезда отдай нашу дочь за подателя этого письма!.."

Написав письмо и запечатав его в конверт, юноша приехал в город, где жило семейство князя, и отдал письмо его жене. Получив письмо, княгиня и княжна очень обрадовались.

Юноша был красив собой. В тот же день княжна стала его женой. Он побыл с молодой женой, овладел ею и через некоторое время после этого пошел в город, сказав, что скоро придет домой.

Он знал, что князь, приехав домой, узнает, в чем дело, убьет его, а потому решил сбежать. Но прежде чем он выехал за стены города, спустились сумерки и наступила ночь. Он очутился перед дворцом необыкновенной красоты. Вокруг этого дворца и у ворот оказалась стража.

— Что это за дворец? — спросил юноша у охранявших здание.

— Это игорный дом для знатных людей... Тут царь играет в шахматы и лото. Царь дал обещание: кто три раза подряд победит его в шахматной игре, тому он передаст государство; если же возьмется и не победит, то снимет голову.

Испросив у царя через стражу разрешение зайти в игорный дом, он подошел к царю и попросил разрешения играть с ним в шахматы, с условием, что если победит царь, то он снимет голову с юноши, а если победит юноша, то царь уступит ему свое государство.

Они сели играть.

Вокруг стояли военачальники, чиновники и царедворцы, все в блестящих нарядах, и внимательно следили за игрой.

Три раза юноша выиграл у царя.

Царю пришлось передать свое государство юноше; об этом было сообщено всему народу.

Как только юноша стал царем, он приказал своему подчиненному:

— Завтра в полдень у городских ворот ты встретишь князя с караваном и рабами, приведи их всех ко мне во дворец...

На другой день перед грозными очами юноши-царя предстал князь со своим караваном, золотом и драгоценными камнями.

Окруженный главными судьями и царедворцами, юноша-царь сказал:

— Собрал я вас за тем, чтобы вы разрешили одну тяжбу...

И он рассказал всю свою жизнь: как попал в рабство к князю, как обогатил его и как тот „отблагодарил" его.

Придворные обсудили все и постановили отрубить князю голову.

Тогда юноша сказал:

— Все это уже прошло, теперь я — на высоте, он мой тесть, и я просил бы простить его на первый раз, как я прощаю.

Суд внял просьбе царя и простил князя.

Юноша-царь с большим почетом выписал своих отца и мать и стал править государством. Отцу он сказал:

– Три тысячи золотых мной были израсходованы впрок. Благодаря трем наукам я трижды спасся от смерти, достиг богатства, славы и царства. Наука дороже золота: наука останется всегда при человеке, а золота и богатства можно лишиться. Наука спасает от рабства, обмана и бедности.

И отец, склонив свою седую голову, безмолвно согласился со словами сына.

РАССКАЗЫ

ШЕЙХ И МЮРИД[35]

Был один шейх; он имел много тысяч мюридов. Он был известен всюду, и про него говорили, что такого шейха нет в мире. Мюридов заставлял он на себя работать и заниматься торговлей в его пользу.

В то время такого богатого шейха не было во всем мире. Мюриды обязаны были сначала работать на шейха, а потом только могли работать на себя.

Кроме того, шейх обязал своих мюридов вносить ему с каждой дойной коровы по две кружки молока. Кто не приносил молока, тот лишался звания мюрида. В то время это считалось позорным делом.

Был у шейха один бедный мюрид, обремененный большой семьей. У этого мюрида вдобавок еще родились близнецы. Жена его была худая, нездоровая женщина, так что она не могла своей грудью кормить близнецов. Корова их тощая давала

очень мало молока. Все же мюрид аккуратно вносил шейху две кружки молока, а дети его оставались голодными.

Дети этого мюрида с каждым днем худели и начали заболевать. Какая большая разница была между детьми шейха и мюрида! Дети мюрида были с синими жилами на животе и худенькие, а дети шейха — с красными щечками, в хорошем теле и веселые.

Однажды жена мюрида сказала своему мужу:

– Слушай, как нам быть? Не отпускать молока шейху ни в коем случае нам нельзя, а отпускать — дети наши останутся голодными. Может быть, если рассказать ему подробно о нашем положении, то он избавит нас от доставки ему молока; конечно, все это нужно передать так, чтобы шейх не обиделся.

— Что же делать? — ответил муж.— Нельзя же, на самом деле, с голоду умирать детям. Лично говорить с ним по этому поводу неудобно. Надо будет шейху написать письмо и изложить в нем наше тяжелое положение.

Подумав, он послал такое письмо:

„Мой дорогой и уважаемый шейх! Прошу тебя не обидеться и простить мне за мою просьбу; хотя мне очень неудобно такими пустяками беспокоить тебя, но я от стыда лицо свое покрываю ширмой и обращаюсь к тебе со следующей просьбой:

У меня всего одна корова, которая дает очень мало молока; имею много детей, а последние — близнецы; жена моя нездорова и не может своей грудью кормить детей. Если доставлять тебе молоко, то дети остаются голодными, а если детей кормить молоком, то не можем тебе вносить его. Если тебе не особенно тяжело, то прошу освободить меня от доставки молока, ибо дети за последнее время стали худеть и болеть".

Через другого мюрида письмо это было передано шейху. Шейх прочел письмо и ответил:

„Хорошо; если ты сумеешь раньше других моих мюридов приходить по утрам ко мне, то освобожу от внесения молока"...

Мюрид очень обрадовался этому и рано утром, чуть свет, вставал и ходил к шейху и здоровался с ним; шейх ему всегда отвечал:

— Ты опоздал, до тебя пятнадцать-шестнадцать человек у меня побывало.

И продолжал мюрид носить шейху молоко. Тогда подумал мюрид:

„Мне придется пойти ночью, полезть на яблоню, которая стоит перед окном шейха, и ждать утра; как только утром шейх откроет окно, крикну ему с яблони: „Доброго утра, уважаемый шейх!"

В эту же ночь мюрид пошел и, как кошка подкрадывается к мыши, так, осторожно подкрадываясь, полез он на яблоню.

Ночь была лунная, и звезды висели на небе, как будто вот-вот все посыплются вниз. Он сидел на дереве и, боясь, что может заснуть и упасть, бодрствовал: смотрел на небо, на падающие звезды, размышляя о своем житье-бытье, а когда смотрел на пятна луны, думал: „Ух, как много баранов пасется там... Как справляется пастух?"

В эту ночь к шейху приехали с разных сторон его мюриды, пели назма и зикр [36] и долго сидели у шейха.

Мюрид долго на яблоне слушал пение и разговоры их; сожалел, что не может принять участие в пении, а самое главное — он хотел освободиться от доставки молока и, сидя на яблоне, успокаивал себя тем, что на этот раз раньше всех мюридов он покажется утром шейху.

Поздно ночью все мюриды разошлись по домам, и шейх остался один в своей комнате. Спустя некоторое время самые любимые шейхом два мюрида явились и остановились под яблоней, на которой сидел мюрид, и постучали в окно шейху.

Шейх открыл окно. Два его любимца спросили шейха:

— Все ли ушли? Есть ли кто-либо, кроме тебя?..

— Все разошлись, я — один! — ответил шейх и добавил: — Скорее принесите крепкие напитки, закуски... тащите девушек и возвращайтесь: сегодня немножечко повеселимся!..

Любимцы спросили шейха:

— Какую из девушек притащить тебе?

Шейх ответил:

— Высокую, с золотистыми волосами, тоненькую, но с широким задом.

Мюрид сидел на яблоне, слышал весь разговор и удивлялся. Сидел и ждал утра, чтобы показаться шейху раньше всех других.

Скоро вернулись два любимца шейха и принесли напитки, закуски и трех девушек привели.

Они пели, ели и гуляли; все это слышал мюрид на яблоне и удивлялся. Когда ночь приходила к концу, опасаясь, что люди могут проснуться, два мюрида взяли трех девушек и ушли.

Два мюрида не успели повернуть за угол, как шейх открыл окно, которое находилось под яблоней, и крикнул им вслед:

— Из трех одну кобылицу буланой масти верните обратно, а с двумя другими можете уходить!..

Как верные мюриды, они впустили к шейху девушку с золотыми волосами и сами ушли.

Наевшись, напившись, шейх лежал на мягкой постели с молоденькой девушкой. Окно оставалось открытым, и свежий воздух, дувший в окно, нежил шейха.

Видевший все это с яблони мюрид подумал:

„Напрасно я отбиваю у шейха это".

Лежа в постели, как шейх, так и девушка заснули, оставив окно открытым. (Они не виноваты: постель была мягкая, и от многих утех устали они.)

Стало рассветать. Куры с шестов начали прыгать вниз. Мюрид подумал:

„Уже становится светло. Люди встанут, меня увидят на дереве, и все пропало, а будить шейха от сладкого сна... что мне делать?.."

В это время вдруг проснулся шейх и бросился к окну, чтобы закрыть его, и выглянул сперва наружу. Мюрид, сидевший на дереве, сказал:

— Доброе утро, мой чистейший и уважаемый шейх!..

Шейх посмотрел вверх и спросил:

— Давно ты там сидишь?

— С тех пор, как ты начал возиться с кобылицей золотистой масти,— ответил мюрид.

— Хорошо, ты освобожден от доставки молока,— сказал шейх и пригласил его к себе в комнату. Шейх подарил ему одну корову и сказал:

— То, что ты видел вчера ночью, никому не рассказывай!

СУД НАД ДВУМЯ

Однажды два человека пошли к мулле для разбора судебного дела.

Еще до начала судебного процесса один из судящихся знаками лица, незаметно для других, заставил муллу обратить на себя внимание и показал рукой за пазуху.

Тогда мулла подумал, что у него за пазухой много денег и он просит вынести решение в его пользу за это вознаграждение.

Поверив этому, мулла и вынес решение в его пользу, обвинив другого.

По окончании суда подсудимые поднялись со своих мест, чтобы уйти. Мулла обратился к тому, который знаками лица обратил на себя его внимание, и сказал:

— Ты подожди, я имею к тебе дело,— и, отпустив другого, добавил:— Ну, отдай мне обещанные деньги.

Подсудимый ответил:

— Я ничего тебе не обещал.

Мулла спросил:

— А что означали твои знаки лица и то, что рукой указывал за пазуху?

Подсудимый ответил:

— У меня за пазухой был камень; если бы ты вынес решение не в мою пользу, я камнем этим размозжил бы тебе голову.

Всем взяточникам нужно было бы разбивать головы камнями!

КАК ОСЕЛ СДЕЛАЛСЯ ШЕЙХОМ

Жил один шейх. У него было очень много последователей — мюридов. Во дворе этого шейха был склеп другого, еще более знаменитого шейха, к которому приезжали люди на поклонение.

Шейх, у которого во дворе находился склеп знаменитого шейха, был не очень богатый человек, но к нему постепенно стали приезжать целыми толпами из далеких и близких стран на поклонение шейху в склеп, и этот шейх разбогател и стал знатным...

Своих мюридов он заставлял работать на себя и разбогател было до неимоверных размеров, но он этим не удовлетворился. Он становился все более и более жадным. Неудивительно, что он полюбил богатство, ибо у него стало двенадцать жен и многочисленная семья, которая тоже требовала многого. Своих мюридов он заставлял работать на ослах, мулах и верблюдах; они работали на полях, а в свободное время занимались перевозками и другими делами.

Имел этот шейх много ослов. Был у него один верный мюрид, который не считался ни с семьей своей, ни с родственниками, всецело был предан шейху и работал исключительно в его пользу. Очень малое время только отводил этот мюрид на работу для своей семьи.

Однажды этот мюрид не явился по какому-то случаю на работу к шейху. Шейх сильно разгневался на своего верного мюрида за то, что он не явился на работу, сильно выругал его и не простил своему мюриду этого случая.

— Чтобы я тебя больше в глаза не видал в этой стране! — сказал шейх своему верному мюриду и, дав ему одного осла, выгнал из своей страны.

Мюриду не так было тяжело расстаться с семьей, как с шейхом. Случайный невыход на работу к шейху мюрид считал недопустимой ошибкой, дальнейшую свою жизнь без шейха он не считал за жизнь и рад был бы смерти.

С такими мыслями мюрид оставил родной край и на своем осле тронулся в далекий путь, в чужие края.

Расставшись с родной семьей и еще более, выгнанный шейхом, разбитый и разочарованный во всем, мюрид гнал своего осла вперед и двигался, не зная куда. В полдень наступила такая жара, что остановилось все движение, а мюрид, не считаясь ни с чем, продолжал свой путь. Голодный и изнуренный осел не выдержал всего этого и околел.

Остался мюрид один, растерялся и подумал:

„Вероятно, шейх, чтобы еще более наказать меня, убил моего осла".

Считая неудобным оставить на дороге осла, где разъезжают люди, мюрид оттащил его немного в сторону, закопал, сверху засыпал песком.

Мюрид, лишившись последнего своего спутника — осла, грустный сидел возле могилы, плакал и думал:

„Каким я оказался несчастным человеком; расстался я с любимым своим шейхом, родным краем, родной семьей и всеми родственниками и, наконец, лишился своего осла. Куда итти? Что мне делать?"

В это время показались купцы, ехавшие по торговым делам; они подъехали к нему, поздоровались и стали около могилы молиться за упокой души. Когда кончили молиться, они спросили мюрида:

— Царство ему небесное — кто это умер? Кто это умер в такой дали от аулов?..

Мюриду стало неудобно сказать, что это осел; во-первых, потому, что, по обычаю, не полагается произносить слово „осел" в присутствии едущих по делам, ибо это есть знак несчастья; во-вторых, купцы сочли бы его за дурака, что, похоронив осла, сидит в чужой стране и плачет. Исходя из этого, мюрид им ответил:

— Это — шейх, который умер на этом месте.

Тогда купцы стали жертвовать щедро и деньгами и товарами и при этом сказали:

— Здесь, на этой могиле, надо построить красивый склеп. Мы поедем домой и там расскажем всем мусульманам, что в такой-то местности похоронен шейх и могилу эту сторожит один из его верных мюридов. Люди сейчас же приедут, построят склеп над могилой, пожертвуют деньгами и сделают тебе также место, где жить.

Итак, купцы уехали и по дороге извещали всех встречных, что там-то умер шейх, надо построить склеп. Новость эта быстро обошла весь край, и стал к мюриду приходить народ и приносить деньги и другое добро.

Через короткое время был построен красивый склеп на могиле и рядом — хороший дом для сторожа-мюрида. Мюрид разбогател. Люди без конца ходили на поклонение к этому месту, и каждый жертвовал.

В конце концов мюрид тоже превратился в шейха и сильно разбогател. Слух о шейхе прошел по всему миру. Боясь, что семья и прежний шейх могут его выдать, он перестал писать им и так жил несколько лет.

Шейх, который выгнал его из края, услышал о таком-то шейхе и приехал к нему на поклонение. На пятый день после приезда шейх был принят мюридом.

При встрече они друг друга узнали. Приезжий шейх спросил его:

— Как же ты добился такого богатства и славы?

Бывший мюрид, все же принимая приезжего как гостя, да еще шейха, извинился и откровенно рассказал все, как было:

— Сдох по дороге осел, подаренный тобой; я его зарыл в землю и грустным сидел возле этой могилы. Приезжие приняли это за могилу святого человека, стали жертвовать деньгами и построили склеп, а мне — дом. Постепенно дело дошло, как ты видишь, до настоящих размеров.

Приезжий шейх сказал:

— Извиняться особенно не надо; ты помнишь склеп в моем дворе? Так вот, там похоронена и ночует мать того осла, которого я тебе дал, и все вы, мои мюриды, поклонялись могиле этого осла...

МУЛЛА

Это было лет сто тому назад. В маленьком ауле, где всего-то сто труб, жил мулла. Мулла был старый-старый. В сакле у муллы жило шестнадцать жен. Надоели они ему, и решил он жениться в семнадцатый раз. А денег на женитьбу не было.

Сильно загрустил мулла. Вдруг неожиданно является к нему бедняк и говорит:

— Я к тебе с большой просьбой, мулла! Заболела у меня жена. Нужно везти ее в большой город к доктору. Уеду, дома никого не останется. А у меня есть двести рублей, несколько лет копил я их. Хочу купить себе пару волов да арбу. В пустой сакле боюсь оставить деньги. Привез к тебе, сохрани их!..

— Давай, давай деньги,— обрадовался мулла.— С помощью Аллаха я сохраню их в целости.

На второй день к вечеру мулла собирался ехать за невестой. Сидит, подстригает он свою белую бороду и улыбается. Вдруг слышит, что кто-то стучит в его окошко. Подошел мулла к окну и видит вчерашнего бедняка.

Говорит ему бедняк:

— На дороге скончалась моя жена. Вчера же я ее похоронил. Спасибо тебе за услугу, теперь отдай мои деньги...

— Какие деньги?— удивился мулла.— Ты с ума сошел? Я тебя не знаю и знать не хочу!..

Растерялся бедняк. Один из близких друзей посоветовал ему поговорить с женой сына одной аульской вдовы. Считалась эта женщина мудрой и многим помогала в несчастьях.

— Сейчас я пошлю за муллой,— сказала женщина и добавила:— Когда он придет, ты спрячься и не выходи, пока не услышишь мой кашель.

Вскоре явился мулла.

— Ты, мулла, когда-то ухаживал за мной. Я любила тебя, люблю и до сих пор. Муж мой, ты знаешь, уехал в Орси-Мохи[37] и умер там. У меня осталось много денег. Теперь я свободна. Я хочу жить у тебя под твоим крылом, чтобы за-

служить у Аллаха прощение моим грехам,— сказала она мулле и закашляла.

— А, это ты! — закричал обрадованный привалившим ему богатством мулла.— Прости меня, вчера я пошутил с тобой, возьми, пожалуйста, свои деньги.

Вторично закашляла женщина. В дверях появилась маленькая девочка и сказала:

— Мама, отец приехал!

Так бедняк и вдова обманули жадного муллу.

ЛОЖЬ И ПРАВДА

Поспорили друг с другом ложь и правда.

— Ты должна превратиться в пар и, поднявшись в небо, исчезнуть,— сказала ложь.

— В мире не нужна ты. Превратившись в пепел, ты должна удалиться из мира,— заявила правда.

— Нет, правда, твоих следов не должно быть в мире.

— Нет, я — как вода с песком, соединенная с землей, а ты, ложь, должна покинуть мир.

— Нашему спору конца не будет. Мы должны с кем-нибудь посоветоваться,— сказала ложь. Правда согласилась, и они вместе пустились в дорогу. По дороге правда спросила:

— С кем же мы будем советоваться?

Ложь ответила:

— В большом ауле есть большой мулла, самый близкий к Аллаху и самый честный. Мы пойдем к нему.

Они двинулись. Вдруг встретили шайтана.

— Вы куда?— спросил шайтан.

Они подробно рассказали шайтану свой спор, и тогда последний ответил:

— Я не знаю, смогут ли люди жить без правды и без лжи, но я, шайтан, должен из двух вас взять одну, и теперь мой совет — мы должны пойти к мулле и спросить у него.

— Мы тоже туда шли,— ответила ложь, и они втроем пошли к мулле.

Когда они подошли к большому дому, шайтан сказал:

— Вы здесь подождите, а я зайду и узнаю, дома ли мулла.

Те остались на улице, а шайтан зашел и увидел, что мулла и купец сидят под деревьями, пьют чай и едят плов из баранины.

— Я привел правду и ложь,— сказал шайтан.

— Долой правду! Тащи ложь! Каждый год будешь получать пуд золота,— сказал купец.

— Гнать правду, давай ложь! Буду молиться за тебя,— сказал мулла.

— Кроме молитвы, может, что-нибудь добавишь? — спросил шайтан.

— Ну, ладно: из всего того, что я получаю от народа, я буду давать тебе ежегодно десятую часть.

Так заключили сделку мулла, купец и шайтан.

С большой радостью вылетел шайтан; он взял ложь, погладил по головке и сказал, чтобы она шла к мулле и купцу, а правду он схватил за глотку, сунул за пазуху и сказал:

— А тебя, правда, я брошу в море.

Мулла, когда вошла ложь, встал и поздоровался с ней, и купец также встал и поздоровался.

За такой теплый прием от радости две крупные слезинки покатились из глаз шайтана, а ложь заговорила:

— Из всех людей я нашла вас двоих самых лучших, жалеющих и лелеющих меня.— С этими словами ложь разделилась на две части и обняла муллу и купца и, прилепившись, осталась в их объятиях.

Шайтан же каждый год приходит к мулле и к купцу получать золото.

ЖЕНЩИНА И МУЛЛА

Были муж и жена, жившие в бедности. Не было у них никакой скотины, не было у них также и сносной пищи.

Стали они думать: как бы сделать так, чтобы было у них чем кормиться? Додумалась тогда жена и говорит своему мужу:

— Закутайся ты в свою шубу и садись, как нищий, у края дороги, где живет мулла, и когда будешь встречать людей, приговаривай: „Спаси нас, Аллах, от хитрости жены!“ Тогда, может быть, что-нибудь перепадет нам от муллы,— сказала она и отправила своего мужа.

Вышел мулла и увидел человека.

— Что ты делаешь? — спросил он.

Тогда человек говорит:

— Спаси нас, Аллах, от хитрости жены.

— Спаси нас, Аллах! — сказал мулла и пошел.

В этот же день мулла встретился с шедшей по воду женой этого человека. Она игриво подмигнула ему и прошла к источнику. Мулла остался стоять на том месте, пока женщина не вернулась, думая о происшедшем и обрадовавшись этому случаю. Когда она, возвращаясь обратно, поровнялась с ним, он сказал ей:

— О тебе сердце так страдает, что не могу не взглянуть на тебя каждый раз, когда ты идешь по воду.

— Зная, что ты ходишь взглянуть на меня, я также имела тебя в сердце, но, остерегаясь мужа, до сих пор не подавала вида. Теперь он — пусть его Аллах убирает совсем — через неделю выезжает из дому. Мы эту неделю проведем вместе, в утехах. Приходи сегодня ночью и принеси съедобное,— сказала женщина и ушла.

В эту ночь мулла набрал самое лучшее, что было у него съедобного; послав все это с прислугой к женщине, отправился и сам. Мулла беспечно сидел, удобно расположившись, изредка потирая руки, частенько произнося имя Аллаха, довольный всем случившимся.

— Ну, дорогой мулла, кушай хорошенько! — говорила она, подавая ему кушать и поглядывая на него с веселым видом; она подкладывала ему подушку и только собралась усесться рядом с ним, а мулла возносил Аллаху молитвы благодарности, как в дверь постучали. Мулла, растерявшись, заметался, говоря:

— Что теперь делать? Ай, сгорим мы теперь в огне! Это он вернулся домой, видно — забыл что-нибудь!

Жена заметалась, а мулла кричал:

— Жи вари[38]! Теперь отпусти меня!..— И, сбросив с себя одежду, он приготовился выскочить в окно.

— Ай, не бросайся оттуда! Садись в этот сундук! А то ты от него не уйдешь! — крикнула она, посадив муллу в сундук и закрыв его на замок.

Зашел муж.

— Это что такое? Это что такое? — закричал муж, как будто не знал, откуда эти припасы.— Когда меня не бывает дома, ты бываешь с людьми, и они тебя угощают? Кто тебе приносит эти вещи? Кто здесь был? — И со словами: — Вошина вир[39]! — он ударил палкой по кожаному мешку с крупой, принесенной муллой, приговаривая: — Куда он денется, вошина вир...— Он бил по мешку палкой.— Скажи, кто он? — кричал он на нее.

Заревела тогда жена, притворяясь:

— Если бы я знала, что ты так поступишь, я бы, продав этот сундук, принесла тебе пищу.— Тут же сели они и съели приготовленную еду, а когда кончили, муж подошел к сундуку и, таща его на середину комнаты, сказал:

— Я завтра же на базаре продам этот сундук и куплю нам съестные припасы.

Сундук оказался тяжелым.

— Что в нем лежит? — спрашивает муж, прикидываясь незнающим.

— Ничего нет, ничего нет,— ласковым голосом отвечает жена.

— Давай тогда ключ,— отвечая на ласки, сказал муж и, взяв ключ, пододвинул поближе сундук и лег спать; легла и жена.

Утром нанял он бедняка и послал его с сундуком на базар:

— Я догоню тебя...

Идет бедняк с сундуком на спине. Когда он отошел на небольшое расстояние, сидевший в сундуке постучался пальцем и издал тихий звук. Бедняк удивился. Он оглянулся кругом.

— Видно, что это — дело Аллаха,— проговорил он и пошел дальше. Как и раньше, постучался мулла пальцем, воскликнув:

— Видно — дьявола это дело!

Бедняк оглянулся кругом и, не зная, в чем дело, испугавшись, пустился бежать дальше.

Когда мулла постучался третий раз, бедняк спросил:

— Человек ли ты или дьявол ты?..

— Я не дьявол, я мулла. Как только поставишь этот сундук

на базаре, пойди к моему сыну и скажи ему, чтобы он купил этот сундук, уплатив любую цену, не уступая другому...

Удивившись этому делу, бедняк побежал и передал сыну все. Хозяин подошел к своему сундуку и на вопрос покупателей: — Продаешь ли ты сундук? — отвечал:

— Продаю, кто даст сто золотых. Продаю — он изнутри хороший,— и, открывая замок, чуть приоткрыл крышку.

Подоспевший сын муллы отдал сто золотых и унес сундук. Принеся сундук домой, он вытащил из него муллу со словами:

— Хорошую славу ты принес, хорошую пользу ты принес нашему дому...

По истечении двух-трех дней человек опять подошел к дому муллы и сел недалеко от окна, через которое смотрел мулла. Мулла выглянул в окно и слышит:

— Пусть Аллах спасет нас от хитрости жены!..

— Алхамдуралла! Да спасет нас Аллах от предательства жены! — произнес мулла и захлопнул окно.

БЕДНЯК И СВЯТОЙ*

Пошел раз бедняк на базар продавать своего быка. Придя туда, он спросил первого попавшегося ему мясника:

— Купишь быка?..

— О каком быке ты говоришь? Ведь у тебя коза,— ответил ему мясник.

— С ума ты сошел! Какая коза? Не видишь, что ли, что это — бык? — Махнул бедняк на торговца рукой и погнал быка дальше. Вскоре встретился ему второй торговец и спрашивает:

— Сколько стоит твоя коза?

— Что такое? Или я с ума сошел, или вы все? — произнес удивленный бедняк.

К третьему торговцу обратился он:

— Не купишь ли быка?..

— Да это же не бык, а коза,— услышал он знакомый ответ.

— Ничего не поделаешь,— сказал бедняк.— Вы трое утверждаете, что это коза. Пойдем к святому и разрешим недоразумение.

Пошли. Придя, бедняк сказал святому:

— Мы явились к тебе, чтобы разрешить один вопрос: эти мясники превратили моего быка в козу... Ты же видишь, что это бык?..

— Какой бык! Это — самая настоящая коза! — воскликнул святой.

— Ну, что же делать? Видно, и в самом деле мой бык стал козой.

— А сколько, по-твоему, стоит моя коза? — спросил бедняк у святого.

— Рубля три,— ответил святой.

Бедняк продал быка за три рубля, но попросил у мясняка: после того, как быка зарежут, вернуть ему хвост.

Получив три рубля и хвост, бедняк вернулся домой.

---

* Святой — так горцы Северного Кавказа называли шейха.

Прошло несколько дней. Бедняк услыхал о том, что его знакомый святой заболел. Узнав об этом, он сбрил усы, бороду, переоделся и отправился в село, где жил святой. Сосед святого, у которого бедняк остановился на ночлег, спросил у своего гостя:

— Чем ты занимаешься?

— Лечу больных,— ответил бедняк.

„Он может помочь святому“,— решил хозяин и повел бедняка к соседу.

Осмотрев больного, бедняк заявил:

— Через три дня я тебя вылечу, но предупреждаю: мои лекарства очень неприятны. Ты должен три ночи молча терпеть лечение. Если за это время ты хоть раз крикнешь или кто-нибудь войдет к нам, то от моего лечения не будет никакой пользы.

Святой, желая быстрей излечиться, согласился на все условия.

Ночью бедняк явился к больному и начал ласково расспрашивать:

— Что у тебя болит? Как ты себя чувствуешь?..

Святой рассказал.

Тогда бедняк вынул из кармана бычачий хвост и три дня и три ночи лупил им святого, приговаривая:

— А ну, скажи теперь, бычий или козий это хвост?

Больной по уговору терпел и молчал. Проучив таким образом святого, бедняк спокойно ушел домой.

ЧОРТ И ЕГО ТОВАРЫ

Шел, говорят, чорт с какими-то вещами в сумке на боку. Встретился с ним человек и говорит:

— Ах, ты, змея! Что это у тебя в сумке находится?..

— Это — грешное состояние, ложная клятва и хитрость. Ношу для продажи,— ответил чорт.

— Кому ты их продаешь, гяур?— спрашивает человек.

— Их можно продавать всем, кто даст задаток...

— Кому же ты продал их, гяур?..

— Грешное состояние я продал муллам, ложную клятву — спекулянтам, хитрость — женщинам...

ЧОРТ И ЗУРНА

Чорт, говорят, шел с зурной за плечами.

— Что это за зурна висит у тебя за плечами? — спрашивают чорта.

— Это у меня на тот случай, когда мулла даст милостыню,— говорит чорт.

— Много ли раз ты играл на ней? — спрашивают чорта.

— Клянусь, с тех пор, как повесил за плечами, ей ни разу не пришлось пикнуть,— сказал чорт.

ЛЕГЕНДЫ

МАГОМАТ МЕСКИТИНСКИЙ

Магомат Мескитинский и с ним два чеченца поехали в Грузию за добычей. Оттуда они привезли, в виде заложника, знатного грузинского князя. Этого князя они должны были кормить по очереди до тех пор, пока не объявится желающий взять его за большой выкуп. Как-то этот князь ночевал у Магомата. В эту ночь, оставив дома князя, Магомат уехал далеко в набег. Оставшемуся князю ночью показалось, что жена Магомата изменяет мужу с пастухом и что она любит этого пастуха. Князь сказал сам себе: „Хотя у Магомата хватило мужества взять меня в плен в Грузии, однако у него не-хватает мужской смекалки проверить поведение своей жены".

Проходили дни за днями, недели за неделями, и, наконец, Магомат приехал домой с большою добычею.

Дав возможность Магомату несколько отдохнуть с дороги, князь сказал ему:

— Магомат, как тебе известно, вы меня привели и уже много времени прошло с тех пор, как я здесь нахожусь. Пока нет никого, кто хлопотал бы за меня (да и вы не имеете от меня никакой пользы), отпустили бы меня домой; я вернулся бы с выкупом, назначенным вами, а порукой тому, что я вернусь,— мое мужское слово; кроме того, если я не вернусь, у вас хватило бы мужества снова пленить меня. В этом я не сомневаюсь.

Магомат, не желая отпустить его в присутствии жены, а с другой стороны, не считая нужным согласовывать дело со своими товарищами (да и сам он не против предложения князя), ответил ему:

— Если ты оправдаешь свое обещание и вернешься в назначенный срок с назначенным выкупом, тогда мы будем кунаками и я отпущу тебя домой. В случае, если ты не сдержишь своего слова и будешь там спокойно жить, то имей в виду, что у меня хватит мужества снова тебя взять в плен.

С особым усердием убрав своего коня, Магомат посадил на него князя и проводил в дорогу.

Два-три дня спустя после этого друзья Магомата узнали, что князь отпущен домой, и спросили Магомата:

— Почему ты отпустил князя домой?

Магомат ответил:

— Князь просил меня отпустить его домой, я разрешил ему поехать на родину, думая, что вы не будете возражать против этого; в назначенный срок он, несомненно, вернется к нам.

Друзья сказали:

— Наверное, ты получил от него деньги и поэтому отпустил его домой.

Магомат страшно рассердился и сказал своим товарищам:

— В таком случае мы поедем в Грузию, чтобы забрать снова князя.

Магомат и с ним два товарища его собрались ехать в Грузию. Когда прошла часть ночи, они доехали к месту назначения.

Оставив своих двух товарищей неподалеку от того места, где жил князь, Магомат обещал вернуться вместе с пленником и отправился к князю один.

Весьма осторожно, незамеченным вошел он во двор князя и, осторожно подойдя к окну, начал подслушивать.

В эту ночь в княжеском доме по поводу его приезда было большое пиршество, на котором было много приглашенных князей. Магомат подслушивал у окна. Собравшиеся князья расспрашивали у вернувшегося:

— Что из себя представляет взявший тебя в плен Магомат и какой он человек?

На это князь ответил:

— У себя на родине он известен как доблестный мужчина, однако он не может разоблачить тайную связь своей жены с его пастухом и сделать так, как я поступил. Как вам всем

известно, мою жену, которая вела развратную жизнь, я приковал к стене, заколотил ее руки гвоздями, повесил ей на шею любовника и отрубил ему голову. Жива она или нет, мне неизвестно.

Притаившийся у окна Магомат, услыша такой разговор, тихонько отошел от окна и, вернувшись к своим друзьям, сказал им:

— Я был во дворе у князя, и когда стал подслушивать у окна, то услышал в комнате плач и слезы; я счел неудобным в такую минуту забирать князя и вернулся один. Отправимся теперь домой, а в следующий раз вернемся и заберем князя.

Они направились домой.

Поздно ночью прибыли они в свой аул. Товарищи Магомата отправились во-свояси, а Магомат все время думал о том, что его жена, по словам князя, находится в тесной связи с пастухом, и подъехал верхом к воротам.

Он потихоньку слез с коня и привязал его за воротами, а сам, крадучись, подошел к окну и стал подслушивать. Через окно он увидел свою жену и пастуха, которые обнимались и целовались, и тут же было большое количество чепильги[40].

Увидав такую картину, он тихо вернулся к лошади и задумался.

„Что бы мне предпринять?— подумал он.— Если я их обоих убью, то люди будут упрекать меня, говоря: „Магомат убил своего пастуха и жену".

— Нет, я этого не сделаю,— проговорил он и отвязал свою лошадь, сел на нее и умышленно проехал мимо двора, чтобы жена и пастух услышали топот лошади, и, подъехав к воротам, постучался.

Догадавшись о приезде мужа, жена привела комнату в надлежащий вид, и, после того, как пастух пошел к себе и лег спать, она вышла к воротам и отворила их. Магомат въехал во двор; жена помогла ему сойти с лошади и, привязав ее к коновязи, вместе с мужем вошла в комнату.

Магомат сказал жене:

— Разбуди пастуха и скажи ему, чтобы он убрал лошадь.

Жена ответила:

— Смогу ли я его разбудить? Он жаловался, что сегодня много работал, и поэтому рано лег спать.

Магомат сказал:

— Все равно надо разбудить.

Жена пошла и разбудила пастуха; заставив его убирать лошадь, сама вошла в комнату и спросила мужа:

— Почему ты так скоро вернулся домой? Привез ли ты какую-нибудь добычу?

Магомат ответил:

— В дороге мне досталась большая добыча и удалось скоро вернуться. Из золота и серебра, которое я привез, хочу часть

уделить твоему брату; иди скорее к нему домой и приведи его сюда.

Отослав свою жену, Магомат вызвал пастуха и послал его за муллой.

Прошло немного времени, как жена явилась со своим братом, за ними явились пастух с муллой. Тогда Магомат сказал, обратившись к жене:

— Скорее приготовь им кушать!

Жена, сделав вид, что она только что приготовила, подала то, что было уже приготовлено для пастуха и для себя. Мулла и брат жены принялись кушать, и, по их настоянию, сел и Магомат.

Когда кончили кушать, Магомат вызвал пастуха и жену и в присутствии муллы и брата жены сказал:

— Так вот, мулла, если ты или все вы сейчас при мне ночью не будете делать то, что я прикажу, или будете порицать то, что будет сделано по моему желанию, будете убиты, и в этом мое слово будет крепко.

После этого, встав перед ними, он заявил:

— В присутствии вас и бога я даю развод моей жене.

После такого обращения ко всем он повернулся к брату жены и сказал:

— Ты должен выдать замуж за этого пастуха свою сестру, а обряд венчания совершит мулла.

Брат тут же уполномочил муллу выдать его сестру замуж за пастуха.

— Обвенчай их,— обратился к мулле Магомат.

Мулла совершил обряд венчания, и женщина эта стала женою пастуха. После этого Магомат сказал пастуху и бывшей своей жене:

— Не выезжайте с моего двора, поселитесь в соседнем помещении и жить будете за мой счет.

Пастух с женой поселились по указанию Магомата.

Мулла не выдержал и спросил как-то:

— Скажи, Магомат, чем вызвано то, что ты сделал?

Магомат ответил:

— Больше об этом не может быть и речи; если я сделал это, то надо полагать, что вынужден был так поступить.

Не затевая больше никаких разговоров, мулла и брат жены ушли домой.

Сильно расстроенный, Магомат лег спать. Через короткое время Магомат услышал стук.

— Кто стучит?— спросил Магомат.

— Это я,— раздался женский голос.— Если откроешь, я бы вошла.

Когда Магомат встал и открыл дверь, перед его глазами предстала красавица, подобная солнцу.

— Доброй ночи, Магомат,—сказала она, держа в руках узелок.

— Добро пожаловать! Приветствую тебя,— ответил Магомат и, пригласив гостью в комнату, спросил ее: — Что тебя привело? Зачем пришла?

Девица ответила:

— Я и сама не знаю, зачем пришла. Сегодня ночью, придя откуда-то домой, мой отец — мулла — разбудил нас, трех дочерей, нашу мать и сказал нам, трем сестрам:

— Слушайте: есть ли среди вас, трех моих дочерей, хоть одна, которая была бы готова и умереть по первому моему желанию?

Мои две сестры — старшая и средняя — не дали никакого ответа. Я же, учтя то, что отец вырастил нас и что, кроме этого, он является общественным муллой, а также считая, что наше молчание обидно для отца, ответила:

— Я готова и умереть и броситься с кручи, если это тебе нужно.

Тогда отец сказал:

— В таком случае, собери свои вещи и отправляйся к Магомату, чтобы стать его женой.

Вот таким образом я и пришла к тебе, и больше мне ничего неизвестно.

Лицо Магомата просияло. Быстро собрав почетных стариков, он послал их к отцу своей новой невесты, чтобы оформить этот брак. После этого он провел с молодою женою часть брачной ночи и в ту же ночь ушел к своим товарищам, с которыми отправился в Грузию, чтобы вторично пленить князя.

Поздно ночью они приехали в Грузию. Оставив своих друзей неподалеку от того места, где жил князь, Магомат пошел во двор князя. Крадучись, он приблизился к окну и стал подслушивать. Убедившись, что князь дома, Магомат стукнул в окно и крикнул:

— Приветствую! Выйди ко мне!

— Приветствую и тебя! — сказал князь вышедши.— Почему ваши чеченцы так нетерпеливы, Магомат? Почему ты так рано приехал за мной? Ведь я и так бы приехал в срок с выкупом, который ты назначил...

На это Магомат сказал:

— Я не заслуживаю такого упрека: мои товарищи заподозрили меня в том, что я получил от тебя выкуп и потому отпустил тебя домой; из-за этого мне пришлось явиться сюда, оставив товарищей недалеко отсюда.

— Ну что же, пусть будет так,— ответил князь.— Ты войди в жилище, здесь для тебя безопасно, а я пойду и приведу твоих друзей. Раз уж вы приехали, я дам вам обещанное имущество и потом отправлю вас домой...

Усадив Магомата, князь отправился за его двумя товарищами.

Устроив им ночью обильное угощение, а утром передав им условленный выкуп, князь сказал Магомату:

— Ты оставайся у меня дома, а я с твоими двумя товарищами поеду на добычу, чтобы вы не вернулись домой без наживы.

Выезжая из дома, князь передал Магомату ключи от комнат.

— Во всем этом доме ты волен распоряжаться по своему усмотрению,— сказал князь,— однако, я не передаю тебе ключа от одной комнаты, так как у тебя не будет надобности входить туда.— Сказав это, князь передал ему, кроме одного, все ключи и собрался в путь.

Здесь, в доме князя, донесся до Магомата человеческий стон из той комнаты, ключ от которой забрал с собой князь. Услышав этот стон, Магомат подошел к той комнате и спросил через дверь:

— Кто здесь находится?

Послышался ответ:

— Если бы ты вошел сюда и посмотрел на меня, то ты бы узнал, кто здесь находится.

Когда Магомат сломал замок комнаты и вошел, то он увидел у стены женщину, руки которой были прибиты к стене гвоздями и на шее которой висело туловище с отрубленной человеческой головой.

— Что ты за существо?— спросил Магомат.

Женщина отвечала:

— Я была женой князя, хозяина этого дома. Узнав, что я нахожусь в любовной связи с одним человеком, туловище которого висит на моей шее, он подверг меня таким ужасным пыткам, отчего я — ни жива, ни мертва.

Магомат немедленно снял женщину со стены, повел ее в комнату и уложил в кровать.

В тот момент, когда Магомат пригласил лекаря, приехал князь и с ним два товарища Магомата с большой добычей.

Узнав, что Магомат освободил его жену, пригвожденную к стене, князь сильно разгневался и сказал Магомату:

— Вы, чеченцы, не можете не злоупотреблять доверием; несмотря на то, что я просил тебя не входить в одну из моих комнат, ты все-таки вошел туда, освободил женщину и сидишь, как будто бы ничего не случилось. Ты бы лучше у себя распорядился дома: возможно, что и у тебя дома также не все благополучно.

Магомат ответил князю:

— Ты не особенно расходись и не злись, так как ты оказался не мужчиной и не князем; если бы ты был мужчиной, ты бы не подверг свою жену таким пыткам за то, что она изменила тебе, и не повесил бы ей на шею голову, снятую с человека, с которым она изменила тебе. Ты и мне бросил вызов, сказав, что и в моем доме, возможно, есть измена. Теперь я тебе расскажу, как я поступил по такому же делу у меня. Откровенно говоря, я и не подозревал, что жена мне изменяет с моим пастухом, но впоследствии мне все стало

ясно. На второй день после того, как я тебя отпустил домой, мы поехали за тобой. Оставив товарищей в стороне, я пробрался к окну твоей комнаты. Здесь я стал прислушиваться, чтобы выяснить, дома ли ты или нет. У тебя в гостях были князья, которые тебя спрашивали кое о чем. Между прочим они тебе задали вопрос: „Что за человек Магомат?“ Ты ответил, что про Магомата ничего нелестного сказать нельзя, но что он, мол, не может разоблачить тайную связь своей жены с его пастухом. Услышав это, я немедленно отошел от окна и вернулся домой, где и убедился в справедливости твоих слов.

Убедившись в том, что жена мне изменяет, я послал за сельским муллой и за братом моей жены, и в их присутствии я дал развод жене и тут же приказал мулле обвенчать пастуха с моей женой.

Выдав мою бывшую жену замуж за пастуха, я предложил им поселиться в моем дворе и затем приехал к тебе, чтобы предотвратить всякую огласку этого позорного случая. Если бы ты был мужчиной, ты бы выдал свою жену замуж за человека, с которым она тебе изменяла, и поселил бы их у себя же.

— Пусть будет так,— промолвил князь,— ты прав, Магомат. То, что было, прошло, теперь я даю тебе право распорядиться моею женою так, как ты захочешь.

Магомат продолжал приглашать лекаря, и в конце концов, когда она совсем поправилась, он собрался ехать. Князь выделил им часть добычи и поехал их провожать.

Когда они проехали границу княжеских владений, Магомат поблагодарил князя и заявил, что дальше они в нем не нуждаются, просил князя вернуться домой.

Один из двух товарищей сказал Магомату, что ему очень понравилось ружье, которое висело за плечами у князя; что он хочет нагнать князя и, с его ли согласия или без этого, забрать у него это ружье.

На это Магомат ответил:

— Он нас хорошо угостил и хорошо одарил, этого делать не надо.

Несмотря на это, его товарищ повернул коня, с целью отобрать у князя ружье.

Убедившись в том, что его товарищ так или иначе хочет осуществить свое желание, Магомат снял с плеч ружье и выстрелил в своего товарища; тот свалился. Магомат с другим товарищем слезли с лошадей и подошли к раненому. Достав из кармана трубку и закурив, Магомат сказал товарищу:

— Стоять над ним, пока раненый умрет, у нас нет времени, а для того, чтобы он скорее умер и удобнее было бы навьючить его на лошадь, ему надо сломать спинной хребет.

С этими словами он согнул его спину и сломал. Таким образом, быстро умертвив его, они привязали его к седлу его же лошади, и два товарища тронулись дальше.

Услышав выстрел, князь вернулся обратно и, нагнав двух товарищей, спросил:

— Кто убил вашего товарища? Кто на вас напал?

На это Магомат ответил:

— На нас никто не нападал, товарищ убит случайным выстрелом из своего же ружья. Ты поезжай домой, так как в твоей помощи мы не нуждаемся.

Князь снова сказал:

— Скажи мне правду, кто убил твоего товарища? Вы едете от меня, и я не имею права вернуться обратно, не узнав правды.

Убедившись в том, что князь не отстанет, пока не узнает правды, Магомат рассказал ему, как их товарищ хотел нагнать его, чтобы отобрать ружье, и о том, как он его убил. Князь сказал:

— Если он погиб из-за моего ружья, я поеду вместе с трупом и отдам себя в полное распоряжение его родственников, и пусть они убьют меня в отместку за своего человека.

Никакие уговоры не помогли; князь привязал свое ружье к седлу лошади, на которой был труп, и вместе с трупом тронулся в путь.

Они въехали во двор родителей убитого. Не было предела горю отца, матери и братьев убитого.

Открыли тезет[41]. Затем начали задавать вопросы Магомату и его товарищу, как и кем убит их сын. Князь заявил, что их сына убил он и что приехал он для того, чтобы дать им возможность убить себя в отместку за сына. Вмешался Магомат и сказал, что заявление князя неверное и что сына их убил он, Магомат, и рассказал им, при каких обстоятельствах он убил его:

— Когда ваш сын собрался ехать за князем, чтобы отобрать у него ружье, я его просил не делать этого, так как князь оказал нам большое гостеприимство. Тем не менее, не слушая моих увещеваний, он собрался ехать за князем, и тогда выстрелом из ружья я убил его.

Узнав эти подробности убийства, родственники отменили тезет, и, поблагодарив Магомата, отец и мать убитого заявили:

— Во всем случившемся вы не виноваты. Убитого вами сына нашего мы теперь не признаем за своего сына: он должен был во всем слушаться Магомата, как старшего руководителя.

Товарищи приняли меры к погребению убитого, разделили его именем милостыню, а князь повесил свое ружье на памятнике погребенного.

Магомат вернулся к своей красавице-жене и счастливо стал с нею жить.

Мужество заключается в том, чтобы в своих действиях не горячиться, а подумать раньше о последствиях поступка.

БАЛО

В свой черед наступило утро, в свой черед пришел вечер. Глубокая ночь наступила за ними. Когда погрузились в сон жители аула, к Бало обратился его младший брат:

— Вставай, брат, и послушай меня: живет тут недалеко князь Кагерман[42]. Много имеет он в горах баранты; много пасется у него в предгорьях табунов лошадей; много народа он в своей власти держит. Сбирает с них не водившуюся у нас дань. Сестер насилует, устрашая братьев; деверей устрашая, невесток насилует. Притесняет, губит он аул. Мы должны с тобою принять меры. Мы должны с тобой поехать, ты — старший мой брат! Поехать во дворец князя Кагермана, о, Бало! И должны показать мы надменному князю, что в соседстве с ним живут удалые чеченцы. Мы должны наказать его, о, брат мой Бало, так, чтобы он никогда народ не ооирал. Ты долго странствовал по чужим землям. Ты приехал теперь домой, наш вождь, Бало!

Когда младший брат кончил говорить, быстро вскочил на ноги тот храбрый Бало.

Снарядили, как невест, они своих коней, и сами, вооружившись, черной ночью прискакали к дворцу Кагермана.

Старший брат остался с конями, младший ловко перепрыгнул через ограду. За оградой он увидел каменный дворец. Цепляясь за камни, он влез на крышу, а оттуда спрыгнул во внутренний двор. Золота набрал, сколько мог унести, и пришел к Бало тот младший брат. Ловко вспрыгнули братья на гнедых лошадей. Стрелой понеслись братья в свой родной аул, словно со стройной ланью в беге состязались, словно с черно-крылым соколом в быстроте соревновались.

Когда на смену черной ночи наступил светлый день, князь Кагерман собрал своих приближенных и стал говорить им:

— Слушайте внимательно. И дверь не взломав, сколько в силах унести один человек, столько золота унесли у меня, не взломав окна, неизвестно откуда. Что делать мне — советуюсь я с вами, мои благородные приближенные?..

Тогда позвали его приближенные престарелую колдунью и привели ее к Кагерману. Он рассказал ей о том, как пропало золото. Тогда стала говорить старая колдунья:

— Слушайте вы меня: мне скорее с базара принесите вату, принесите также масла.

Принесли все просимое и отдали ей.

Она смочила вату маслом, положила посреди комнаты; плотно закупорив двери и окна, подожгла ее. Потом вышла, и остальные — за ней из комнаты. Вышла на широкий двор и стала смотреть вверх из той сакли, куда зашел похитивший золото; дымок показался. Тогда дряхлая колдунья стала им говорить:

— Послушай меня ты, князь Кагерман: похитившие твое золото — дружные молодцы, иначе один не взял бы на себя всю тяжесть. Унесено золота меньше оставшегося. Они не утерпят, чтоб за ним вернуться. Ты должен приготовить им капкан не такой, как для волков. Ты должен приготовить им капкан, как для львов, чтобы выстрелил капкан двадцать раз, чтобы наверняка убить их.

Получив подарок за совет от князя Кагермана, пошла старая колдунья к себе домой, а князь Кагерман поставил капкан, как для львов, и спокойно лег спать.

Когда наступила ночь, два брата, приехав домой, собрали бедняков и привезенное золото между ними поделили, а потом, коней расседлав, быстро прошли в свой дом и спать легли.

Среди ночи проснулся младший брат, сел у ног своего брата и запел:

Вставай-ка ты, чеченский вождь:
Мы привезли казну с тобой для бедняков;
Чтобы показать нашу чеченскую удаль,
Теперь мы должны поехать с тобой,
Чтобы для себя богатство привезти!..

Когда проговорил это младший брат, вскочил на ноги Бало.

Вооружившись, стали в дорогу снаряжаться, как молодых невест, легких коней снарядили, ловко вскочили на них и за ворота выехали. Когда выехали, Бало говорит:

— Мы вместе в дорогу пустились и как равные товарищи с взаимного согласия тяготы нести должны.

И приехали два славных тех брата к ограде дворца.

Стал говорить тот вождь Бало:

— Когда мы в первый раз сюда прибыли, ты выскочил вперед и перепрыгнул через ограду дворца, теперь очередь за мной ту казну забирать.

— Нет,— ответил младший брат,— слушай внимательно, Бало: чеченским вождем называя тебя, я гордился, и будет неправильно, старший мой брат, между нами равенство соблюдать: тебя

осудят, если во дворец меня не пустишь. Будет больно и мне, если с лошадьми ты не останешься...

Сказав это своему брату Бало, он поручил ему славных коней.

Чутко прислушивался вождь Бало. Вдруг он услышал громовой удар, дворец сотрясающий, барабанные перепонки оглушающий.

Удар этот смутил Бало; он быстро прыгнул через ограду и нашел своего младшего брата, крепко схваченного капканом для львов.

Увидев Бало, раненый брат ему сказал:

— Слушай меня внимательно, мой любимый брат: если не снимешь ты круглую мою голову, если на моем теле эту голову оставишь, то не даст тебе жизни князь Кагерман. Ты должен скорее снять мою круглую голову, положить в суму и скорей-скорей домой отвезти. Кроме того, прошу я тебя, мой брат Бало: если будет возможность, если хватит удачи, отомсти за меня, чтобы быть тебе спокойным.

С тяжелым сердцем из ножен вынул Бало острый кинжал и голову снял любимого брата. Горячая кровь на землю хлынула. С стесненным сердцем в суму положил голову брата вождь Бало. Домой он поехал, опустив голову, суму с головой брата положил на луку.

Своей сестры тонкое платье на себя надев, с длинными краями покрывало на голову накинув и острый кинжал свой в широкий рукав платья запрятав, в грустном раздумье ждал рассвета Бало.

На второй день князь Кагерман спешно собрал молодых приближенных, послал, и привели к нему ту дряхлую ведьму, и стал говорить князь Кагерман:

— Старая ведьма, что ты мне говорила? Воры приходившие оказались безголовыми ворами!..

Тогда стала говорить та старая ведьма:

— Слушай хорошенько, князь Кагерман: приходившие к тебе — не безголовые братья; приходившие к тебе — дружные братья; взял эту голову брата его старший брат, а заставил снять свою голову младший, чтобы ты не напал на след. Ты послушай меня: если хочешь напасть на след, то в аул, где Бало живет, пусти ты необъезженного коня, к его хвосту труп привязав. Своего брата труп увидев, он выдаст себя. И поймаешь ты этих воров...

Сказав это, ушла старая колдунья. Быстро нашли тонконогого, необъезженного коня, к его хвосту привязали безголовый труп и пустили необъезженного коня по улицам аула.

Когда необъезженный конь с привязанным трупом поровнялся с воротами дома, где жил Бало, Бало его быстро остановил, отвязал и снял труп своего брата.

Одним рукавом слезы на глазах вытирая, в другом рукаве кинжал крепко сжимая, вокруг трупа метался тот вождь Бало.

Рассказали все это князю Кагерману, что сестра, мол, плачет над трупом брата.

Тогда вооружился, говорят, князь Кагерман и, окружив себя приближенными, в аул Бало приехал.

Во дворе, где лежал безголовый труп, князь Кагерман стал говорить:

— Вы, наверно, думали, что золото Кагермана легко можно похищать чеченским удальцам?..

С трудом крепился вождь Бало. Рукавом рот закрывая, сдерживал слезы, затем выхватил острый кинжал и снял голову Кагермана, и она покатилась. Затем стремительно бросился к старой колдунье, снял он кинжалом и ее дряхлую голову.

После этого окреп вождь Бало. Его вождем выбрали того аула жители, и с тех пор не брали с них тяжелой дани, с тех пор не приезжал князь с них дань требовать.

ОТТОК

В старину в одном кумыкском ауле[43] сидела у окна молодая невеста и шила себе из красного сафьяна чувяки.

Как раз в то время, когда она сшитую обувь натянула на ногу и начала шить вторую, к окну верхом подъехал пожилой человек и просил принять от него лошадь, пока он сходит в мечеть. Невеста вышла, приняла от него лошадь и привязала ее к колу во дворе.

Гость пошел в мечеть, она возвратилась в комнату и продолжала шить второй чувяк. Через некоторое время она выглянула во двор, а на том месте, где она привязала, лошади не оказалось. Вышла во двор, походила кругом, а лошади и след простыл. Нет — как нет, пропала лошадь. Выбежала за аул, а лошади все нет. Тогда она опустилась на колени и начала молиться: „Великий ты, могучий Аллах! Преврати меня в птицу!“

Бог пожалел ее и, чтобы утешить ее горе, превратил девушку в птицу отток.

Люди из мечети вышли. Гость, который оставил лошадь, пришел за ней; одновременно вернулся домой свекор невесты.

Свекор растерялся, когда гость ему заявил, что он у них оставил лошадь, которая исчезла. Он побежал в комнату. Невесты не было. Старик искал ее повсюду и не нашел.

У старика появилось подозрение, что исчезновение невесты связано с гостем. А у гостя были другие подозрения: исчезновение невесты он считал обманом, думал, что хотят скрыть его лошадь. И когда на этой почве у стариков — гостя и свекра — пошли скандальные объяснения, над ними пролетела какая-то птица, которую они до сих пор не видели; птица заговорила человеческим языком: „Ат йок! Ат йок! Ат йок!“ (По-кумыкски: лошади нет!) Тогда два старика заметили, что у этой птицы одна нога черная, а другая — красная, а во дворе лежал недошитый чувяк. Старики поняли, что птица, сообщившая им об исчезновении лошади, была невеста. С тех пор кумыки эту птицу стали называть „ат-йок“, а чеченцы, искажая, называют „отток“, а по-русски эта птица — кукушка.

МОРСКОЙ КОНЬ

В старые годы, когда на земле Нахчо[44] росли большие черные леса, когда жил Нахчо в тех лесах спокойно и богато, пасли свои табуны у реки Аргуни трое братьев: Борз-кант, Кюйр-кант и Лом-кант[45].

Старший брат Борз-кант владел стадом коров; средний — Кюйр-кант — стадом овец, и младший — Лом-кант — табуном коней.

Под ногами стад их дрожала земля; когда пили стада — на три часа ходу вниз по Аргуни вода высыхала... Вот сколько скота пасли братья Борз-кант, Кюйр-кант и Лом-кант!

Хорошие были коровы у старшего: крупные, круторогие, сильные; стоймя опущенный в молоко их кинжал стоял и не падал.

Хороши были овцы у среднего; мясо — что белый сахар; молоко — что сладкий мед; шерсть — что нежный пушок на щеках красавицы-девушки... Но лучше всего были кони у младшего, у Лом-канта: львы-кони, соколы-кони!

Присылали к нему за конями из дальних земель. Ханы и султаны сулили ему за коней золото и дорогие камни; но не отдавал никому Лом-кант ни одной кобылицы из стад своих; не продавал ни за что жеребца из табуна. Берег он дивную породу своих коней, дорожил чистотою их крови.

— Куда гоняешь ты, брат, свой табун по весне? — спрашивали его братья.— Почему нет у тебя жеребца, вожака твоим кобылам?

Ничего не отвечал братьям Лом-кант. Каждую весну тайно угонял он своих кобылиц в глухие лесные дебри, за Хинкальским ущельем. На резвого коня садился Лом-кант и гнал табун быстро, как стрела летит... Много смотрели люди, да мало видели.

Вот подходит светлосеребряная весна: весело шумит оживающий лес, белыми конями бегут по небу облака, радостно поют птицы брачные песни. Но не гонит Лом-кант своих кобылиц; как черный щит тучи, грусть упала на лицо его; мрачный сидит он на камне.

Подошли к нему старшие братья:

— Что с тобой, молодец Лом? Отчего грустишь ты так, будто потерял самое дорогое на свете?..

Отвечал братьям Лом-кант, и такое было его слово:

— Сегодня надо мне гнать мой табун. Сегодня надо мне также увозить себе жену, но не выдаст отец девушки за немилого. Не погоню табуна — потеряю свое счастье; не увезу девицы — потеряю то же...

— Мы поможем тебе,— молвил старший брат Борз-кант,— увезем тебе девушку; кто она?

— Коку[46] ее имя,— ответил ему Лом-кант.— Или вы не знаете нашей золотой голубки? Небесной ласточки не знаете, братья? Полная луна моя, освещающая ночью небо... Лебединая у ней шея; как снег днем — ее лицо; как снег горных вершин, окрашенный розовой зарей, ее щеки. Счастлив я, когда вижу в зареве губ жемчужные ее зубы, когда кинут на меня взгляд ее соколиные очи — в блаженстве умираю...

— Коку-девица, дочь Кур-корт[47], нам известна,— молвили старшие братья младшему.— Силен старик, много у него дружины... А куда гнать твой табун?..

— За Хинкальское ущелье его я гоню, через землю дальней Ичкерии[48] — на Восточное синее море... Через три ночи выйдет из того моря дивный золотогривый жеребец, раз в год он выходит, и надо мне к той поре быть там с табуном моих кобылиц. Пропущу год — уйдет по ущелью мое счастье...

— Мы поведем твой табун к Восточному морю. Укажи лишь дорогу,— сказали Лому старшие братья.

Обрадовался Лом-кант; многими словами благодарил братьев; не знал он, что злобная зависть давно уже точила их души...

Указал он им путь к Восточному морю и в радости поведал о том, как досталось ему его счастье. Так говорил он:

— Семь осеней прошло с той поры, я был на охоте в Шалинских[49] дремучих лесах. Целый день, от зари до зари, гнался я по следу за оленем и, только когда уж стемнело в лесу, нагнал его и убил верной стрелой. Разложивши костер, стал свежевать я добычу, как вдруг зашумели кусты, закачались деревья, выходит из тьмы огромный старик, весь поросший косматой шерстью. По широкому и острому лезвию топора, что блестело у него на груди, я узнал в чудовище том Гуин-падчах, лесного царя, владыку зверей. А он сел у костра и молча стал смотреть на пламя. Мне сделалось жутко, мороз сковал члены: я знал, что смерти мне не избегнуть, если я вдруг засну. А веки слипались, словно залитые медом. Тогда я решил пойти на хитрость.

Недалеко от костра, в чаще, лежал ствол толстого дуба, длиной в человеческий рост; я покрыл его своей буркой, а на конец положил папаху; вышло, что лежит человек, а сам притаился в чаще и замер, борясь с дремотой. При свете костра

я увидел, как встал вдруг Гуин-падчах, огромный, косматый, страшный, и пошел в мою сторону тяжелой поступью. Увидев накрытый буркой ствол дуба и приняв его за меня, он упал на него грудью. Топор на груди его врезался в твердый, как камень, ствол дуба,— так разрубил бы он меня пополам, но из крепкого дуба не мог лесной царь вырвать свой топор, не мог поднять тяжелый брус. Тогда я выскочил из своей засады и занес над головой Гуина меч. Чудовище взмолилось о пощаде. И я пощадил его, а за это Гуин поведал мне о Хорд-дин [50], дивном морском коне, и рассказал, где и когда он выходит из волн моря.

От этого морского коня — мои кони, за которых не жалеют золота и дорогих камней ханы дальних земель и чужестранные султаны...

Так рассказывал Лом-кант братьям своим Борзу и Кюйру о том, как он встретился со счастьем. Он говорил, а зависть хищным леопардом грызла и рвала души братьев.

Вскочив на коней, подаренных братом, быстро погнали они табун его через Хинкальское ущелье, через землю дальней Ичкерии, к берегу Восточного моря. И сказал дорогой Борз-кант второму брату своему Кюйр-канту:

— Чем лучше нас брат наш Лом? Ему и Коку-девицу, красотой затмевающую солнце; у него и кони, лучше которых не видано на земле... Будет с него и одного счастья — владеть красавицей-женой!

— Все стада овец и баранов своих я отдал бы за это,— отвечал Кюйр-кант старшему брату.

Между прибрежными скалами укрылись братья. Натянуты их самострелы [51], вложены тяжелые пули, нацелясь — ждут они, когда выйдет на берег к табуну золотогривый конь. И когда, поднявшись с набежавшей волной, осветил он тьму ночи, словно месяц, восходящий над морем, тогда ударили братья Борз и Кюйр в него синими пулями из своих самострелов. Раненый конь взвился и бросился назад в гневно кипящее море. А за ним, за златогривым конем Хорд-дином, кинулся с берега и весь табун кобылиц Лом-канта. Все до одной, как безумные, бросились кобылицы и навек погрузились в пучину.

— Дивное мы видели! — воскликнули братья, вернувшись к Лом-канту.— На зов золотогривого Хорд-дина все кобылицы твоего табуна бросились в море, и назад ни одна не вернулась. Мы звали и ждали их долго...

Как одержимый черным духом, оттолкнув от себя красавицу юную жену, кинулся Лом-кант к своему коню... Птицей, быстрым фазаном он на коня взлетел, летит, как стрела, в лесные дебри, за Хинкальское ущелье, через землю дальней Ичкерии, к далекому Восточному морю, и с той поры нет о нем слуха.

Только говорят люди, будто то место, где на берегу Восточного моря [52] ранен был Хорд-дин, зовется скала „Хорд-дин“, да из глубины морской по весне слышны ржанье коней да крик пастуха.

А что сталось с братьями Борз-кант и Кюйр-кант — о том говорят люди по-разному. Одни слыхали от своих дедов, будто быстрая Аргунь-река поглотила их вместе с их стадами: отомстила дочь-Аргунь за обиду отца-Моря. А другие сказывают, что убили они друг друга: оба хотели взять себе в жены жену брата: из-за красавицы Коку вступили братья между собой в смертный бой, и в том бою оба погибли...

Как знать, чего не знаешь? Одно только люди не разно говорят: „Злому и конец злой“.

ГЕРОЙ

Один чеченский добрый молодец и грузинский князь вели между собою вражду из-за участка земли. Из-за этого участка земли, в борьбе друг против друга, погибли все родственники грузинского князя и доброго молодца чеченца.

После этого они вдвоем вышли на поединок. И, как-то сговорившись между собою, сказали:

— Зачем нам с тобою умирать из-за этого участка земли? Не лучше ли будет нам помириться и стать друзьями?

На этом оба они согласились и стали большими друзьями.

У них обоих дома были жены. Обе эти жены были беременны. Они решили: если родятся сыновья, то быть им между собой друзьями; если же родятся сын и дочь, то женить их и быть близкими людьми.

Когда они с таким уговором возвращались домой, навстречу им пришло приятное известие: у доброго молодца чеченца родился сын, а у грузинского князя — дочь.

Тогда добрый молодец чеченец в виде калыма[53] уступил спорный участок земли грузинскому князю и посватал дочь князя за своего сына.

Случилось, что добрый молодец чеченец умер, когда сын его еще был в колыбели. Через некоторое время сын чеченского молодца и дочь грузинского князя выросли, но они ничего не знали о помолвке.

Мать сказала своему сыну:

— Когда ты был ребенком, отец твой засватал за тебя дочь грузинского князя, уступив ему спорный участок земли. У нас тейп (племя, род) маленький, беден, а потому я боюсь, что дочь грузинского князя не выйдет за тебя замуж. Показывайся ей почаще и дай ей знать, что ты относишься к ней с любовью.

Выслушав, сын сказал матери:

— Мне как-то неудобно ухаживать за ней; лучше было бы послать почетных людей к князю, чтобы посватать его дочь.

Мать собрала почетных людей аула и отправила их сватать дочь грузинского князя за своего сына. Почетные люди пошли и посватали дочь князя.

— Ничего против этого не имею, ибо он—сын доброго молодца,— сказал князь и выдал свою дочь. С нею, дочерью князя, почетные старики вернулись обратно.

Три дня, три ночи играли свадьбу. После свадьбы поздно ночью молодая жена вошла в комнату своего молодца. Долго говорили они по душам, а когда захотелось спать, молодой муж сказал своей жене:

— Иди сюда, сними мою обувь.

Дочь князя ответила:

— Твою-то обувь я сниму, а кто снимет мою обувь?

Обидевшись на нее, муж сам снял свою обувь и лег спать и думал: „Трогать ее ночью или нет?“ — Нет,— решил он и уснул.

На второй день утром он глянул на нее и дал себе слово: „Пока жена — дочь князя — не убедится в моем геройстве, пока я не докажу ей этого, я ни разу не трону ее рукой“.

Прощаясь с нею, он сказал: „Не скучай“,— и уехал.

В далекой чужой стране этот молодец отправился в набег к владениям одного князя. Напав на табун лошадей, он ровно половину оставил князю, а половину погнал к себе домой.

Прибыв домой, он роздал всех лошадей бедным и сиротам, а сам поехал туда же. На баранту он и на рогатый скот напал; того и другого половину стада пригнал себе домой и, как первый раз, тоже все это роздал бедным и сиротам, а сам опять уехал туда же.

Итак, из скота и имущества он ровно половину оставлял князю, а половину брал себе домой и роздавал бедным и сиротам.

Наконец, дошло до того, что только одна постель князя, на которую он ложился, не была поделена.

Поразившись такому явлению и никак не поняв сути дела, князь отправился к одной вдове-бабе и говорит:

— Все, что я имел,— и скот и имущество,— все делится пополам: половину уносят, а половину оставляют; я лишаюсь всего своего богатства, только одна постель не поделена; не знаю, кто совершает кражу: человек или какой-либо злой дух? Кто совершает эту кражу: друг или враг?

Вдова-баба на это ответила:

— Кражу эту совершает вор, и он обязательно придет еще раз, чтобы поделить твою постель. Последи за ним ночью, а может быть, поймаешь его.

После этого князь по ночам зорко стал смотреть за вором.

Наконец, в одну ночь, когда князь спал, тот молодец взял одеяло, которым был укрыт князь, разрезал его на две равные части и собирался из-под князя вытащить постель. Князь в это время проснулся, бросился на этого молодца, стал звать на помощь наружную охрану и поймал его. Пойманного сейчас

же связали, а утром князь приказал вырыть во дворе глубокую яму, в которую посадили его.

Три дня и три ночи никто не показывался к нему, и кушать ему не давали.

На четвертый день, считая неудобным такое отношение к заключенному, князь послал к нему своего слугу с едой. Слуга подошел и сказал:

— Меня прислал к тебе наш князь с едой, прими ее.

Сын молодца ответил:

— Ты — раб и твой князь — раб, вашей еды я и кушать не стану, убирайся со своей едой!..

Тогда князь послал к нему свою рабыню с едой.

— Ты — рабыня, твой князь — раб... Вашу еду я и кушать не стану! — ответил он ей.

На третий раз сам князь пошел с едой к заключенному, ибо он подумал: „Вероятно, человек он с мужеством, после такой голодовки не принимает еды от раба моего, рабыни моей, может быть, он брезгует ими“...

Князь принес и сказал:

— Я сам принес тебе еду: может быть, ты брезгуешь принять эту еду от раба и рабыни?..

Сын молодца ответил:

— Нет, я ими не брезгую; если до того дойдет, так я скорее побрезгую принять от тебя еду, и так — ни от них не приму, ни от тебя не приму. Если ты был бы князем, ты меня не держал бы в этой яме без еды трое суток...

Когда человек в яме наотрез отказался принять еду, князь вернулся в свой дом и направил к нему с едой свою дочку, которая никогда не выходила из комнаты.

Дочь князя подошла к яме и говорит:

— Надеюсь, что ты от меня примешь еду, меня прислал к тебе князь — отец мой; прошу принять, и если ты зол на нас, то и простить нам.

Из ямы послышался ответ:

— Ты — рабыня, а твой отец — раб! Не приму от тебя еды — убирайся от меня со своей едой!..

Дочь князя не отставала и просила принять еду и при этом сказала:

— Ни разу я не выходила из комнаты до сегодняшнего дня... Прошу не ставить меня в неловкое положение перед людьми...

Когда так сильно стала просить дочь князя, то тот ответил:

— Если ты вытащишь меня из этой ямы, приму еду.

Дочь князя ответила:

— Хорошо, я потом вытащу тебя, а ты прими пока что еду.

Человек в яме принял еду, и дочь вернулась обратно в дом.

На второй день утром дочь князя пришла к тому человеку и, заглянув в яму, произнесла:

— Доброе утро! В нашем большом городе никого не осталось, кроме меня с тобой; даже ни одной собаки и ни одной кошки. Всех их забрал с собой мой отец и уехал за восемь гор — смотреть на соревнование молодцов в геройстве — и победителю выдадут дочь царя.

— Тогда, клянусь тебе богом, я должен выйти из ямы; пока отец твой и другие приедут домой, я прибуду и полезу опять в эту яму.

— Хорошо,— сказала дочь князя и вытащила его из ямы. Потом повела его к себе в комнату, накормила и говорит: — Отец мой уехал, оставив дома своего лучшего коня, лучшее оружие и лучшую одежду.

Пока освобожденный из ямы одевался и вооружался, дочь князя оседлала коня, взяла за стремя, усадила его на коня и, отправив его в путь, вернулась к себе в дом.

Вдруг на дорогу выбежал заяц. Ударив коня плетью, он бросился за ним. Не успел заяц пробежать расстояние, равное ширине загона, всадник нагнал его и изрубил шашкой. Удивившись быстроте коня, он следом вернулся обратно и посмотрел на траву, а с травы даже не пала роса от копыт коня. „Удивительный конь“,— подумал он и продолжал свой путь.

На высокой чинаре сидела птица; из-за густых ветвей едва была видна. Желая проверить свою способность в стрельбе, он взял ружье в руки, прицелился и нажал курок. Птица упала с дерева, но уже без головы. И так он проехал восемь гор, за которыми собрались люди на соревнование в геройстве.

— Салам[54]! — сказал он и подошел к собравшейся группе князей. Князья отнеслись к нему с уважением, предполагая по его одежде, оружию и копью, что он — тоже князь, и посадили его рядом с собой.

Частенько смотрел на него князь, который посадил его в яму, и удивлялся сходству: конь, одежда и оружие похожи на его собственные. Князь молчал и ничего не говорил: если он подошел бы и сказал, что вещи эти принадлежат ему, а на самом деле оказалось бы не так, то был бы большой позор ему среди многочисленных князей.

Когда все собрались, один молодой человек с чашей в руке стал обходить гостей и говорить:

— Победителю пяти соревнований в геройстве дадут царскую дочь, но если он не победит, он лишится своей головы. Одно соревнование из пяти — это выиграть скачки... У кого лучший конь, тот должен выпить эту чашу.

Когда два раза он обошел ряды и в третий раз проходил и никто не решался выпить, то прибывший молодец взял эту чашу и сказал: „Если конь имеет силы, то он должен быть и быстрым“,— и выпил чашу.

Как и в первый раз, молодой человек обносил чашу во второй раз со словами:

— Кто метко будет стрелять, тот получит царскую дочь, а если не будет метко стрелять, с него голову снимут.

Когда два раза уже обошел с чашей, как и в первый раз, и обходил в третий раз, прибывший молодец взял чашу и сказал: „Кто умеет хорошо прицеливаться, тот метко попадет“,— и опять выпил чашу.

Опять обносили чашу среди собравшихся князей со словами:

— Это соревнование состоит в том, чтобы на скаку из ямы схватить и вытащить барана; кто вытащит, тому выдадут царскую дочь, а если не сумеет этого сделать, лишится своей головы.

Убедившись, что никто не решается выпить чашу, прибывший молодец взял ее, выпил третью чашу и сказал: „Тот молодец вытащит из ямы на скаку барана, у кого сильные руки“.

Четвертую чашу стали обносить со словами:

— Кто в схватке одолеет, победит шестьдесят человек, тот получит царскую дочь, а если не одолеет, то лишится своей головы.

Два раза пропустил обход, и когда с такими словами третий раз обходили с чашей, прибывший молодец, убедившись, что никто не решается ее выпить, взял чашу, выпил и сказал: „И шестьдесят человек может победить тот, кто силен“.

Пятую чашу стали обносить со словами:

— У кого жена не будет гулять с другими, тому молодцу выдадут царскую дочь; если же окажется, что жена гуляет с другими, то головы своей лишится он.

Два раза пропустил обход, при третьем обносе чаши, убедившись, что никто не решается выпить ее, тот же молодец взял чашу, выпил и сказал: „Песнь молодца не должна гулять с другими“.

Все были удивлены, когда все пять чаш геройства были им выпиты.

Один молодой человек встал из среды и объявил:

— Все, кто имеет хороших коней, собирайтесь! Вас посылают за восемь гор на скачки; чей конь придет первым, тому выдадут царскую дочь.

Быстро собрались молодцы на хороших конях, отправились за восемь гор.

Из окна царского дома смотрела на молодцов царская дочь. Когда доехали до места скачек все молодцы и с ними прибывший сын молодца, выпивший пять чаш, то почетные старики выстроили их в ряд. Молодец, выпивший пять чаш, вышел из рядов и сказал:

— Вы начинайте скачки, а я немного дам отдохнуть своему коню и сам посплю, а там догоню вас.— Он снял седло с коня, положил его себе под голову, лег спать, а коня пустил на траву.

Отдохнув вдоволь, сын молодца неторопливо оседлал коня, сел на него, стегнул его и сказал:

— Теперь ты, конь, можешь спорить в быстроте с соколом и по прыжкам — со львом.

Проехав уже четыре горы, он нагнал других, проскочил мимо них и далеко впереди всех прибыл на место.

Утвердили победу за этим молодцом и объявили:

— Приготовься ко второму соревнованию — по стрельбе.

На далекое расстояние положили яйцо. Оно чуть-чуть было видно. Зорким глазом прицелившись, нажал курок этот молодец и вдребезги разбил яйцо, как будто бы его там и не было.

За ним утвердили вторую победу и предложили подготовиться к третьему соревнованию.

Зарыли в землю барана так, что только были видны рога и голова, и там попросили этого молодца на скаку схватить и вытащить барана.

Быстро оседлал он коня, сел на него, подъехал близко к той яме, где был зарыт баран, и стал гарцовать на коне. Потом на скаку нагнулся, схватил барана и вырвал рог у самого основания. Обернув коня вторично, он схватил барана и вырвал второй рог.

Смотревшая на эту картину с царского дома дочь царя сказала ему:

— Да минует тебя несчастье, молодец! Схвати его подобно волку и вытащи!

Молодец сверкнул глазами, нагнулся на коне и на скаку схватил барана за шею, вытащил и ударил его об угол окна, где сидела царская дочь, так что клочья полетели от него.

— В трех случаях победил этот молодец,— объявили тут и попросили его приготовиться к четвертому соревнованию.

Приготовили шестьдесят человек, чтобы выступить на шашечный бой против этого молодца.

— Если их победишь, то четыре победы остаются за тобой,— сказали они молодцу.

Быстро приготовился молодец на шашечный бой против шестидесяти человек; взял шашку и пошел на них.

Заблестели шашки вкривь и вкось. Получив только несколько ран, молодец перебил всех шестьдесят человек и благодаря своей неимоверной силе вышел из боя победителем.

И тут установили, что все четыре победы принадлежат этому молодцу. Теперь готовились к пятому соревнованию: будет ли гулять с другими жена этого молодца или нет, и решили арестовать и посадить этого молодца в яму: не дать ему возможности связаться со своей женой.

После этого отправили к его жене двух армян, самых наикрасивейших армян, с золотом на двух ослах, узнать: будет ли эта жена гулять с другими.

Расспрашивая людей, эти два армянина вечером дошли до двора того молодца, навстречу им вышла та жена.

Армяне расспросили ее: дома ли ее такой-то муж? Жена молодца поздоровалась с ними и ответила:

— Мужа моего нет дома, но это ничего не значит; зайдите, да и вечереет уже...

Армяне согласились и вошли в дом, захватив с собой золото с обоих ослов.

После того, когда гости поужинали, жена молодца вошла в комнату, где находились гости, постелила им и хотела выйти, один из армян сказал ей:

— Если ты сегодня немного с нами погуляешь, то все это золото дадим тебе,—и выставил драгоценности.

— Хорошо,— сказала жена молодца.— Вы, как-никак, сегодня — мои гости, я и не могу вам в чем-либо отказать... И денег мне не надо. Я сейчас пойду в другую комнату, уложу мать своего мужа и зайду к вам.

Пошла она в другую комнату и сказала своей прислуге: „Одень мое платье, пойди к гостям и делай то, что они скажут“,— а сама легла спать с матерью своего мужа.

Лежа в постели, жена молодца подумала:

„А может быть, они пришли узнать, буду ли я гулять с другими или нет, и возможно, что поспорили с моим мужем“.

Мысль эта ее стала беспокоить, и она пошла в комнату, где находились гости, но ни гостей, ни золота не было: они отрезали среднюю косу прислуги и уехали.

Жена молодца волновалась до утра, не зная, чем объяснить приезд этих армян.

Рано утром она оседлала коня, взяла оружие мужа, одела мужской костюм и поехала за армянами допытываться, что их заставило приехать сюда.

Долго ехала и разыскивала своих двух гостей и неожиданно натолкнулась на то место, где соревнуются люди в геройстве в надежде выиграть царскую дочь. Она подъехала к группе князей и поздоровалась; князья приняли ее за мужчину и сказали:

— Что же ты, молодой князь, так опоздал?

Жена молодца спросила князей:

— Расскажите, кто оказался победителем?

Тогда ей рассказали:

— Один молодец в четырех соревнованиях победил всех, а пятое, заключающееся в том, что жена его не будет гулять с другими, проиграл и потому задержан и находится в яме: завтра будет убит.

Жена молодца ответила собравшимся князьям:

— Молодой человек, которого вы посадили и собираетесь завтра убить,— из нашего края; если вы разрешите, то сегодняшнюю ночь я провел бы с ним; может быть, у него есть поручение какое-нибудь, которое необходимо передать домашним.

Принимая ее за мужчину, князья поверили ее словам и разрешили оставаться с арестованным. Она вышла к мужу и

поздоровалась. Муж не узнал своей жены, принял ее за мужчину, ответил на ее привет и попросил сесть.

Приступили к беседе; жена спросила молодца:

— За что ты арестован?

— Мы соревновались в пяти геройствах, и победителю обещали дать царскую дочь. В четырех соревнованиях я победил, а пятое проиграл; поэтому меня и приговорили к смерти.

— Расскажи, какие пять соревнований это были?

— Первое — это выиграть скачки, второе — это стрелять метко, третье — это из ямы вытащить барана, четвертое — это победить шестьдесят человек, и пятое — что жена не должна гулять с другими. Из этих пяти соревнований я выиграл первые четыре, а последнее проиграл; проиграл потому, что жена гуляла с другими, за что я и приговорен к смерти.

— А скажи, на что ты надеялся, когда ты пил пять чаш?

— Я пил в надежде, что конь будет первым на скачках, надеялся потому, что, когда я ехал, вдруг выбежал заяц и не успел он пробежать расстояние, равное ширине загона, я нагнал и зарубил его шашкой. Удивившись быстроте коня, я обернулся, поехал следом и увидел, что от копыт коня и роса не выпала с травы. Вторую чашу выпил потому, что когда я ехал, то увидел птицу на дереве, которую едва-едва можно было видеть. Я прицелился и нажал курок — птица упала. Третью чашу выпил потому, что я силен и надеялся вытащить барана из ямы. Четвертую выпил, зная себя в шашечной битве. Пятую же чашу выпил, надеясь на то, что жена моя не будет гулять с другими, но, оказывается, жена гуляла с другими: два армянина, поехавшие с этой целью к жене моей, привезли с ее головы косу. Из-за этой уверенности я проиграл и приговорен к смерти.

— Зачем ты поверил жене? Неужели ты не знал, что женщины изменчивы?

— Я ей поверил потому, что в первую ночь, когда женился на ней, я ей сказал: „Сними мою обувь“. Она мне ответила: „Я-то сниму твою, а кто снимет мою обувь?“ Так вот, если она мужу так противодействовала, то я никак не ожидал, что она будет гулять с другими.

Выслушав, жена сказала ему:

— Если ты продашь свое мужество, то я тебя выручу от смерти.

Молодец, думая, что с ним говорит мужчина, отвечает:

— Если бы я не был завязан, ты таких вещей не говорил бы, да и я не позволил бы. Я свое мужество не продам,—будь у меня десять душ — все отдам, но не мужество.

Настало время казни этого молодца. Собралось много народу. Переодетую в мужской костюм жену молодца никто не узнавал, и она стояла среди мужчин. В это время привели молодца и надели на голову мешок.

Тогда жена молодца стала на середину и крикнула собравшимся:

— Скажите, за что убиваете этого молодца?

Собравшиеся люди ответили:

— Этот молодец выпил чашу, что жена его не будет гулять с другими, но он проиграл, ибо жена гуляла с другими; теперь он будет убит.

Жена молодца опять спросила:

— Где доказательства того, что жена его гуляла с другими?

Собравшиеся люди ответили:

— Чтобы испытать его жену — будет ли она гулять с другими или нет, мы послали к ней двух армян с ослами, нагруженными золотом. Они погуляли с его женой и в доказательство привезли ее косу.

— Ну, хорошо,— сказала тогда жена молодца,— покажите мне эту косу.

Принесли и показали золотого цвета косу.

Посмотрев на косу, она промолвила:

— Жены удалых молодцов имеют волосы не золотого цвета, а вот такие, черные.— Она сняла папаху и опустила черные волосы.

Тогда все убедились, что молодец, приговоренный к повешению, выиграл все пять соревнований; сняли с его головы мешок, утвердили за ним пять побед, вернули ему коня, оружие и присудили ему царскую дочь. Тогда, отказавшись от царской дочери, молодец сказал, что ему некогда, сел на коня и крикнул: „Я отказываюсь от царской дочери!“

— Нет, я не оставлю царской дочери,—молвила жена того молодца,— так как мой муж ее выиграл.

Она взяла с собою царскую дочь и поехала домой.

А молодец этот, как он обещал дочери того князя, который посадил его в яму,— прибыл раньше людей, собак и кошек и спустился в яму.

Подошла к нему дочь князя и спросила:

— Расскажи мне о молодцах, которые собирались за восемью горами соревноваться в геройстве. Кто победил и кому досталась царская дочь?..

Молодец ответил:

— Кто это был — не знаю; был какой-то молодец, и я слышал, что он выиграл все пять соревнований...

А когда прибыл отец этой дочери, она спросила у отца:

— Кто победил на соревнованиях? Кто выиграл царскую дочь?

Отец ответил:

— Право, не знаю, кто это был, но конь его был похож на моего коня, которого я оставил дома; оружие было похоже на мое оружие, оставленное мною дома; одежда тоже была похожа на мою одежду, которую я оставил дома. Он победил

во всех пяти соревнованиях. Присудили ему и царскую дочь, но оставил он ее и скрылся неизвестно куда...

— Значит, это тот самый молодец, который сидит у нас в яме,— сказала дочь князю.— Он меня просил вытащить его из ямы и разрешить ему поехать и посмотреть на соревнования молодцов в геройстве. Он сел на твоего коня, одел твою одежду и поехал. Приехал раньше вас всех и снова спустился в яму. Если мне не веришь, то посмотри на своего коня, оружие и костюм...

Князь посмотрел и увидел, что конь весь в пене, оружие и одежда в крови.

Тогда князь пригласил всех почетных людей аула, вывел молодца из ямы, выдал за него свою дочь, запряг трех вороных, посадил их в свой экипаж и отправил домой к молодцу.

Молодец со своей невестой прибыл домой. Три дня и три ночи они играли свадьбу, и молодец стал жить со своими тремя женами.

АСТЕМИР ИЗ ШАТОЯ

В Надтеречном районе, в селении Али-Юрт проживали: Астемир из Шатоя, Тепсарко — сын Мии, Иса — сын Басора и князь Кагерман.

Правнуки Астемира говорят, что и сейчас его потомки проживают в ауле Верхний Наур.

Астемир из Шатоя в песнях и сказаниях славится как один из мужественных чеченцев того времени. Он угонял скот богачей, раздавал его бедным и сиротам. Вступал в бой с русским начальством и был прославлен как один из героев.

Иса — сын Басора, и Тепсарко — сын Мии тоже славились в Чечне, но ничего особенно выдающегося я не знаю, чтобы рассказать о них.

Знаменит был и славился князь Кагерман; он был богат, имел землю в Надтеречном районе. В богатстве он мог спорить с такими героями, как Астемир из Шатоя и другие.

Однажды генерал, проживавший за Тереком, прислал письмо к князю Кагерману:

„Если прилагаемое при сем письмо не будет доставлено в город Буре[55], то вы лишитесь княжеского титула, и я вас вышлю".

Получив такое письмо, Кагерман опечалился, сидел и думал.

В это время дочь князя Кагермана вернулась с речки с кувшином воды и, увидя отца печальным, спросила:

— Отец, почему ты такой грустный? Что с тобою случилось?..

Отец ответил:

— Я получил письмо от генерала с приказанием доставить его в город Буре. Поэтому я обратился к Исе — сыну Басора и к Тепсарко — сыну Мии. Они мне ответили: „Только птица может долететь; проехать никак нельзя туда — все дороги заняты противником. Из-за письма мы не станем рисковать жизнью"... Вот почему я и печален.

Дочь ответила отцу:

— Сын Басора — Иса и сын Мии — Тепсарко, которым ты даришь свою старую одежду и таких же коней, не смогут этого сделать. Но вот на краю нашего аула живет сын одной вдовы, Астемир из Шатоя; он каждый вечер и утро, когда я хожу по воду, встречает меня и говорит мне: „В Чечне нет другого молодца, за которого ты могла бы выйти замуж, кроме меня". Он просит выйти за него замуж. Он может это сделать, обратись к нему!..

— Если ты его встретишь, то скажи ему, что я его зову к себе,— ответил князь дочери.

В один прекрасный вечер с белым кувшином, в зеленых чувяках пошла по воду дочь князя Кагермана.

Держа в поводу своего гнедого коня, пришел на речку и Астемир. Поставив свой кувшин на землю, подошла к Астемиру дочь князя Кагермана и сказала ему:

— Отец мой просит, чтобы ты зашел к нему.

Не долго ожидая, Астемир оседлал своего коня, накинул на себя бурку и отправился к князю Кагерману.

Князь Кагерман подробно рассказал суть дела Астемиру. Астемир ответил:

— Письмо обязательно доставлю, но вернусь ли я живым домой — неизвестно.— И с такими словами Астемир принял письмо от Кагермана.

Кагерман сказал ему:

— Если довезешь это письмо и вручишь его генералу, то денег и другого добра я тебе дам, сколько хочешь.

Астемир на это ответил князю Кагерману:

— Ни денег, ни добра твоего мне не надо; в случае, если я не вернусь обратно, то просьба: в год два мешка муки и одну рубаху давать моей бедной матери, которой некому будет помогать, когда не будет меня.

Взял Астемир письмо и тронулся в путь. Несколько десятков засад проехал он; некоторые засады разгонял он оружием, а некоторые сами пропускали его.

В это время жил в Галашках один ингуш, по имени Актемир; он был известен всюду и сильный человек. Актемиру донесли, что едет один всадник, как быть с ним? Актемир ответил:

— Это, вероятно, Астемир из Шатоя. Его надо пропустить, ибо он уложит многих людей, если вступите с ним в бой.

Таким образом Астемир доехал и вручил письмо генералу.

Генерал удивился приезду Астемира и сказал ему:

— Сегодня ты должен переночевать здесь; завтра отходит этап через Прохладное на Моздок[56], с этим этапом[57] я тебя отправлю обратно.

Астемир ответил:

— Я не русская женщина, чтобы разъезжать с этапом! Ты скорей напиши ответ на письмо и передай мне... Я могу поехать и без этапа!..

Получил ответ от генерала и вернулся обратно Астемир.

По дороге он наткнулся на засаду, устроенную Актемиром.

— Приготовь свое оружие и начинай бой! — крикнул Актемир.

Сейчас же приготовил свое оружие Астемир и ответил:

— Начинай бой ты, ибо я нахожусь на твоей земле!..

— Ты мой гость, начинай бой ты! — ответил Актемир.

В конце концов начал бой Актемир, но, выстрелив, промахнулся.

Тогда Астемир выстрелом из ружья убил Актемира и беспрепятственно вернулся домой.

С тех пор дорога стала безопасной, и люди свободно разъезжали по этой дороге.

НАРТОВСКИЙ ЭПОС[58]

МУЦУЛ И СЕККИ

Жил-был когда-то богатырь джайцев[59], князь, по имени Муцул. Он ходил на чеченцев и брал с них дань. Так же поступал он и в Мельхистах[60].

В те времена в Мельхистах был аул, населенный шестьюдесятью слепыми с шестьюдесятью лошадьми. В этом селении у старой вдовы рос сын богатырь, по имени Секки. Секки обладал неимоверной силой, он был очень храбр. Об этом стало известно Муцулу и его народу.

Однажды, когда Муцул пошел на мельхистинцев за данью, по пути на горе Кул-Лам он сделал привал и послал к ним людей, чтобы они узнали настроение мельхистинцев, дадут ли они ему дань, допустит ли до этого их герой Секки.

Когда послы прибыли к месту, Секки сидел около бога Цуу и мял в руках цельную бычью кожу. Когда эти люди ему сообщили о том, что Муцул идет на них, он от гнева побледнел,

разорвал кожу на два куска и бросил на землю. При этом он сказал, что ни он, ни мельхистинцы поныне не платят ни Муцулу, никакому другому князю никакой дани. Когда Муцулу передали заявление Секки, он покинул гору Кул-Лам и отступил домой.

Как-то Секки пахал вдали от селения на паре волов; одной рукой он держал соху, другой сеял семена, а к ноге была привязана борона. К нему с пищей пришла жена и сообщила, что князь джайцев Муцул вошел в их селение и угоняет скот жителей. Как услышал об этом Секки, бросил работу и, схватив лемех, погнался за шайкой Муцула. Он их победил, скот у них отобрал и вернул жителям.

Убедившись в силе Секки и храбрости его, мельхистинцы выбрали Секки своим князем. И когда мельхистинцы обратились к нему с просьбой установить сумму налога, он сказал, что каждый дом ему обязан дать по мерке зерна и что все невесты, которые будут выходить замуж на территории Мельхистана, должны будут провести с ним первые трое суток и только после этого они получат права на мужа.

Население приняло эти требования, и жизнь пошла своим чередом.

Одного жениха тревожила предстоящая свадьба: он не знал, каким образом он может свою невесту провести мимо Секки. Тогда этот молодой человек обратился к одному старику и спросил у него, может ли он сделать так, чтобы спасти свою невесту от Секки. Старик ему ответил, что для этого нужно убить Секки, а убить его можно только его собственной шашкой, ибо другая шашка его не возьмет.

Молодому человеку удалось украсть у Секки шашку, отдал он ее мастеру для переделки — изменить вид — и с этой шашкой пошел к Секки.

— Ты наш великий князь! Я хочу стать тебе верным воякой и хочу купить у одного грузина вот эту шашку. Ты посмотри и скажи мне, можно ли эту шашку купить?

Секки посмотрел с одной стороны, с другой стороны и сказал, что это его шашка. Молодой человек уверял, что шашка украдена у грузинского князя и он ее привез в Мельхистан, чтобы продать ее. Тогда Секки передал эту шашку молодому человеку и сказал:

— Если эта шашка моя, то она поразит меня; если не моя — не поразит. Поэтому для пробы ударь меня этой шашкой.

Он отдал шашку и стал к нему спиной. Молодой человек этого и хотел; ударом большой силы отсек у Секки голову. Голова покатилась с горы вниз и дважды пробормотала:

— Поныне нет князя в Мельхистах! Поныне нет князя в Мельхистах!

Вслед за этим все мельхистинцы вторили:

— И не будет князя в Мельхистах! И не будет князя в Мельхистах!

Люди похоронили Секки в глубокой пещере. А того молодого человека, который отсек голову, женили на той, которую он любил, и живут они и множатся. И с тех пор в Мельхистах не было князя, и мельхистинцы живут как горные орлы.

НЕВИДАННОЕ ДЕЛО

Не близко и не далеко от нас, ближе, чем от земли до неба, и дальше, чем от рта до носа, жил богатый нарт Ичархо. И такой этот нарт Ичархо был богатый, что рабов своих считал сотнями, коней — тысячами, а золото — мешками. А богат он был оттого, что сильнее его людей никогда на свете не было.

И возгордился нарт Ичархо:

— Я самый богатый, самый сильный на свете. У меня дочь Марзина, красавица, красивее солнца. Кто же мне в зятья годится?.. Не хочу ни хана, ни султана,— не в роде толк, а в человеке. Богатства у меня на сто семей хватит... За того отдам замуж дочь мою красавицу Марзину, кто похвалится молодецким делом, невиданным и неслыханным.

И велел нарт Ичархо написать свою волю на кусках хорошо выделанной кожи, ровными, золотыми буквами велел написать, и, привязав те писания, пустил стрелы из своего богатырского лука на все четыре стороны: на полдень и на полночь, на восход солнца и на закат его.

Вот скачет витязь с полуденной стороны. От блеска его щита люди слепнут, от грома его меча глохнут воины, закаленные в битвах. Вихрь гнался за ним — не догнал; высокие горы становились на его пути,— он перелетал через них соколом.

— Будь здоров в твоем доме, славный нарт Ичархо! Отдай мне дочь твою Марзину,— я совершил невиданный подвиг с самим лесным царем, владыкой зверей, Гуин-падишахом: я бился один на один — и победил.

— Невелик твой подвиг, молодец! Мой отец сразился с самой Ешень, страшной, бессмертной ведьмой, осилил ее мощной рукой и навек замуровал ее в каменной башне. Его подвиг — не чета твоему!..

Вот несется богатырь с полуночи. Из-под копыт его коня летят скалы, перед ним вековые деревья до земли от страха преклоняются; от дыхания его — буря, из очей его — молния.

— Не минуй тебя светлый день, нарт Ичархо! Я приехал из дальних холодных стран, где, за ледяными стенами, в железной горе, были заключены одноглазы Яджуджь и Меджуджь. Разгромил медные стены, разбил железную гору, победил Яджуджя и Меджуджя и прогнал их еще дальше за Ледяное море. Отдай мне дочь твою, красавицу Марзину,— мой подвиг невиданный, никто еще такого не совершал!

Посмотрел на богатыря гордый нарт Ичархо и, усмехнувшись, он молвил в ответ:

— Искандер Зюльгарнейн[61] давным-давно победил Яджуджи с Меджуджем и заключил их за ледяной стеной, когда они были в тысячу раз сильней, чем теперь...

С запада мчится удалой всадник. Под ногами коня его земля дрожит, реки из берегов выходят, горы в пропасти проваливаются.

— Будь утро твое ясно, полдень светел и ветер тих, славный нарт Ичархо! Я достойный тебя зять, достойный жених дочери твоей, красавицы Марзины!.. На вершину царя гор, Ледяного великана, я выехал на моем коне. Туда, где сидит великая птица Симурх, одним глазом видящая все прошлое, другим — взирающая на то, что будет. Охраняет она ворота в дивную страну Джинистан, где живут небесные красавицы-девы. Я видел тех райских красавиц — и пришел сюда. Отдай мне дочь твою: перед ней меркнет краса райских дев, как свет звезд — перед полной луной!

— Еще не было тебя на свете, молодец, когда я, нарт Ичархо, и не на коне, а пеший взошел на белоглавого великана — гору. Не боясь, прошел я под крылом птицы Симурх, смело вступил в Джанистан и лучшую из дев его взял себе в жены. От нее и родилась Марзина... Нет, не прижать тебе, молодец, моей дочери к груди, как не спрятать за пазуху солнца!..

Так отказал гордый нарт Ичархо трем женихам, что приходили к нему с полудня, полуночи и заката. Никто не пришел с восхода, с Земли Нахчо[62].

— Видно, нет у Нахчо удальцов, славных богатырей,—молвил нарт Ичархо.— Не смеют Нахчо показать мне и лица своего.

— Я из Нахчо, стою перед тобою, гордый нарт Ичархо! Пришел я к тебе, чтобы взять дочь твою замуж!..

Обернулся нарт,— за ним стоит молодой удалец: стан его — как стройная чинара, глаза — что у горного орла, высокая грудь, широкие плечи.

— Какие же подвиги совершил ты, молодец Нахчо? Я сказал,— и слово мое крепче стали,— что отдам мою дочь лишь тому, чье дело неслыханное, невиданное, каким никогда и никто раньше не хвалился.

— Я такого подвига еще не совершал. Но сейчас свет увидит невиданное.— И, так сказавши, приложил удалец свой кинжал к горлу нарта Ичархо. И гордый нарт остался недвижим,—

остер был клинок, как солнечный луч; тверда рука, его державшая, и взор молодца был беспощаден.

Беден был молодец Нахчо, но из всего богатства не взял себе ничего, освободил всех рабов Ичархо, роздал им все золото, а сам взял дочь Ичархо.

Понравился молодец красавице Марзине. С радостью согласилась она стать его женой.

— Скажи мне твое имя, смелый юноша! — сказала ему Марзина.

— Имя мое — Майран-пур [63], и с этой поры оно будет славно от края до края земли.

КАК ПОГИБЛИ НАРТЫ ЭРСТХУО [64]

Там, на западе, где дальний Эльбрус поднимает к небу свои белые груди, ближе к тому морю, что вечно бьет прибрежные скалы своими черными, как ночь, волнами, жили в старину нарты Эрстхуо.

Злые то были богатыри, завистливые на чужой достаток; нападали они на мирных людей, не пославши им вперед вести о войне, отнимали у бедняков их последнее достояние.

Не почитали нарты Эрстхуо и Сердцеведа [65], за это не дал он женам их плодородия,— было нартов только шестьдесят; не благословил он их стада,— от овец их рождались серые волчата, бурьяном дарили их поля, и мясо в их нартовском котле о сорока ручках обращалось в зловонную падаль...

— Куда поедем мы в набег за добычей? На три раза семь дней в пути кругом наших жилищ земля стала серой пылью от копыт наших нартовских коней, четыре раза десять и один день надо нам ехать по пеплу сожженных нами селений, два раза округлит луна свое лицо, пока доведется нам услышать человеческий голос.

Так говорил товарищам-нартам разведчик их, хитрый Батоко Ширтяха, хитрый проныра, сумевший построить себе повозку из меди и спуститься на ней до седьмого дна ада. И так продолжал он свою речь:

— Есть в восточной стороне среди лесистых гор и зеленых долин пещера. В нее загоняет Калай-Кант [66] на ночь свои овечьи стада. Несметны его богатства. Но и силой с ним никто из живущих не может сравниться. Я не хотел бы видеть поднятую над нашими головами его вражескую руку.

Ему с гневом отвечал гремящим, как гром, голосом сильный Солса, князь нартов Эрстхуо. Слово о несметном богатстве Калай-Канта разожгло его жадное сердце.

— Молчи, Батоко Ширтяха, сын раба чужестранца,— сказал он.— Мы приняли тебя как товарища, но презираем как труса. Знай. мы, нарты, никого не боимся, и нет никого из живущих

под солнцем, кто был бы сильнее меня. Веди нас не медля к пещере Калая, коль знаешь дорогу.

Молодым ушел Калай-Кант из тех мест, где жил его род — тухум; безбородым мальчиком ушел он в неведомые леса и погнал с собою только семь овец. Но впереди овец шел старый козел, вожак стада, сильный, смелый козел, одаренный разумом человека, а на тучных пастбищах под охраной козла-вожака овцы плодились несметно.

Пищей Калаю служило лишь мясо годовалых овец, питьем — молоко; соли, волнующей кровь, и перебродившего питья, туманящего ум, никогда не вкушал он. Не видал женской прелести, ослабляющей тело... Могучий, кроткий, спокойный, был любимым слугой Сердцеведа.

— Враги идут на тебя, господин мой. Готовься защищать себя и богатство свое от злых, жадных нартов Эрстхуа,— сказал Калай-Канту его вещий козел, страж его стада.

Отвечал козлу Калай-Кант:

— Кто может напасть на мое белое стадо? Кто б ни пришел ко мне, я приму его как гостя, и как для гостя ничего не пожалею для него.

Темной ночью тихо подъехали нарты Эрстхуа к пещере Калая; шли кони их волчьей поступью по траве, пробирались лисьей пробежкой меж ветвями кустов. У скалы, закрывавшей вход в пещеру, сошли нарты с коней, и все шестьдесят стали отодвигать скалу с места, упираясь в нее могучими плечами; до колен ушли ноги в землю, но скала не сдвинулась и на ноготь.

— Вот приехали враги твои, господин, и хотят силою ворваться к тебе,— сказал Калай-Канту его вещий козел, вожак его стад по тучным лугам. Отвечал Калай-Кант:

— Не верю я, чтобы то были враги: я зла людям не сделал. Я впущу их сам в мою пещеру; приму их как гостей и свято соблюду обычай — ни в чем не отказывать гостю.

С этими словами встал Калай-Кант и, тихо толкнув скалу рукой, легко отодвинул ее от входа...

Ужаснулись могучие нарты; в страхе отступили они к своим коням.

— Войдите, путники,— молвил им ласково хозяин стад,— да будет приезд ваш на пользу вам и мне на счастье!

Но не захотели свирепые нарты войти гостями в жилище Калая. Молча сели они на коней и уехали, не ответив ни слова.

— Дадите ли, нарты, мне десятую долю богатства Калая, если я научу, как захватить их? — спросил хитрый разведчик Батоко Ширтяха, хитрый проныра Ширтяха, сумевший сознаться с алмас, зеленоокой великаншей, лесной красавицей, одетой лишь своими золотыми волосами, злой, страшной ведьмой, пожирающей грудных младенцев.

Крепкое нартовское слово, нарушая клятву, дали нарты Ба-

токо Ширтяхе, что ему отделят они десятину всех богатств Калай-Канта.

Тогда молвил им хитрый знахарь-разведчик:

— В лесах у быстрой Аргуни[67] живут великанши алмасы; красивейшую из них я пошлю к Калай-Канту, чтоб она очаровала его женской прелестью и, лишенного силы, отдала в ваши руки. Через три луны, три недели, приезжайте в пещеру Калая, там буду я вас ожидать.

У входа в пещеру, отпустив стада свои на пастбища, сидит Калай-Кант. И слышит он плач женщины в глубине леса; рыдания женские тревожат его кроткое сердце. И идет он на голос. Перед ним — красавица; к скале прислонясь, стоит она, и слезы горными ручьями льются меж пальцами ее белых рук.

— Кто обидел тебя, женщина?

— Нарты, злодейское племя Эрстхуа — мои враги. Отец мой и мать и все родные мои убиты ими; только я одна спасла свою жизнь, но, заблудившись в этом лесу, гибну теперь голодной смертью.

В пещеру свою ввел богатырь Калай предательницу, отогрел у огня ее тело, подкрепил ее пищей и сладким молочным питьем. Веселым огнем загорелись тогда зеленые, словно глубокие озерные воды, очи алмас, жарким пламенем пахнуло на богатыря от ее золотых волос...

— Кого положил ты, господин мой? Кого обнимаешь ты, целуя и прижимая к сердцу? То не женщина из рода людского, то — злая, коварная алмас, отродье бесов,— сказал Калай-Канту его вещий козел, возвратившийся со стадами в пещеру; но не внял Калай-Кант его слову; не внял — и убил своего верного слугу, ударив о камень. Месяц прошел с неделей и днем.

— Что сделал бы ты, господин мой, с врагами моими, злыми нартами Эрстхуа, если б пришли они сюда, чтобы убить меня? — спросила алмас Калай-Канта, нежно ласкаясь к нему.

Вспыхнуло гневом сердце богатыря, не ведавшего раньше злобы, схватил он рукою скалу, что служила ему вместо двери,— и далеко швырнул ее в чащу лесную; застонала, дрогнула земля от удара, с треском и гулом рухнули наземь столетние сосны.

— Я раздавил бы их так, как этот камень давит жалких червей.

Еще месяц прошел, прошли еще неделя и день. Опять спросила злая алмас Калай-Канта:

— Как бы ты казнил наших врагов, нартов, если бы они пришли к нам?

Упершись плечами, с трудом пододвинул Калай скалу к ущелью пещеры и завалил его вход.

— Сюда они, к нам, не вошли бы,— молвил он тихо.

Три месяца минуло и три недели прошло с тремя днями.

— Ты очень силен, мой Кант! Но не оборвать тебе и тонкого

шнурка, сплетенного из моих волос... Дай я свяжу тебе руки,— молвила злая алмас богатырю и с теми словами, будто шутя, опутала его могучие руки сзади спины шнурком из своих золотистых волос.

Раз богатырь свою силу напряг — шнурок впился в его кожу, от второго усилия брызнула кровь из разрезанных мышц. Когда же рванул он со всей силой в третий раз и шнурок, не поддавшись, впился в тело до белых костей,— радостно крикнула злая алмас. Дикой медведицей ревет она в чаще лесной, воет хищной волчицей, и на зов ее, словно коршуны, что слетаются со всех сторон небосклона на труп, мчатся к пещере Калая жадные нарты...

И молвил им связанный богатырь, бессильный защитить своих белых овец. Так сказал он окружившим его нартам:

— Да будет вам, чужеземцы, приезд ваш на пользу, а мне на счастье! Принимаю вас в моем жилище за дорогих гостей. Все, что есть у меня, ваше; я — ваш слуга, вы же будете здесь господами.

Злобно засмеявшись, отвечал ему Солса, старший над нартами; голосом, подобным грохоту катящегося с горы обвала, так загремел он в ответ:

— Приезд наш будет нам на пользу — мы берем все твои богатства. Мы будем твоими господами, а ты — нашим рабом; будешь ты, скованный по рукам и ногам, молоть ячмень для наших жен, сидя в глубокой яме... Не хотим быть твоими гостями!

И ворвались алчные нарты в пещеру Калая; кровожадные, стали рубить они овец, пробуя остроту своих мечей и силу руки. И с насмешками били ногами беззащитного и плевали в лицо связанного богатыря.

— Господа мои! — молвил им Калай-Кант.— Вы вольны над вашим слугой. Но во имя бога прошу вас: убивая овец из моих белых стад, отделите десятую в жертву Сердцеведу и сыновьям его Елта и Этеру и богу грома, грозному Сэли, чтобы не прогневались на вас они, привыкшие вкушать дым сжигаемой здесь жертвы.

С насмешкой отвечал ему свирепый Солса, князь нартов:

— Пусть боги твои будут сыты прежними жертвами. Мы же не дадим им и дохлого ягненка.

Тогда вступился за Калая Сердцевед. Грозного владыку громов, Сэли, послал он к нартам, пировавшим в пещере. И смутил Сэли их разум и пищу в котле их обратил в расплавленную красную медь.

Все нарты вкусили той меди, и умерло из них тотчас пятьдесят девять. Лишь шестидесятый, князь их, могучий Солса, долго боролся со смертью. Сгорая от палящей жажды, лежал он без сил у пещеры.

Ворон кружился над ним.

— Принеси мне воды, черный ворон! Я вдосталь поил тебя кровью людской...

— Не за тем прилетел я. Жду твоей смерти, чтобы выклевать очи твои.

— Ты, волк, что глядишь на меня из чащи? Дай воды мне... Я был тебе другом, кормил тебя досыта мясом людским...

— Скорей умирай! Я хочу пожрать твое сердце!

— Будьте вы прокляты вечно! Напои меня, голубь! Я изнемог... Помоги мне смерти отдаться без стона, глядя ей прямо в глаза...

И добрый голубь принес ему воды в красном сафьянном чувяке и освежил уста умирающего...

Не было уже слов у князя нартов; рукой, которой он брал из котла жидкую медь, он погладил шейку воркующей птицы, и оттого виден теперь на шее голубя отблеск меди...

Так погибло все племя злых нартов Эрстхуа, и князь их, могучий Солса, стыдившийся жалости, так встретил конец свой.

Со смертью Солсы развязался шнурок, спутывавший руки Калай-Канта.

БАЛАЙ И БОТИ

Говорила мне старая ворона, будто случилось это тогда, когда один богач умер, а его три сына остались живы; может быть, так, а может — и иначе. Недаром про ворону люди говорят, что она „и лису обманула".

Я хотел было рассказать вам эту сказку по-вороньи — в длинных словах, да вспомнил, что умные люди говорят: „Хороша веревка длинная, а речь короткая". Слушайте и не перебивайте, а то из короткого ничего и не останется.

Умер богатый человек... К его трем сыновьям пришла старуха; и хитрая же была ведьма, потому что повела она такую речь:

— Эх-хе-хе, богатые молодцы, удалые красавцы! Что сидите, молчите, повесивши нос, словно соловей, которому кошка хвост оторвала? Развеселитесь-ка и меня, старуху, хорошенько наградите, потому что я принесла вам весть о девушке-красавице.

И так рассказала хитрая старуха о красоте этой девушки, дочери царя с южной стороны, так расписала ее, что все три молодца в один голос закричали:

— Я хочу на ней жениться!

А старуха им:

— По очереди, молодцы! Не все сразу. Сперва ты, старший, Берзек, поедешь... Давай мне, старухе, награду за то, что укажу тебе дорогу... Поедешь ты по этой дороге, добудешь себе девушку,— твое счастье; я твоим братьям других невест найду. А не добудешь, как и до тебя никто еще не смог добыть,— пусть твои братья по очереди едут; за тобой средний — Оздемир, а за ним — младший, Али.

Вот и поехал старший брат Берзек добывать себе в жены дивную красавицу, дочь царя с южной стороны. Поехал прямо. Долго ли, коротко ли ехал, днем гнал, ночью не отдыхал. Нашу гору переехал, нашу перевалил, чужих две-три одолел, холмов четыре-пять перескочил, с десяток ущелий перепрыгнул таких

широких, как от носа до рта... И вдруг — откуда ни возьмись — старик такой древний, что в два кольца согнулся и голова назад из-под мышки выглядывает.

— Выпрями бог твою дорогу, молодец! За девицей, дочерью царя с южной стороны, идешь? Что дороже: девица или совет?

— Эх, ты, старый ослиный сыр[68], куриная твоя голова! На что мне твой совет! Хочешь, я тебе десять советов дам, да еще и жену твою и дочерей, и внучек, и правнучек прибавлю в придачу за девицу, дочь царя с южной стороны.

А дочь царя с южной стороны давно уже сказала своему отцу:

— Хочешь, чтобы я вышла замуж?.. Пусть жених осилит меня в борьбе.

Приехал жених, Берзек. Ему и говорят:

— Поборешь девушку — твоя будет, не сделаешь — быть твоей голове на коле остром!

Берзек только улыбнулся.

И вот ведут его на борьбу через темную горницу и ее тоже выводят. Борьба началась... Схватились... И, вдруг, точно солнце ударило ему в глаза, когда он взглянул в лицо девицы, так изумительно красива была девушка, а она взяла его, остолбеневшего, и положила на землю.

— Девяносто восьмую голову отрубите от шеи и посадите на кол! — сказала девица палачам. И по слову ее было выполнено...

Так же как и старший брат, погиб и Оздемир бесславной смертью; на девяносто девятый кол была посажена его голова.

Седлает младший брат, Али, своего вороного коня, идет по указанной дороге.

— Дай бог тебе прямого пути, молодой удалец! — говорит ему встречный старик.— Знаю, куда и зачем едешь. Что тебе дороже: красавица, дочь царя с южной стороны, или разумный совет?

— Совет мудрого старца дороже сокровища, так же как и добрая жена,— отвечал старику молодец Али.

— Слушай же, юноша! Девица, за которой ты едешь, не будет тебе доброй женой. Можешь ли ты отказаться от нее?

— Нет, отец! Сам знаешь: стыдно не довести до конца начатое дело.

— Поезжай же, если так, но помни: станешь бороться с девицей — не поднимай глаз на лицо ее.

По совету старца поступил Али, поборол девицу, дочь царя с южной стороны, никем еще не побежденную. Тогда стали его чествовать. Устроили ради него богатый пир, и на том пиру невеста угощала Али семилетней бузой, а всех других — семидневной.

— Как хочешь, витязь, взять меня в жены: насильно, или чтоб я вышла за тебя по моей доброй воле? — спросила царевна, когда Али выпил из рук ее семь чаш семилетней бузы.

— Пусть молоко матери моей будет мне позором, если не пролью я всей моей крови за то, чтобы стала ты моей женой по доброй воле!

— Узнай же, за что гневается Балай на жену свою Боти,— молвила жениху девица, дочь царя с южной стороны.

Не знал молодец Али, кто этот Балай и где дом его. Но слово данное, что пущенная стрела, назад не возвращается. И поехал он искать неведомого в неизвестном краю.

Много ли ехал Али, мало ли, про то я не знаю, а он позабыл... Дни за днями летели, как сухие листья, что гонит ветер по дороге. И очутился Али в чужой стороне, в таком краю, где и небо другое, и земля невиданная: в жару — грязь, в дождь — пыль... Ночь застигла его среди леса. Под высоким деревом сошел он с коня и расположился ночевать.

В этом дремучем лесу, на том самом дереве, под которым лег Али, свила себе гнездо орлица. Не простая орлица — каждым крылом она прикрыла бы большую усадьбу и, схватив когтями четырехлетнего быка, она могла унести его в поднебесье. Не было равной по силе той орлице ни среди зверей, ни среди птиц; был у ней только один лютый враг — серый змей Нал, кольцами тела своего обвивавший вековой дуб от корня до вершины. И тот змей не смел все же вступать с ней в открытый бой. Когда улетала орлица за добычей, он хитро подбирался к ее гнезду и пожирал птенцов ее, малых орлят. Оттого и не было потомства у великой орлицы с сотворения мира...

Ночью вдруг забился, громко заржал вороной конь, привязанный к дереву: подползает змей, серый Нал, смело ползет, потому что великая орлица отлетела от гнезда на добычу.

— Боже богов! Пошли мою стрелу в хорошую цель! — молвил Али и, натянув лук свой, пустил черную стрелу в голову змея. В левый глаз его угодила стрела, оперенная орлиными перьями.

Вторую стрелу пустил Али, воткнулась стрела змею в правый глаз. И ослеп огромный страшный змей. Шашкой своей, спасая коня, рубит Али злобно шипящего змея... Затрещали, зашатались деревья от ударов змеиного хвоста, закричали в гнездах громко орлята. На крик, на шум боя, на змеиный свист и шипенье кинулась с поднебесья великая орлица. Своим железным клювом расклевала она голову змея, своими стальными когтями растерзала его тело.

— Чем одарю тебя, молодец, за то, что спас ты мне моих птенцов, помог мне отмстить губителю моего рода? — спросила орлица Али.

Ей рассказал Али про то, куда и зачем послала его девица, дочь царя с южной стороны.

— На погибель послан ты, молодец! Воротись лучше домой подобру-поздорову,— сказала ему орлица.

— Я поклялся молоком матери,— отвечал ей Али.— И лучше погибнуть, чем вернуться бесславно!

Тогда взяла его орлица на свои могучие крылья, поднялась с ним в поднебесье и понеслась, словно черная туча в бурю, туда, где на дальнем краю света жил страшный Балай с женой своей Боти.

Скоро увидал Али высокие серые башни жилища Балая, зубчатые башни упирались вершинами в небо.

— Слушай, молодец,— сказала ему тогда орлица,— я буду ждать у ворот. Ты войди — скажи, что нужно, спроси, что следует, а потом, улучив минуту, беги ко мне. Если есть у тебя счастье, Балай не пустит стрелу в тебя, пока мы будем еще близко. А пустит — не спастись тебе, как и прежде никто не спасался и впредь не спасется...

По середине темного каменного двора кормит Балай, свирепый богатырь, собак своих гнилым мясом дохлых овец... и те куски, которые не едят нечистые псы,— те гнилые огрызки кладет в рот жены своей Боти. С ног до пояса окаменелая, стоит красавица недвижно перед мужем, слезы горным ручьем льются из ее джалулевых глаз, но в сердце его нет к ней жалости: он бьет ее раскаленными железными прутьями по белым плечам.

— Мир тебе, богатырь Балай! — молвил Али, переступивший порог.— Пришел я к тебе как друг, с добрыми помыслами, и жду от тебя привета...

Но не отдал молодцу привета суровый Балай. Ненавидел он род людской.

— Скажи, что нужно, чужой человек?

Али рассказал Балаю, почему и зачем он приехал.

— Поведай мне, суровый богатырь Балай: отчего гневаешься на жену твою Боти? Возлюбленная моя, дочь царя с южной стороны, мной побежденная в борьбе, обещала стать женой моей по своей доброй воле, если узнаю я это.

Ему ответил суровый Балай, и речь его была такая:

— Я Балай, сын Баркума, был кроток, как нежный ягненок, сосущий матку-овцу; гостеприимство мое ведал весь мир,— приходили ко мне враги со злыми помыслами и уходили от меня верными друзьями моими, щедро одаренные... А теперь я пущу стрелу мою в сердце другу!

Восемь лет я с любовью смотрел в глаза девицы, говорил ей нежные речи любви, и слава подвигов, что совершил я в честь ее и ради нее, гремела от края до края земли. И стала девица моей женой. Любил я ее, как иссохшая летом земля любит дождь; оберегал, как великая орлица, что принесла тебя сюда, оберегает своих птенцов. И так не сберег... Пусть остынет грудь моя,— пущу я стрелу в сердце другу!

Раз ночью, проснувшись от чуткого сна, я увидел, что возлюбленной нет возле меня. Я встал, вышел во двор,— она отворяла ворота, чтобы ехать куда-то. Глубокой ночью, одна...

Лишь выехала она, я вскочил на коня—и за ней. По дороге стала перед ней стена колючих кустов. Трижды махнула она

рукой, трижды промолвив: „Волей лесного царя, что носит острый топор на груди, пусть будет дорога!“ — и перед ней открылась тропа. Дальше нам встретились горы; отвесной стеной поднимались они, касались вершинами неба. „Пусть будет здесь путь мне волей царя гор, господина подземных сил!“ — закляла те горы жена. И явилась дорога... Перед глубокой пещерой сошла жена моя с коня и вошла туда. В пещере, сидя у костра, ждал ее молодой нарт Эрстхуо. Она кинулась к нему, кинулась быстро... Как быстро пущу я стрелу в сердце друга!..

— „Отчего так долго не приезжала ты, нечистая псина!“ — крикнул он ей. И стал бить плетью по ее белому телу. Она же, и пальцем мной никогда не тронутая, стояла перед ним на коленях, целовала плеть в руках его и, с любовью глядя ему в глаза, говорила: „Прости, возлюбленный! Дьявол-муж долго не засыпал“.

О!.. Вспомнил об этом,— я пущу стрелу свою в сердце друга!

Я кинулся в пещеру; в сердце моем, как горный ключ, кипела злоба... Но жена моя вырвалась из моих рук, вскочила на коня и умчалась. И нарт Эрстхуо, только раненный мной, скрылся от мести моей. Дома, когда я вернулся, жена встретила меня у порога, в руке ее была та самая плеть, которой нарт ее бил. Той плетью ударила она меня, громко воскликнув: „Будь ты псом, по воле царя всех зверей!“ Теперь я опять человек, но в сердце моем накипела злоба... и я пущу стрелу в сердце друга!

И я стал собакой. Семь лет бродил я по свету нечистым псом.

Через семь лет жена увидела меня и — безжалостная — обратила в осла.

Семь лет работал я на людей серым ослом и семь лет еще кормился падалью, обращенный женой в бурого коршуна... Она не пожалела меня, когда, измученный, до костей избитый, с глазами, льющими кровавые слезы, я стоял перед ней, опустив покорно длинноухую голову. И я не жалею теперь ее... и пущу стрелу мою в сердце друга.

Научил меня хитрый ведун, сам того не зная, как вернуть человеческий образ. Влетел я коршуном в мой прежний дом, похитил у жены волшебную ее плеть; ударившись об нее трижды, крикнул, как я мог: „Пусть буду я человеком опять, по воле бога богов, Сердцеведа!“ И стал человеком. Но в сердце моем трижды семь лет накипела месть. А месть — что буза: чем дольше ты ждешь, тем слаще пьешь...

Я пью теперь месть полной чашей, и одно лишь горчит мое сладкое питье,— злодей, мой обидчик, нарт Эрстхуо. В подземелье своего отца скрывает его дочь царя с южной стороны — родная сестра моей жены, которая не уйдет от меня теперь, обращенная мной до половины в камень той же волшебной плетью. В крепком подземелье скрывает моего врага дочь

царя с южной стороны,— оттого и нет еще другого такого несчастливца, как я... Ты хочешь стать ее мужем... но лучше уж я пущу стрелу мою в сердце друга!

И с теми словами встал Балай, сын Баркума, и вышел в соседний покой... Мгновенье — и молодец Али уже на крыльях великой орлицы, и летит она в даль от страшного дворца, словно буря несет ее.

Но со свистом догоняет орлицу стрела, с громом ударяет в крыло — посыпались перья, окутавши тучей летящих.

— Ты ранен, Али? — спросила орлица.

— Нет,— ответил молодец,— просвистела стрела мимо уха. А ты?

— Клянусь моими птенцами, ты счастливее всех живущих на свете. И мне стрела прошла сквозь крыло, не тронувши кости... Ты вдвойне счастлив, Али: и остался живым, и узнал о коварстве Боти, сестры той девицы, которую хотел ты взять в жены. Куда нести теперь тебя? В дом ее? Она злей и коварней сестры. Или в край твой родной, на милую родину?

— Неси, куда знаешь, мудрая орлица,— промолвил Али.

Говорила мне старая ворона и о том, что было дальше с Али: как вернулся он в родную землю, как счастливо прожил свой век, взяв себе добрую жену из своего племени. Все рассказала ворона, ничего не пропустив. И была речь ее длинная.

Но длинная — хороша веревка, а речь, чем короче, тем лучше.

СЕСКА СОЛСА И СТОРОЖЕВОЙ ВОИН

Сеска Солса проезжал однажды из гор на равнину и при входе в Ассиновское ущелье встретил человека, сидящего на большом камне. Человек этот был хорошо вооружен и, сидя на камне, держал обнаженную шашку острием к лицу.

Человек этот дремал и при каждом наклонении головы ударялся об острие шашки, и этим он ранил себе лицо и истекал кровью.

Такое положение сидящего человека заинтересовало Солсу, и он, подъезжая ближе, спросил его, зачем в таком положении он здесь сидит. Человек сказал, что он сидит в ожидании врага и боится заснуть. Враг его должен итти с равнины по ущелью, и при появлении его должна быть страшная буря[69].

Сеска Солса предложил этому человеку заснуть, обещая покараулить за него. Стерегущий человек предложил Сеске Солсу притянуть шашку к своему лбу, тогда он согласился на услугу его. Солса, несмотря на свою большую силу, хотя сделал это, но с большим трудом — так силен был стерегущий человек.

Как только повеяла из ущелья буря, то Солса разбудил сторожевого человека, и пока он проснулся, буря разыгралась со страшной силой. После бури вдруг показался из ущелья вооруженный человек, с ним была женщина, его жена. Как только встретились эти два врага, затеяли смертельный бой между собою. Шашки их быстро переломились, и тогда они вырывали деревья с корнями из земли и бросали их друг в друга, но, наконец, оба пали мертвыми.

Во время боя женщина стояла в стороне, и когда оба врага пали мертвыми, то Солса подошел к ней и сказал:

— Ты теперь осталась одна, и эти собаки лежат мертвые. Пойдем со мною и будешь моею женою, я всем известный Сеска Солса.

Женщина, посмотрев на него, ответила:

— Нет, ты не годишься мне в мужья. Ты для меня настолько еще молод, что если, сидя на коне, поднимешь кверху плеть, то едва достанешь до того места, где у меня раздвигаются ноги.

Солса попробовал и не достал. Так они и разошлись. Женщина вернулась обратно по ущелью, а Солса ушел обратно в горы.

КОЛОЙ-КАНАТ

В старину в горах жил Колой-Канат. Он имел три тысячи баранов. Загнав своих баранов в пещеру, он прикрывал выход одной большой плитой из кряжи и ложился спать. Эту пещеру он выбил на одном из гладких склонов горы; толщина этой плиты была около одного локтя, высота была около двенадцати локтей, длина двести-триста локтей. Сеска Солса стремился увести Колой-Каната. Когда Колой-Канат лег, поставив у входа своей пещеры эту плиту, к нему явился Сеска Солса со своим войском, но не смог сдвинуть плиту с места. Как ни напрягал Сеска Солса все силы, ничего не смог сделать, и послал он к Колой-Канату одну девушку. В ночь, когда эта девушка пришла к нему, он взял одного барана и зарезал для нее. Колой-Канат лег на свою постель, она легла на свою,— так они и переночевали. Наутро, сварив оставшееся мясо, он угостил ее и поел сам.

— Если уходишь, уход твой да будет благополучным; если останешься, сидение твое да будет хорошим,— сказал он и ушел, забрав баранов.

Вечером он вернулся домой с баранами. Когда он пришел домой, девушка сидела на том же месте. Опять зарезав барана, он дал ей поужинать и уложил спать, сам же лег на свое место отдельно. На следующее утро, как и в первый раз, Колой-Канат угостил ее и ушел, сказав:

— Если уходишь, уход твой да будет благополучным; если останешься, сидение твое да будет хорошим.

Сеска Солса подошел к выходу и сказал этой девушке:

— Меня и моих бойцов ты моришь голодом, к этому месту нельзя подвезти пищу, делай скорее то, что собираешься сделать, а не кончишь — я тебя убью.

Вечером вернулся Колой-Канат, как и прежде, поужинал, и когда хотел лечь на свою отдельную постель, девушка сказала:

— Ты собираешься лечь, отделяя постель, я же хочу — вместе, пришла к тебе... я пришла — выйти за тебя...

— Хорошо, если так,— сказал Колой-Канат и лег с ней.

Утром, открыв плиту у входа своей пещеры и выпустив баранов, он захотел вновь поставить плиту на место, но не хватило сил, и плита была поставлена на место так, что осталась щель, в которую могла пролезть кошка. Проведя с ней вторую ночь, он хотел поставить плиту на место, но мог поставить плиту на свое место со щелью, в которую уже мог пройти баран. После третьей ночи осталась щель, в которую могли пройти два барана и вооруженный человек в бурке.

На четвертую ночь Сеска Солса со своими двенадцатью бойцами вошел в пещеру, связал спящего с девушкой Колой-Каната, увез его и погнал баранту его. В полдень они добрались до оврага, где теперь течет Терек. День стал жарким, они остановились там поесть и отдохнуть. Говорят, у Колой-Каната постоянно впереди баранты находился один большой козел. Зарезав этого козла, Сеска Солса и его двенадцать бойцов съели мясо, а Колой-Канат лежал связанный.

— Будешь ли кушать мясо своего козла?— спросили его.

— Мясо бы я не стал кушать, но голенную кость этого козла я обгрыз бы зубами.

Ему передали голенную кость, очистив от мяса. Когда ему передали кость, он прорезал ногтем в ней лак[70], мизинцем просверлил пять отверстий и, сделав из кости зурну, заиграл на ней.

Звук этой зурны услышала, греясь на солнце, мать Колой-Каната.

Зайдя в дом, она сказала другим своим сыновьям:

— Я слышу, как наш мальчик играет на зурне, и игра эта — плачевные звуки. С ним случилось что-нибудь тяжелое.

Быстро поехали на тревогу его два брата в направлении, откуда доносились звуки зурны. Когда они прискакали на место, где сходятся три дороги, встретили всадника.

— Видел ли на этой дороге что-нибудь?— спросили они его.

— Я видел Сеска Солса с его бойцами, которые везли связанного Колой-Каната, я видел угоняемой его баранту,— ответил им всадник.

Братья поскакали, всадник продолжал свой путь, но, отъехав, он почувствовал, что два брата могут ввязаться в бой и наделать много зла. Подумав так, он поскакал обратно и, догнав их, поехал с ними. В сумерки они доехали.

В эту ночь они не открыли друг с другом боя. Но в ту ночь, когда они ночевали, тот, кто присоединился к братьям, молил бога:

— О, всемогущий бог, пошли между Сеска Солса и его бойцами с половиной баранты Колой-Каната и Колой-Канат с половиной баранты такую воду, которая разделит их и которую не мог бы пройти ни один человек!

В то время, говорят, Терек был небольшим ручейком. Но

после такой просьбы Терек потек таким многоводным потоком, что человек не мог перейти: Колой-Канат и половина его баранты вместе с ним остались по эту сторону. Сеска Солса и его уздени и половина баранты Колой-Каната остались по ту сторону.

— Если бы я пришел к тебе таким свободным, как теперь, то узнал бы ты, что я сделал бы с тобой,—вымолвил Колой-Канат. Он вырвал из горы скалу и бросил ее в сторону Сеска Солсы. Скала, попав в костер, горевший у них, вонзилась на пять-шесть локтей в землю. В том же виде, выделяясь над землей, торчит на этом месте и теперь.

Колой-Канат с братьями повернули домой. Возвращаясь домой, Колой-Канат говорит себе:

— Имею ли я ту силу, какую имел раньше?—Он поднял один большой камень, принес его и положил.

— Я имею по сравнению с прежней только половину силы,— сказал он, бросив камень. Тогда принес он к этому камню поменьше камень и положил его, затем положил еще камень, поменьше этого, и пошел домой, сказав:

— Наши потомки будут рассказывать, что эти камни так-то и так-то клал Колой-Канат.

Возвратившись домой, он бросил пещеру и стал жить со своими братьями.

ЧЕРСЕ-КАНАТ

Был человек по имени Черсе-Канат; он занимался тем, что сажал на десять пальцев своей жены десять яиц и пулей выбивал эти десять яиц.

Гордясь этим, он говорил:

— Попробуйте-ка найти человека, превосходящего меня, и показать мне!..

Во время стрельбы он заставлял свою жену держать на руках мальчика. Этого очень боялись и жена его и мальчик. Они похудели и совсем высохли. Не имея охоты умереть, жена убежала со своим мальчиком.

Тогда она встретилась с человеком по имени Тоташ Маржие, который, вырывая кремневые глыбы, растирал в порошок наибольшие из них на ладони и таким путем рыл горы.

— Слава сыну твоего отца! Нашел жену, нашел и мальчика,— сказал Тоташ Маржие.

— К чему моя жизнь, если бы не существовал этот мальчик?— молвила женщина и продолжала:—Я убежала от своего мужа, не имею возможности жить с ним от страха: посадит десять яиц на десять моих пальцев, заставит меня держать в объятиях сына и пулей выбивает эти яйца...

— Если так он в себе уверен,—сказал он женщине,—иди и скажи ему, что его зовет к себе Тоташ Маржие, роющий горы.

Женщина пошла домой.

— Иди,—обратилась она к мужу, поясняя:—В таком-то месте находится Тоташ Маржие; если ты превосходишь его, пойди к нему, он приглашает тебя к себе.

Выслушав ее и позеленев от злости, Черсе-Канат отправился к Тоташу Маржие.

Прибыв, он пустил в него между лопатками пулю.

— Неужели оса ужалила?—удивился Тоташ Маржие и почесал между лопатками.

Черсе-Канат снова пустил в его затылок пулю. После этого выстрела Тоташ Маржие вспомнил:

— Не тот ли это, о котором недавно рассказывала женщина?..— Оглянувшись, он увидел поднимающийся из-за камня дымок от выстрела; вырвал дерево, провел по нему рукой, очистил от веток и бросился за ним, побить его. Тот, убегая от него, бросился в объятия одного пастуха со словами:

— Я — твой и бога гость, спаси меня!

Пастух, ткнув палкой в землю, спрятал в вырытой яме его лошадь, его же самого спрятал во рву — в ямку от вырванного коренного зуба.

— Не видел ли ты осы, пытающейся жалить? — спросил Тоташ Маржие пастуха.

— О какой осе ты болтаешь? Убирайся поздорову! — резко ответил ему пастух, оборвав и отправив его назад.

После он вывел из ямы лошадь, самого Черсе-Каната и предложил ему отправиться домой.

Удивленный и этим пастухом и другим великаном, Черсе-Канат стал упрашивать пастуха рассказывать ему хабар обо всем.

— Уходи! Какой хабар я буду тебе рассказывать! — стоя ответил сердито пастух.

Черсе-Канат стал умолять:

— Я же — твой и бога гость, расскажи мне...

И начал тогда пастух рассказ:

— Нас было семеро братьев, среди которых я был самый низкий по росту. Передравшись со всем миром, не имея большого места, где побиться, шли мы по ровной стране, где нельзя было найти ни камня, чтобы бросить в воробья, и ни ветки — махнуть на барана; стояла одна глыба. Мы подъехали к ней, рассчитывая найти навес, чтобы укрыться от дождя, но глыба оказалась черепом какого-то человека. Когда мы сидели в этом черепе, мы увидели одного громадного роста человека с одним глазом по середине лба, который шел, погоняя впереди много баранов.

Когда он подошел со своими баранами, одна овчарка схватила зубами череп, в котором мы сидели, понесла к своему хозяину и бросила перед ним.

— Теперь ты стала таскать гнилые кости,— сказал он, ругая пса, и, ткнув палкой, далеко отшвырнул кость. Пес снова схватил кость и снова бросил ее перед ним.

Он нагнулся и, посмотрев на вновь принесенную кость, сказал:

— Да останешься ты хозяину[71],— и с этими словами он забросил в свою сумку для пищи кость с моими семью братьями и нашими семью конями. После понес эту кость в свою пещеру и положил.

В семь ночей он съел наших семерых коней, в шесть ночей съел моих шестерых братьев, надевая на конец длинного вертела и поджаривая... Когда же он уходил, то прикрывал свою

пещеру огромной плитой. Мы все семеро не смогли сдвинуть эту плиту с места при всем напряжении. Таким образом мы не могли бежать — и попались. Назавтра наступала моя очередь быть съеденным. В ожидании, что завтра ночью он меня съест, я лег спать. У него была привычка так крепко спать, что его нельзя было разбудить, что бы ни делали, даже если на нем кололи дрова.

„Все равно мне придется умирать",— подумал я и накалил на огне тот шампур[72], на чем он сажал людей. После этого я вынул его, направил на его глаз и налег на шампур, из всей силы вгоняя его. Ему все это было нипочем; он даже не пошевельнулся. Накалив еще раз так же, я и вогнал снова в его глаз шампур со всей силой, которую только имел. Тогда он немножко пошевельнулся. Испугавшись, я сел в середине пещеры. Он от этого не проснулся. Тогда я зарезал его козла, вожака его баранов, содрал с него шкуру и, чтобы быть похожим на козла, накинул на себя, рассчитывая выйти утром с баранами. Утром, выгоняя баранов, он пропустил меня, проведя по шерсти рукой. Я ушел со всеми его баранами и собакой. Когда я прошел семь гор и поднимался на восьмую, он, ища меня руками ощупью по всей пещере, наткнулся на конечности своего козла и догадался, что ослеп на глаз, и крикнул мне вслед: „Я съел семь твоих коней, я съел шесть твоих братьев, и сам ты не спасешься от меня!.." Я крикнул в ответ:

— Я прошел семь гор, поднялся на восьмую гору, хотя ты убил моих братьев, но им, видно, суждено было умереть, я же ослепил твой глаз, угнал все твое состояние, и ты умрешь теперь в своей пещере бесславно[73]... Там, куда я тебя посадил, есть место, образовавшееся от выбитого брошенным им кряжем коренного зуба... Вот и все. Теперь оставь меня. Иди домой и живи со своей женой спокойно...

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

ЧЕЧЕНСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

За вознаграждение даже овчарку на кладбище похоронить разрешил мулла.
Бездонная кадушка не наполнилась водой, а торговец не насытился богатством.
Сестра, не имеющая брата,— голая веточка.
Лучше сосед вблизи, нежели сородичи вдали.
Когда подрастает сын сестры — освобождаешься от обязанностей шурина.

Если отец поест, сын не насытится.
Без брата брат — что сокол без крыла.
Отец семи сыновей — храбр в сборище.
Два врага в одной комнате не уживаются.
Белые ручки любят то, что чужим трудом сделано.
У кого летом мозг не варит, у того зимой котел не кипит.
Повадился кувшин по воду ходить, да и остался на берегу.

Когда обнажается макушка пшеницы, грохочет небо.
Ружье одного убило, а язык — тысячу.
Летом поленишься — зимой помучаешься.
Чтобы отстоять посюсторонний берег, нужно бороться за овладение потусторонним берегом.

Терпение гору взяло, нетерпение душу взяло.
Где засветит солнце — сей пшеницу; где посеешь пшеницу — появится тень (мирный отдых)[74].
Не бойся зимы, за которой следует весна, а бойся осени, за которой следует зима.

Один летний день кормит зимний месяц.
Трудно быть хорошим, а плохим — легко.
Откуда выйдет зло, туда не войдет добро.
Усвоенное в молодости — подобно надписи на камне.
Богатством ума не купишь.
„Не знаю", „нет" — одно слово, а „узнал", „видел" — тысяча слов.

Задвигать засов после кражи коровы — бесполезно.
Девушка, которую хвалит мать, не оценивается.
Волка без зубов не бывает.
Чистого и огонь не обожжет, а грязного и вода не отмоет.

Без мороза на земле не покроется льдом озеро.
Курица, попытавшаяся запеть по-петушиному,— лопнула.
Красота — до вечера, а доброта — навеки.
Тихому не верь, вспыльчивого не бойся.
Без тучи на небе не прольется дождь, без горя на сердце не заплачет глаз.

Когда много покушаешь — и мед горчит.
Когда предложили принести самую красивую вещь, ворона доставила своего детеныша.

Один удар плетью на целый год хватает хорошему коню.
Обильная осень лучше плохой весны.
Храбрость дома — это трусость вне дома.
Прошедши в желудок — сила; наваленное на спину — груз.
Человек, когда он насытится, думает, что никогда не проголодается, а когда проголодается, думает, что никогда не насытится.
Когда клонит ко сну, не думаешь об изголовьи, а когда влюбишься, не считаешься с красотой.

Когда обворовали вора, даже бог засмеялся.
У чабана, боявшегося волка, не размножилась отара.
Необдуманно сделанное горем завершается.
Живущий у берега реки знает брод.
Воя, рыскавший волк оленя не поймал.
Не торопись и не забывайся.
От красивого слова и Казбек растаял.
Ласковое слово змею из норы вытащило.

Только война может дать отпор войне.
Чем больше прислушиваешься, тем больше шуму.
От постоянного течения вода не убывает.
Шашечно-ружейная рана залечивается, а словесная рана — нет.
Постареешь — молодость не вернется, умрешь — не воскреснешь.
Рука врача — десять целебных свойств.
В дерево не бросают палкой, когда на нем нет плодов.
Не обжигая шомпол, не сделаешь шашлык.
Только вор хвалит вора.
От шашечной раны остался шрам, а от словесной раны не остался.
Состарившийся волк охотится за кузнечиками.
Вода чиста у истока.
Если приготовить на троих, насытится и четвертый.
Если не сдержишь слова, то не сдержишь и клятвы.
Одной рукой двух арбузов не удержишь.
Если у себя дома не будешь иметь (уважения), то не будешь иметь его и вне дома.
Плохой ворон плохо каркает.
Не в самом начале танца становятся на носки.
Музыка издали приятнее.
Кто пошел без приглашения, тот вернулся без угощения.
Не ищи богатства, а ищи скот.
Переселение — разорение (комментарий — к царскому времени).
Силу своей арбы владелец лучше знает.
Когда ценишь имеющееся в наличии, множится богатство.
Сорванное яблочко к яблоне не пристанет.
Задвинул засов после кражи коровы.
Солома — не фураж, осел — не богатство, сыворотка — не милостыня.
Умер любимый — поднялся плач.
Высокое дерево не нуждается в ветре.
Обреченный на гибель волк взбирается на холм.
Красавица и в старом платье хороша.
Спасаясь от дождя, попал под водопад.
Не знаешь, кто бросил в тебя камнем и кто бросил грушей (добро и зло).
Спасаясь от воды, попал под мельницу.
Лук — это девять ядов, а чеснок — девять целебных свойств.
„Воды попросит — не голоден, не попросит — значит, у него пост (ураза)“,— сказала про себя гостю скупая хозяйка.
Не будь халвой: кто бы ни пришел — съест тебя; не будь зелеными (неспелым) плодом: кто бы ни откусил — выбросит тебя.
Ты лиса, а я — лисий хвост.
Вода ушла, а камень остался.

ЧЕЧЕНСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ, ПО СОДЕРЖАНИЮ СООТВЕТСТВУЮЩИЕ РУССКИМ

Чеченские:	Русские:
У съевшего чужую козу горит голова.	На воре шапка горит.
Спасаясь от воды, попал под мельницу.	Из огня да в полымя.
Спасаясь от дождя, попал под водопад.	„ „ „ „
Откладывающий назавтра то, что необходимо сделать, будет жить с жаждой желанного.	Не откладывай назавтра то, что можно сделать сегодня.
Не случится беда без последующего добра.	Нет худа без добра.
Не подытоживай, в путь отправляясь, а подытоживай, с пути возвращаясь.	Не хвались, идучи в бой, а хвались, идучи с боя.
За двумя благами погнавшийся без ничего остался.	За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь.
Безглазый, а в чужом глазу бельмо подметил.	В чужом глазу сучок видит, а в своем бревна не замечает.
Лучше перепелка в руках, нежели осенью олень.	Лучше синица в руках, чем журавль в небе.
В вырытую для других яму сам попадешь.	Не рой яму другому — сам в нее попадешь.
Куда коза, туда и козленок.	Куда конь с копытом, туда и рак с клешней.
Когда в голове нет ума, страдают ноги.	Беда ногам с дурной головой.
При пахании сказанное, при молотьбе нашлось.	Что посеешь, то и пожнешь.
Ожегшись супом, дует на воду.	Ожегшись на молоке, дует на воду.

Увидевший летом змею боялся бечевки зимой.

Если хочешь узнать человека — изучи его связи.

По коврику протягивай и ножки.

Долю опоздавшего кошка съела.

Что на уме — лезет через уста.

Пуганая ворона куста боится.

Скажи, с кем ты водишься,— скажу, кто ты.

По одежке протягивай ножки.

Кто зевает, тот воду хлебает.

Что на уме, то на языке.

ИНГУШСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Мала — золотая монета, большой — черный пятак.

В недружной семье добра не бывает.

Старый волк двух баранов утащит.

Грушу трижды в рот бери; сливу понюхай; яблоко на дорогу бери.

Кто сказал — спрыгни, у того нога не сломалась, у спрыгнувшего сломалась.

О самом красивом человеке сказали: у него шея длинная.

В орлином гнезде запах железа не переводится.

Резвость — хорошее качество коня; красота — хорошее качество девушки.

Как накаленное железо с холодной водой, так дружны они между собой.

Одна искра аул сожгла.

В старости и лев становится псом.

Взбесившийся конь на кол натыкается.

Гость масленые пироги ожидал, хозяин и мамалыгу не думает готовить.

Чего жаждал,— не достиг; над чем издевался — достиг.

Человек, не ощущающий вкуса соли, не ощутит вкуса воды.

При купле-продаже у одного глаза заволакиваются.

Медвежонок с волчонком подрались, а кувшин с молоком мне достался.

Если вечер зарумянится — ужин готовь; если утро зарумянится — покрывало готовь.

Друг голову рассматривает, недруг — ноги.

Без горя глаз не заплачет, без тучи дождь не пойдет.

Кто не брал верха, тот не может иметь и спуска.

Кто не бережет копейки, тот сам не стоит копейки.

Не всегда вода течет по одному руслу.

Когда сказали: „Пойдем уничтожать плохих людей“,— самый плохой стал шашку точить.

ПРИМЕЧАНИЯ

Песня о Шихмирзе, сыне Зайты — записано в чеченском ауле Старые Атаги в 1925 г. Возникновение песни, по свидетельству стариков, относится к периоду войны Шамиля с царской Россией.

Песня о князе Мусосте и о Сурхо, сыне Ады...— записано в ауле Старые Атаги в 1925 г. Возникновение песни относится, по утверждению старожилов, к периоду походов генерала Ермолова (1812—1820 гг.) на Чечню. Герой песни Сурхо происходит из Надтеречного района Чечни, он боролся против русских войск и кумыкского князя Мусоста.

Три победы Шихмурзы — записано в 1935 г. в городе Грозном, чеченская песня.

Некий сын и Солса — записано в 1925 г. в ауле Старые Атаги.

Песня о Джаммирзе, сыне Мади — записано в ауле Старые Атаги в 1925 г. Песнь сложена в период войны Шамиля с царской Россией. Это — одна из наиболее любимых песен чеченцев.

Актола, сын Джуми — записано в 1935 г. в чеченском ауле Махкеты.

Эли, сын Умаров, из Акки — записано в ауле Старые Атаги в 1925 г. Песня относится к периоду конца XVIII и начала XIX столетия.

Сын матери, живущей между двумя отрогами предгорья — записано в 1925 г. в ауле Старые Атаги.

Горный сокол — записано в 1931 г. в ауле Старые Атаги. Возникновение песни относится к периоду заселения гребенских казаков.

Песнь каторжника — записано в 1925 г. в ауле Старые Атаги. Песня сложена после восстания в Чечне в 1877 г. против царского гнета.

Сетование влюбленного — записано в ауле Старые Атаги в 1931 г.

Девушки — записано в городе Грозном в 1935 г.

К птице — записано в 1928 г. в чеченском селении Урус-Мартан. Песня сложена в период восстания в Чечне, в 1877 г.

Не обездоль меня — записано в 1927 г. в селении Урус-Мартан.

Высокие горы — записано в 1935 г. в чеченском ауле Сахкеты.

Письмо — записано в 1930 г. в ауле Старые Атаги. Песня сложена в 1920 г.

Красное солнце — стихотворение записано в 1935 г. в ауле Махкеты.

Скорбь о брате — записано в 1930 г. в ауле Старые Атаги.

Оставь меня — записано в 1930 г. в ауле Старые Атаги.

О Ленине — записано в 1925 г. в ауле Старые Атаги.

Чеченская песня о Сталине — записано в селении Урус-Мартан в 1935 г.

Ингушская песня о Серго — записано в 1937 г. в гор. Грозном.

О колхозе — записано в 1934 г. в ауле Старые Атаги.

Выходи за меня — ингушская песня, записано в 1938 г. в гор. Грозном.

Автуринцам — записано в 1934 г. в чеченском селении Шали со слов колхозников.

Юный Али — чеченская песня; записано в 1937 г. в гор. Грозном.

Хитрость мужа и жены — записано в 1931 г. в чеченском ауле Старые Атаги. Сказка эта существует давно и по сюжету, видимо, должна быть отнесена к тому периоду, когда быт и взаимоотношения между мужчиной и женщиной были несложны, в противоположность тому времени, когда проникший в Чечню ислам (мусульманская религия) в корне изменил бытовой уклад, сделав женщину (по закону ислама) полной рабыней. Сюжет сказки, надо полагать, восходит к первым временам проникновения ислама в Чечню.

Старец и змея — записано в 1925 г. в ауле Старые Атаги.

О небылицах — чеченская сказка.

Эширп, сын Гарапа — записано в 1926 г. в чеченском селении Шатой.

Три совета старцев — записано в 1930 г. в ауле Старые Атаги.

Мать и дочь — записано в 1929 г. в чеченском селении Урус-Мартан.

Девушка и судья — записано в 1934 г. в селении Урус-Мартан.

Хороший брак — записано в 1930 г. в ауле Старые Атаги.

Счастье и разум — записано в 1929 г. в селении Урус-Мартан.

Лисица и перепелка — ингушская сказка.

Хамбор и пристав — ингушская сказка.

Как Фушт-Бейг заработал у ведьмы жеребенка и увез жену от гарбаша — ингушская сказка.

Восемь братьев и сестра их ведьма — ингушская сказка.

Волк, лисица и еж — ингушская сказка.

Жадность и наказание заложную клятву — ингушская сказка.

Волк-дурень — чеченская сказка.

Хлеб-соль забывается — чеченская сказка.

Сказка о Черном Хоже — записано в 1936 г. в горном ауле Элистанжи. Представленная здесь чеченская сказка — странствующая в народах Востока сага.

Наука дороже богатства — записано в 1936 г. в чеченском ауле Элистанжи.

Шейх и мюрид — записано в 1927 г. в горном чеченском селении Шатой.

Суд над двумя — записано в 1926 г. в ауле Старые Атаги.

Как осел сделался шейхом — записано в 1927 г. в селении Шатой.

Мулла — записано в 1929 г. в селении Урус-Мартан.

Ложь и правда — записано в 1929 г. в селении Урус-Мартан.

Женщина и мулла — чеченский рассказ.

Бедняк и святой — ингушский рассказ.

Чорт и его товары — ингушский рассказ.

Чорт и зурна — ингушский рассказ

Магомат Мескитинский — записано в 1926 г. в чеченском ауле Кошкелды.

Бало — старинное предание — записано в ауле Старые Атаги в 1930 г.

Отток — легенда, записано в чеченском ауле Итум-Кале в 1930 г.

Морской конь — чеченская легенда.

Герой — записано в 1926 г. в селении Шатой.

Астемир из Шатоя — записано в чеченском ауле Гойты. Возникновение рассказа относится, по свидетельству стариков, к первой половине XIX столетия, в период войны чеченцев с русскими.

Муцул и Секки — записано в 1930 г. в чеченском горном ауле Итум-Кале.

Невиданное дело — чеченская легенда.

Как погибли нарты Эрстхуо — ингушская легенда.

Балай и Боти — ингушская легенда.

Сеска Солса и сторожевой воин — ингушская легенда.

Колой-Канат — ингушская легенда.

Черсе-Канат — ингушская легенда.

КОММЕНТАРИИ

[1] Клеймо — волчья голова — ставилась тогда на клинках шашек из самой лучшей стали.

[2] Адаты — религиозные законы и обычаи у мусульман. В данном случае адат нарушен, потому что у чеченцев принято, чтобы брак устраивал не сам жених, а его родичи.

[3] Старейший род князей Шамхала Тарковского.

[4] Дом Корейшитов — одно из разветвлений рода Магомета.

[5] Ортум — имя генерала царской России, по происхождению — грузин.

[6] Алхан Турлов — кумыкский князь, в первой половине XIX столетия поселившийся с помощью царского правительства в Чечне.

[7] Кривая зурна — так называли горцы какой-нибудь духовой инструмент.

[8] Мержоевские молодцы — молодежь местности Мержоя; славились удальством и набегами.

[9] Акки — Аккинское родовое общество, население с горной полосы.

[10] Черное Тарко — бывшие владения князя Шамхала Тарковского. За жестокость к населению весь его район был прозван „черным".

[11] Под соколом подразумевается горец, оттесненный царизмом с плоскогорья к горам, где условия существования были гораздо сложнее, чем на плоскогорьи.

[12] Идал — река Волга.

[13] Сунжа — горная река, протекающая через г. Грозный.

[14] Эржкинез — вождь бедноты. Так ингуши называли С. Орджоникидзе.

[15] Автуры — аул Шалинского района, к колхозникам которого прибыла бригада ударников, чтобы взять Автуры „на буксир".

[16] Шамиль — имя.

[17] Герменчуг — название аула Шалинского района.

[18] Шамилевский табак. В Чечне и Дагестане в эпоху Шамиля, под предводительством которого на протяжении 25 лет велась упорная война против царской России, разводился доморощенный, очень крепкий табак, заслуживший славу: крепкий, как Шамиль.

[19] Хаджи. У мусульман был обычай ездить в Аравию, в город Мекку, на поклонение гробу Магомета. Людей, побывавших в Мекке и посетивших гробницу Магомета, называли хаджи.

[20] Шайтан — сатана, чорт, дьявол.

[21] Зурна — музыкальный инструмент вроде дудки, удлиненный, конусообразный рожок.

[22] То есть зурна ни разу ни пикнула.

[23] Дуба-Юрт — название чеченского аула.

[24] В массе есть поверье: если утром бывает заря, то днем будет дождь, а если накануне с вечера заря, то следующий день будет хороший, без дождя.

[25] Мулла Несирт — легендарный мулла, известный в народе как остряк и философ.

[26] Чалма — длинная белая повязка на головном уборе у хаджи и у мулл.

[27] Два шей — два пятака.

[28] Кади — духовное лицо, до революции он же и судья.
[29] Нухдувгирг — палка с железным наконечником.
[30] Гарбаш — страшное чудовище.
[31] Альчики — казанки — кости от голени овец или других рогатых животных.
[32] Горцы Чечни и Ингушетии во время затмения производят в небо выстрелы.
[33] Хабар — новость, разговор.
[34] Валлаги-биллаги — клятва именем Аллаха.
[35] Шейх — в понятии горцев Северного Кавказа — святой. Мюрид — приверженец шейха, сектант, последователь.
[36] Зикр — псалмы и священное пение.
[37] Орси-Мохи: орси — русский, мохи — страна, русская страна, или Россия.
[38] Восклицание при тревоге.
[39] Ругательство: ишак твоему брату!
[40] Чепильги — национальное кушанье в виде блинчиков.
[41] Тезет — обычай, когда старики и родственники умершего просиживают у себя во дворе три дня, встречая приходящих высказать соболезнование, сожаление.
[42] По рассказам стариков, Кагерман — князь, явившийся в Чечню от других соседних народностей.
[43] В пределах территории Чечено-Ингушетии находится несколько кумыкских аулов; кумыки — тюркская народность.
[44] Нахчо — чеченцы.
[45] До недавнего времени чеченцы давали имена рожденным по имени животных и птиц наиболее популярных, хищных и храбрых: борз — волк, кант — парень, молодец, значит — парень-лев; кюйр — ястреб; лом — лев и т. п.
[46] Коку — голубка, голубь.
[47] Кур — гордый; корт — голова, гордая голова.
[48] Ичкерия — восточная часть дальней горной Чечни.
[49] Шали — предгорное чеченское селение, ныне районный центр.
[50] Хорд (Нача) — море; дин — жеребец, морской конь.
[51] Самострелы — в старину горские племена употребляли самострелы, стрелявшие свинцовыми пулями.
[52] Восточное море — Каспийское море; скала Хорддин — на берегу Каспийского моря, недалеко от города Махач-Кала.
[53] Калым — выкуп за женщину; жених дает за невесту ее родителям деньги и какое-нибудь имущество.
[54] Салам или салам алейкум — приветствие при встрече, Ва-алейкум салам — ответ на приветствие.
[55] Буре — по-чеченски бывший город Владикавказ, ныне город Орджоникидзе.
[56] Прохладное и Моздок — в старину бывшие казачьи укрепления; ныне крупные районные центры Орджоникидзевского края.
[57] В первой половине XIX столетия, во время колонизации царской Россией горцев, русских путешественников провожали от пункта до пункта. Посылали с этапом охрану от возможного нападения.
[58] Нартовский эпос — богатырский эпос Нарты — великаны-богатыри.
[59] Джайцы — так в старину называли аварцев, населяющих горную часть Дагестана, граничащую с горной Чечней.
[60] Мельхистан — от слов мелх, или малх — солнце, и стан — страна, то есть страна солнца; местность эта находится в дальней горной части Чечни, где горная долина Мельхистан более двух третей года свободна от облаков, с большим количеством солнечных дней в году.
[61] Искандер—Александр Македонский. По восточному сказанию, Александр Македонский победил гогов и магогов (по-тюркски-татарски — Яджуджь и Меджуджь) и запер их на дальнем севере за ледяными стенами, то есть за Кавказским снежным хребтом. В старой фарсидской литературе упоминаются Яджуджи и Меджуджи, выселенные за далекие горы.
[62] Земли Нахчо — земли чеченцев.

[63] Майран-пур — от слов майр — храбрый и пур — шашка, это означает — храбрая шашка, или в переносном смысле — знаменитая шашка.
[64] Эрстхуо (Эрстхо). В северо-западной части, между линией границ Чечни и Ингушетии, жил род чеченского племени Эрстхо; и до сих пор в народной терминологии сохраняется слово Эрстхуо (или Эрстхо).
[65] Сердцевед — имя горского языческого бога.
[66] Калай-Кант — имя великана-богатыря.
[67] Аргунь — горная река в Чечне.
[68] „Ослиный сыр“ — иносказательно — старый гриб.
[69] При выходе из гор в Ассинское ущелье (Чечено-Ингушетия) стоит древняя крепость на огромном камне-скале, лежащем в русле реки Ассы. Возможно, что здесь иносказательно изображаются сторожевая служба в этой крепости и упорное сражение с врагом, проникшим с равнины.
[70] Лак — узкая щель (по-ингушски).
[71] В данном случае — приветливое, ласковое обращение.
[72] Шампур — вертел, на котором готовят шашлык.
[73] То есть дословно: обнищаешь как собака и умрешь без обряда.
[74] Здесь в смысле: удастся — сей, а посеешь — будет жизнь, жизнь-отдых.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 3

ПОЭЗИЯ

Песни героические:

Песня о Шихмирзе, сыне Зайты. *Пер. А. Кочеткова* 7
Песня о князе Мусосте и о Сурхо, сыне Ады, живших у берегов Терека. *Пер. А. Миниха* . 14
Три победы Шихмурзы. *Пер. М. Талова* . . 24
Некий сын и Солса. *Пер. С. Олендера* . . . 32
Песня о Джаммирзе, сыне Мади. *Пер. В. Бугаевского* 36
Актола, сын Джуми. *Пер. С. Олендера* . . . 45
Эли, сын Умаров, из Акки. *Пер. А. Т.* . . . 50
Сын матери, живущей между двумя отрогами предгорья. *Пер. К. Липскерова* 59
Горный сокол. *Пер. А. Кочеткова* 60

Песни лирические:

Песнь каторжника. *Пер. К. Липскерова* . . . 62
Сетования влюбленного. *Пер. К. Липскерова* . 64
Девушки. *Пер. К. Липскерова* 65
Есть рыба. *Пер. К. Липскерова* 66
К птице. *Пер. К. Липскерова* 67
Что же тебя увели? *Пер. К. Липскерова* . . . 68
Не обездоль меня 69
Высокие горы 70
Письмо. *Пер. С. Олендера* 71
Красное солнце. *Пер. К. Липскерова* 73
Скорбь о брате. *Пер. К. Липскерова* 74
Оставь меня. *Пер. К. Липскерова* 75

Песни колхозные:

О Ленине. *Пер. К. Липскерова* 76
Чеченская песня о Сталине. *Пер. А. Чачикова* 78
Ингушская песня о Серго. *Пер. Липкина* . . 80
Песня девушки 82
О колхозе 83
Спеши, моя сестричка 84
Выходи за меня. *Пер. Липкина* 85
Автуринцам. *Пер. С. Олендера* 87
Юный Али. *Пер. Липкина* 90

ПРОЗА

Сказки:

Хитрость мужа и жены 95
Старец и змея 141
О небылицах 143
Эпирп, сын Гарапа 145
Три совета старцев 150
Мать и дочь 153
Девушка и судья 155
Хороший брак 158
Счастье и разум 161
Лисица и перепелка 163
Хамбор и пристав 165
Как Фушт-Бейг заработал у ведьмы жеребенка и увез жену от гарбаша 167
Восемь братьев и сестра их ведьма 175
Волк, лисица и еж 180
Жадность и наказание за ложную клятву . . 182
Волк-дурень 184
Хлеб-соль забывается 185
Сказка о Черном Хоже 186
Наука дороже богатства 195

Рассказы:

Шейх и мюрид 201
Суд над двумя 205
Как осел сделался шейхом 206
Мулла 209
Ложь и правда 211
Женщина и мулла 213
Бедняк и святой 216
Чорг и его товары 218
Чорт и зурна 218

Легенды:

Магомат Мескитинский 219
Бало 227
Отток 231
Морской конь 232
Герой 236
Астемир из Шатоя 246

Нартовский эпос:

Муцул и Секки 249
Невиданное дело 252
Как погибли нарты Эрстхуо 255
Балай и Боти 260
Сеска Солса и сторожевой воин 266
Колой-Канат 268
Черсе-Канат 271

Пословицы и поговорки:

Чеченские пословицы и поговорки 274
Чеченские пословицы, по содержанию соответствующие русским 277
Ингушские пословицы и поговорки 279
Примечания 281
Комментарии 283

ЧИТАТЕЛЬ!

Сообщите ваш отзыв об этой книге, указав Ваш возраст, профессию и адрес

Государственному издательству „Художественная литература", Массовый сектор

Москва, центр, улица 25 Октября, д. 10/2.

Редактор П. Киселев.
Художн. Г. Петроа и И. Костылев
Технический редактор С. Симоков
Корректор М. Зезин

Сдано в набор 2/II 1938 г. Подписано в печать 22/X 1940 г. А-32734. X—60. Ч. 57 Зак. изд. № 50. Авт. 15,21 л., п. л. 18. Форм. бум. 60×92¼₁₆. Зак. тип. № 1976. Тираж 10000.
Набрано и матрицировано в 3-й фабрике книги „Красный пролетарий" треста „Полиграфкнига". Москва, Краснопролетарская, 16.

Отпечатано с матриц в типографии Гослитиздата, Москва, 1-й Самотечный пер., д. 17.

6